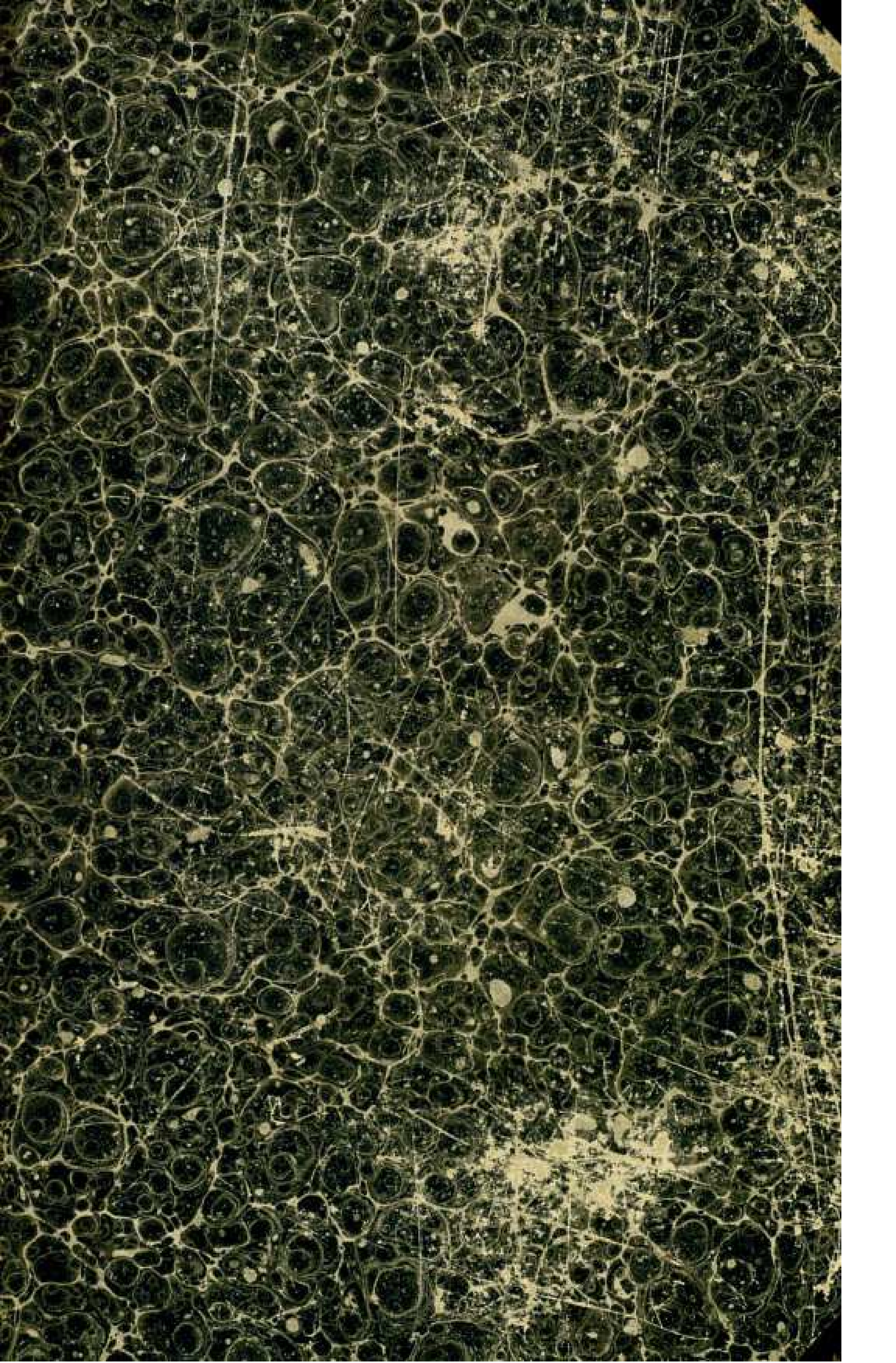

СОЛОВКИ и ВАЛААМЪ.

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТОВЪ-ПАЛОМНИКОВЪ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

(Отдѣльный оттискъ изъ **Душеполезнаго Чтенія** 1900—1901 гг.).

СОЛОВКИ И ВАЛААМЪ.

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТОВЪ-ПАЛОМНИКОВЪ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Мая 12 дня 1901 года.

Цензор *Протоіерей Іоанн Петропавловскій*.

Соловки и Валаамъ.

Дневникъ студентовъ-паломниковъ.

I.

Путешествіе, дневникъ котораго предлагается здѣсь, задумано было въ началѣ прошлаго года; мысль о немъ пришла нѣсколькимъ лицамъ сразу; коллективныя паломничества учащихся, которыя такъ развились въ послѣднее время, давно уже привлекали вниманіе нашихъ студентовъ, а близость Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги и оживившійся въ послѣднее время интересъ къ Сѣверу естественно должны были направить ихъ путь къ Соловкамъ. Сначала предполагалось ограничиться только одною этою обителью, но потомъ планъ путешествія былъ расширенъ и въ него введенъ былъ и Валаамъ; намѣтивъ эти два пункта, паломники имѣли въ виду описать какъ можно шире кругъ по Сѣверу и сравнить между собою два знаменитыхъ монастыря, изъ которыхъ одинъ послужилъ метрополіей для другого.

Организацію путешествія взялъ на себя инспекторъ академіи архимандритъ Евдокимъ въ сотрудничествѣ со своимъ помощникомъ іеромонахомъ Анастасіемъ. Изъ студентовъ выразили желаніе ѣхать очень многіе, но большинство изъ нихъ не располагало нужною для этого суммою денегъ. Чтобы устранить это первое и самое существенное затрудненіе, мы пытались было сдѣлать заемъ въ братствѣ преподобнаго Сергія, но послѣднее нашло, что

такого рода благотворительность не входитъ въ его программу; тогда мы нашли другой источникъ, изъ котораго нуждающіеся студенты и получили ссуду по 35 руб. на каждаго.

Устроивши такимъ образомъ свои финансовыя дѣла, мы начали разрабатывать подробный маршрутъ путешествія. Для этого намъ пришлось просмотрѣть множество указателей и описаній сѣвернаго края и наводить постоянныя справки у студентовъ-сѣверянъ. Самый прямой и кратчайшій путь къ Соловкамъ лежалъ для насъ по Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дорогѣ, но насъ пугала перспектива путешествія по Вологодско-Архангельскому участку этой дороги, гдѣ намъ предстояло въ теченіе двухъ сутокъ ѣхать со скоростію 20 верстъ въ часъ и не видѣть предъ глазами ничего, кромѣ сплошной лѣсной просѣки. Чтобы сдѣлать свою поѣздку болѣе пріятной, содержательной и разнообразной, мы рѣшили доѣхать по желѣзной дорогѣ только до Вологды, а здѣсь пересѣсть на пароходъ и по Вологдѣ, Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ добраться до Архангельска. Тѣ изъ насъ, кто ѣздилъ на пароходахъ, знали, какія неизмѣримыя удобства представляютъ они по сравненію съ желѣзнодорожными поѣздами, а Двина обѣщала намъ такія красоты, что мы охотно готовы были проплыть по ней нѣсколько лишнихъ дней. Къ тому же на этомъ пути лежали города Тотьма и Великій Устюгъ, знаменитые своими святынями и историческимъ прошлымъ. Переѣздъ изъ Архангельска на Соловецкій островъ не могъ представлять для насъ никакихъ затрудненій, такъ какъ мы знали, что здѣсь совершаютъ постоянные рейсы пароходы, принадлежащіе Мурманскому обществу и самому Соловецкому монастырю; но мы никакъ не могли установить направленіе своего пути отъ Соловковъ къ Валааму. Желая осмотрѣть какъ можно болѣе мѣстностей, мы ни за что не хотѣли возвращаться изъ Соловковъ старымъ путемъ или по Московско-Архангельской желѣзной дорогѣ. Насъ чрезвычайно прельщалъ живописный Олонецкій край,

чрезъ который обыкновенно ѣздятъ изъ Архангельской губерніи въ Петербургъ: въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы высадиться на берегъ въ Кеми; отсюда проѣхать по почтовому тракту до Повѣнца и затѣмъ по Онежскому озеру, Свири и Ладожскому озеру—до Валаама. Но мы не были увѣрены въ томъ, что найдемъ достаточное количество лошадей на длинномъ почтовомъ трактѣ отъ Кеми до Повѣнца и надѣялись получить объ этомъ точныя свѣдѣнія лишь на Соловкахъ. На Валаамѣ мы намѣревались пробыть дня три, четыре; отсюда рѣшено было переправиться въ Сердоболь и по финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ доѣхать до Петербурга (конечнаго пункта нашего путешествія), завернувши по пути на Иматру.

По приблизительному разсчету весь этотъ путь долженъ былъ занять не болѣе одного мѣсяца и обойтись не дороже 40 руб. на каждаго.

Такъ какъ наши средства были очень ограничены, а въ дорогѣ могли случиться непредвидѣнныя издержки, то мы заранѣе старались сократить свои расходы.

Пользуясь положеніемъ учащихся, мы обратились въ правленіе Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги и къ владѣльцу двинскихъ пароходовъ г. Кострову съ просьбою о льготномъ проѣздѣ. Оба наши ходатайства увѣнчались успѣхомъ: правленіе М.-Я.-А. дороги предоставило намъ право ѣхать въ III-мъ классѣ по тарифу IV-го, а г. Костровъ сдѣлалъ намъ 20% скидки. Между тѣмъ слухъ о нашемъ предстоящемъ путешествіи быстро распространился въ Москвѣ и за ея предѣлами. Нѣкоторыя посторонні лица, имѣющія тѣ или другія связи съ академіей, изъявили желаніе присоединиться къ намъ. Число паломниковъ такимъ образомъ увеличилось и окончательно опредѣлилось въ 27 человѣкъ. Вотъ ихъ имена:

Инспекторъ академіи архимандритъ Евдокимъ, помощникъ его іеромонахъ Анастасій, студенты IV курса: А. С. Смирновъ, III курса: Г. В. Зерцаловъ, П. В. Грузиновъ; Н. А. Величкинъ, В. П. Шипулинъ, П. В. Артамоновъ,

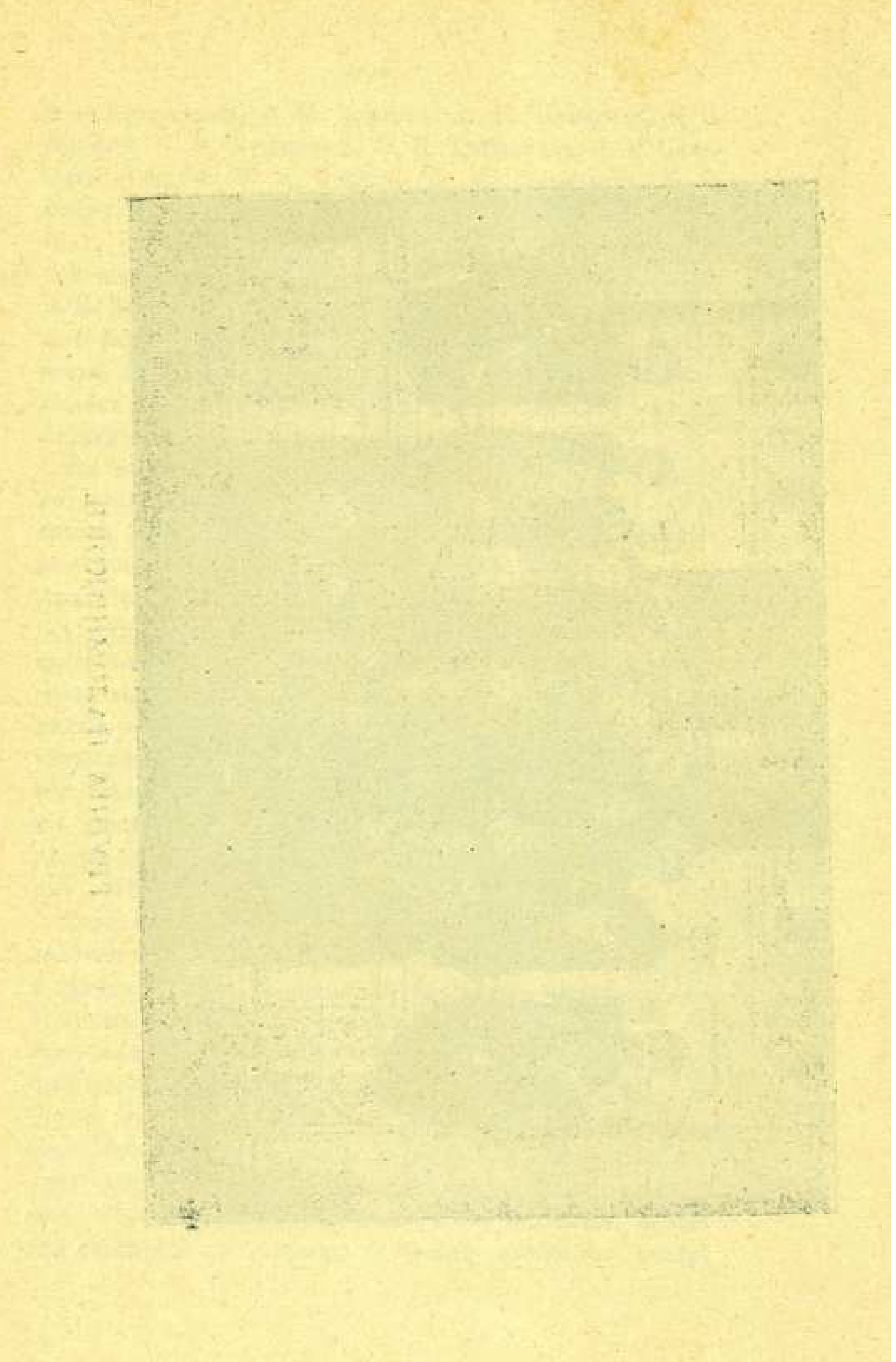
А. А. Купленскій, А. М. Друговъ, Д. А, Шуваловъ, Н. И. Нарскій, Н. Е. Румянцевъ, В. Н. Третьяковъ, А. М. Смирновъ, II курса: П. М. Поповъ, Д. К. Чистилинъ, Н. Г. Высотскій, Д. Г. Коноваловъ. I-го курса: М. И. Сѣнцовъ, А. Г. Платоновъ, С. А. Зерновъ, Н. В. Беневоленскій, помощникъ инспектора Виѳанской Духовной Семинаріи Н. П. Казанскій, законоучитель IV-й Московской гимназіи о. Іоаннъ Іоанновичъ Добросердовъ, священникъ с. Абакшина, Московскаго уѣзда, о. Михаилъ Суворовскій и о. діаконъ Архидіаконо-Стефановской Московской церкви Леонидъ Ив. Любимовъ.

Къ концу мая всѣ приготовленія были закончены, и назначено было время выѣзда—10-го мая, въ 11 ч. 44 м. вечера. Въ началѣ іюня въ нѣкоторыхъ газетахъ было сообщено, что Бѣлое море запружено льдами и что въ Архангельскѣ скопилась масса богомольцевъ въ ожиданіи первыхъ пароходовъ. Какъ ни встревожены мы были этими извѣстіями, рѣшили однако не откладывать поѣздки. 8-го числа запросили телеграммой смотрителя Соловецкаго подворья въ Архангельскѣ и получили успокоительный отвѣтъ: навигація открылась. 10-го числа утромъ въ академію стали стягиваться участники путешествія; нѣкоторые изъ студентовъ-паломниковъ, успѣвшихъ послѣ экзаменовъ уѣхать домой, вернулись теперь съ родственниками, которые хотѣли проводить ихъ.

Опустѣвшая было академія снова оживилась: наши паломники всюду бѣгали и суетились, укладывая свои вещи и закупая все необходимое для артельнаго хотяйства. Въ 8 часовъ вечера въ академическомъ храмѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Преосвященный Ректоръ благословилъ насъ въ путь. Помолившись у раки препод. Сергія, мы забрали свой багажъ и поспѣшили на станцію. Здѣсь насъ ожидало радостное извѣстіе: начальникъ движенія телеграфировалъ намъ, что для насъ будетъ отведенъ отдѣльный вагонъ. Въ ожиданіи поѣзда всѣ разбились на кружки и начали оживленно разсу-

ГРУППА ПАЛОМНИКОВЪ.

ждать о предстоящемъ путешествіи. Чувства бодрости и какого-то скрытаго страха, которыя обыкновенно испытываетъ человѣкъ предъ началомъ долгаго пути, невольно возбуждали всѣхъ. Студенты рѣшительно не могли скрыть своего волненія. Вооруженные плащами, биноклями и дорожными сумками, они шумно расхаживали по платформѣ и съ нѣкоторою гордостью посматривали на прочихъ пассажировъ... Но вскорѣ случилось обстоятельство, которое невольно заставило собраться всѣхъ вмѣстѣ. Посланный нами за билетами студентъ Д. К. Ч—нъ, вмѣсто нихъ принесъ... накладную. Оказалось, что онъ числился отправителемъ товара, а мы считались принадлежащимъ ему грузомъ. Пораженные этимъ страннымъ желѣзнодорожнымъ языкомъ, мы не могли, конечно, удержаться отъ смѣха. Полился цѣлый потокъ остротъ и каламбуровъ, который, казалось, никогда бы не окончился, еслибы намъ скоро не объявили о приближеніи поѣзда. Мы поспѣшно вышли на платформу. Кондукторы предупредительно отперли предназначаемый для насъ вагонъ. Едва мы успѣли разложить здѣсь свои вещи и проститься съ провожавшими насъ лицами, какъ раздался третій звонокъ. Поѣздъ тронулся. Лавра въ послѣдній разъ промелькнула предъ нашими глазами и быстро скрылась изъ виду.

II.

11 іюня въ началѣ 7-го часа утра мы пріѣхали въ Ярославль. Несмотря на совсѣмъ почти безсонную ночь, всѣ чувствовали себя прекрасно. Живой всецѣло захватывающій интересъ поѣздки отгонялъ совершенно всякую мысль о снѣ. Съ большимъ запасомъ силъ и бодрымъ духомъ вышли мы на платформу Ярославской станціи. Къ помощи носильщиковъ изъ насъ никто не прибѣгалъ. Каждый самъ выносилъ изъ вагона свои дорожныя вещи, изъ которыхъ и образовался на платформѣ цѣлый складъ. Къ вещамъ тотчасъ же изъ нѣсколькихъ человѣкъ была приставлена

стража, которая должна была охранять ихъ отъ возможныхъ нападеній всюдусущихъ любителей чужой собственности. Всѣ остальные, свободные отъ какихъ-либо обязанностей, разсыпались по вокзалу и платформѣ, ища любопытными взорами хоть сколько-нибудь интереснаго, на чемъ бы можно было остановить свое вниманіе. Но пока приходилось довольствоваться наблюденіемъ одного, правда очень хорошаго, вокзала и обычнаго на станціяхъ суетливаго движенія публики. Самаго города, который ранѣе промелькнулъ было предъ нашими взорами, теперь не было видно.

Осмотру Ярославля и поклоненію его святынямъ у насъ было рѣшено посвятить весь этотъ день. Нашими путеводителями по городу ранѣе, предъ поѣздкой, выражали желаніе быть трое изъ студентовъ ярославцевъ, которые хотѣли встрѣтить насъ здѣсь на станціи и присоединиться къ компаніи для дальнѣйшаго путешествія. Но они, къ сожалѣнію, не явились къ приходу поѣзда и дѣло осмотра намъ приходилось начать безъ нихъ.

Первымъ камнемъ преткновенія для насъ явились дорожныя вещи. Онѣ были настолько тяжелы, что носить ихъ за собою по городу было совершенно невозможно. Но это зло скоро было устранено. За вещами подъѣхалъ ломовой извозчикъ, нанятый заботливымъ и предупредительнымъ казначеемъ нашимъ о. Анастасіемъ. Вещи тотчасъ же были уложены на узкихъ дрогахъ ломовика и подъ надзоромъ бдительной стражи отправлены за Волгу на желѣзнодорожную станцію Урочь, съ которой намъ приходилось начинать дальнѣйшій путь къ Соловкамъ.

Предъ началомъ осмотра города было рѣшено посѣтить Ярославскаго преосвященнаго Іонаѳана. По ранѣе наведеннымъ справкамъ, которыя послѣ оказались невѣрными, онъ въ это время находился на дачѣ въ Толгскомъ монастырѣ и мы рѣшили отправиться прямо туда. Освобожденные отъ непріятности быть съ ношей наподобіе вьючныхъ животныхъ, мы толпой весело двинулись на волж-

скую пристань пѣшкомъ. Только болѣе состоятельные члены нашей компаніи, каковыхъ было очень немного, отправились туда въ экипажахъ. Кстати объ экипажахъ. Между ними встрѣчаются въ Ярославлѣ досчатыя, выкрашенныя въ темно-красную краску, сильно дребезжащія линейки, которыя на парахъ захудалыхъ лошадей и доставляютъ со станціи въ городъ очевидно только очень непривередливую публику. Дорога отъ станціи на пристань идетъ почти въ прямомъ направленіи чрезъ самую средину города, съ которымъ мы въ общихъ чертахъ и познакомились. Въ Ярославлѣ, узнавъ нужное направленіе дороги, заблудиться ужъ нельзя, какъ это вполнѣ возможно, напр., въ Москвѣ. Сдѣлавъ небольшой поворотъ, мы очутились на улицѣ, которая именуется Большимъ Московскимъ шоссе. Здѣсь прежде всего намъ бросилось въ глаза длинное, низкое, казарменное зданіе, которое оказалось кадетскимъ корпусомъ. Около него мы встрѣтили своихъ запоздавшихъ товарищей, которые тотчасъ же и вступили въ отправленіе своихъ добровольныхъ обязанностей. Они знакомили насъ съ названіемъ церквей, общественныхъ и другихъ чѣмъ-нибудь выдающихся зданій и мѣстъ, встрѣчавшихся намъ на пути къ набережной. По правой сторонѣ названной улицы тянется довольно большая возвышенность, которая извѣстна подъ именемъ Туговой горы. Съ этой горой соединяется одно историческое воспоминаніе, на характеръ котораго указываетъ уже самое ея названіе. Послѣднее произошло отъ словъ: ту́га, тужить или грустить. Въ 1257 году ярославцы въ битвѣ съ татарами здѣсь потеряли своего любимаго князя Константина Всеволодовича, послѣ чего ихъ положеніе ухудшилось. Какъ самые завзятые туристы, мы тотчасъ же взобрались на эту гору. На ней, какъ бы въ подтвержденіе ея названія, находятся два городскихъ кладбища. Но все-таки не отъ этихъ мѣстъ печали и плача, какъ уже сказано, гора получила свое названіе. Это видно даже изъ того, что одно изъ кладбищъ само называется по

имени горы. На этой горѣ печали и плача мы исполнились радостнымъ восторгомъ. Отсюда предъ нами открылся великолѣпный, чудный, почти неописуемый видъ на Ярославль съ южной его стороны. Городъ представляется большимъ, замѣчательно красивымъ и величественнымъ. Первый взглядъ на Ярославль поражалъ туриста прежде всего красотой и обиліемъ въ немъ православныхъ храмовъ, которые ярко блестѣли на солнцѣ своими золотыми верхами. Всѣмъ невольно какъ-то чувствовалось, что это очень древній, чисто-русскій, городъ, что живетъ въ немъ православный русскій людъ. Среди многочисленныхъ церквей особенно выдѣлялась одна—церковь Іоанна Предтечи. Это—старинный храмъ, замѣчательной архитектуры, богатый рѣдкими фресками,—храмъ, привлекшій вниманіе всѣхъ лучшихъ русскихъ ученыхъ археологовъ. И многое другое разсказали намъ объ этомъ храмѣ наши проводники.—Мы подходили къ рѣкѣ Которосли. Это названіе послѣдней явилось вѣроятно изъ недоумѣнія: какой изъ двухъ равныхъ по величинѣ ея истоковъ принять за главный. При своемъ устьѣ въ Ярославлѣ Которосль довольно широка. Многіе изъ насъ сначала было приняли ее даже за Волгу, но свистокъ и движеніе парохода вдали направо скоро разсѣялъ эту иллюзію. Почти сплошь запруженная барками съ лѣсомъ и дровами, Которосль не портила все-таки общаго впечатлѣнія. Въ Ярославлѣ своимъ теченіемъ она отдѣляетъ такъ называемую Закоторосную часть города отъ его центра. Обѣ эти части соединяются большимъ и очень широкимъ мостомъ съ цѣлою сѣтью желѣзныхъ связей вверху, на которыхъ онъ и поддерживается. Прямо за мостомъ красуется обширный, обнесенный высокою бѣлою каменною стѣною, Спасо-Преображенскій монастырь, чаще именуемый теперь Архіерейскимъ домомъ. Слѣва рѣзко выдѣляются огромныя, съ высокими желѣзными трубами, красныя кирпичныя зданія извѣстной полотняной фабрики Карзинкина. Ближе къ намъ, почти на самомъ берегу Которосли, нельзя было также не замѣтить красиваго,

архитектурнаго зданія духовной семинаріи. За монастыремъ, вглубь города, куда шла наша дорога, съ обѣихъ сторонъ находятся торговые ряды, за которыми скоро показалась и городская площадь. Съ послѣдней Ярославль во многомъ напоминалъ намъ Москву. Улицы отсюда расходятся во всѣхъ направленіяхъ и описываютъ различныя кривыя линіи. Куда ни посмотришь, всюду видны макушки церквей. Большія и красивыя зданія здѣсь стоятъ вперемежку съ маленькими и некрасивыми. На площади обращаетъ на себя большое вниманіе городской театръ, который сразу же можно было узнать по главному фасаду зданія. Ярославль, какъ извѣстно, былъ родиной русскаго театра. Отсюда вышелъ первый русскій артистъ Волковъ, въ первый разъ поставившій на Ярославской сценѣ «Есѳирь». Ярославскій театръ, поэтому, можно считать отцомъ всѣхъ другихъ. Но столичныя чада во всемъ несравнимо теперь превзошли этого провинціальнаго и забытаго отца. За театромъ въ прямомъ направленіи къ Волгѣ версты на полторы тянется роскошный бульваръ съ четырьмя рядами вѣтвистыхъ, кудрявыхъ липъ въ два почти обхвата толщины. Мы были очень рады, когда онъ скрылъ насъ подъ свой покровъ и защиту отъ жаркаго солнышка въ это знойное іюньское утро. Вѣковыя деревья его своею густою темнозеленою листвою даютъ несомнѣнно пріятную прохладу и обильную тѣнь даже среди полдневнаго жара. Такого бульвара въ Москвѣ не сыщешь и съ электрическимъ освѣщеніемъ, за которымъ, однако, отсюда туда совсѣмъ не приходится бѣгать. Онъ составляетъ одно изъ самыхъ лучшихъ украшеній Ярославля. По красотѣ съ нимъ спорятъ только,—и не безъ основанія,—Ярославская набережная и наша матушка кормилица Волга. Но всѣ они въ своемъ родѣ хороши. Набережная служитъ продолженіемъ бульвара, но уже только съ однимъ рядомъ липъ. Съ нея открывается величественный видъ на Волгу, которая не менѣе бульвара можетъ дать прохлады и несравненно больше его пользы. Заволожская

часть города также представляетъ изъ себя живописную картину. Мы долго стояли и любовались на нее съ набережнаго моста, который находится надъ коннымъ спускомъ изъ города къ пристанямъ. Но больше всего всетаки насъ привлекала и поражала самая Волга. Эта ширь ея, этотъ водный просторъ, эта масса текущей воды способны были привести въ восторгъ всякаго! И мы действительно всѣ восторгались и не хотѣли оторвать своихъ глазъ отъ этого зрѣлища. Очевидно дѣйствительность превзошла наши ожиданія. На Волгѣ замѣчалось большое оживленіе. Предъ нами то и дѣло мелькали разноцвѣтные лодки, барки, грузовые и пассажирскіе пароходы. Вотъ среди снующихъ маленькихъ лодочекъ предъ нами медленно протащился съ длиннымъ двойнымъ хвостомъ барокъ грузовой пароходъ. Не успѣлъ онъ скрыться изъ глазъ, какъ предъ нами на поверхности воды выросла откуда-то цѣлая гостинница, которая, быстро разсѣкая воду, описала большой полукругъ и медленно, какъ бы нехотя, пристала къ береговой пристани. Чрезъ нѣсколько минутъ она опять уже мчалась куда-то вдаль. Плывя, какъ какое-то живое чудовище, она заставляла сворачивать съ своего пути всѣ другія болѣе мелкія и слабыя созданія. Послѣднія точно такъ же, какъ бы по тайному уговору, по нѣсколько минутъ шептались съ береговыми пристанями и, исполнивъ свой долгъ, убѣгали дальше. Всюду—на пароходахъ, баркахъ и пристаняхъ толпились люди, которые здѣсь работали или просто гуляли, сновали съ одного берега на другой или отправлялись отсюда куда-то вдаль. На берегахъ у пристаней стояло не мало повозокъ, ожидавшихъ, очевидно, перевоза на паромѣ чрезъ Волгу. Между этими повозками на правомъ берегу мы замѣтили одну и съ нашими вещами. Въ воздухѣ рѣзко раздавались свистки пароходовъ и шумъ пѣнящейся отъ пароходныхъ колесъ воды; къ нимъ нерѣдко присоединялся стукъ нагружаемыхъ или разгружаемыхъ около береговъ судовъ; слышался неумолкающій говоръ людской; ему постоянно

вторилъ плескъ волжскихъ волнъ, разсѣкаемыхъ водными экипажами. Водная поверхность едва успѣвала отражать, и то какими-то рябыми, но все-таки яркими красками, почти совсѣмъ безоблачное небо этого дня. Но всей картины описать нельзя. Такъ много въ ней мелкихъ, почти неуловимыхъ, но придающихъ особенную красоту, деталей. Мы было хотѣли перевести этотъ чудный видъ на хромо-желатинную пластинку капитана Занковскаго, но, увы, только тутъ догадались, что фотографическій аппаратъ былъ забытъ нами въ желѣзнодорожномъ вагонѣ. Двое изъ нашей компаніи было отправились искать его тамъ, но поиски, хоть опять говори увы, оказались тщетными. Искатели пріѣхали съ пустыми руками. Аппаратъ, очевидно, уже успѣлъ попасть въ надежныя руки какого нибудь похитителя, не изъ любопытства осматривавшаго на конечной станціи нашъ отдѣльный студенческій вагонъ.

Въ Толгскій монастырь пароходъ отходилъ изъ Ярославля въ 10, кажется, часовъ утра. За нѣсколько минутъ до этого времени мы спустились съ высокой набережной на пристань, взяли по 15 коп. билеты 2 кл. и сѣли на пароходъ подъ названіемъ «Андрей Боголюбскій». Скоро раздался свистокъ, и нашъ довольно внушительныхъ размѣровъ пароходъ, пыхтя и шумя, началъ отчаливать отъ пристани. Осмотрѣвъ мелькомъ небольшія, но чистыя и богато убранныя, каюты парохода, мы вышли на его палубу, по которой можно было прогуливаться кругомъ. На Волгѣ дулъ небольшой вѣтерокъ, и было гораздо свѣжѣе, чѣмъ на сушѣ. Внизу подъ нами бурлила желтоватаго цвѣта вода, покрытая сверху какой-то тонкой сальной пленкой. Невольно намъ вспомнились тутъ газетные толки о загрязненіи волжской воды. Вчужѣ было какъ-то непріятно и досадно видѣть эту попорченную воду, которая становилась вредной для рыбы и питья. Скоро мы выбрались на средину Волги, и предъ нашими глазами отсюда прекрасно обрисовались оба волжскихъ берега. Особенно красивъ правый высокій берегъ Ярославской на-

бережной, окаймленный густою зеленью липъ. За послѣдними виднѣлись береговыя церкви и другія высокія и фигурныя зданія. Прямо предъ нами, на самомъ почти берегу, особенно выдѣлялось новенькое, довольно красивое зданіе женскаго училища для лицъ духовнаго званія, или, проще говоря, Волгскаго пріюта. Въ этотъ ясный іюньскій день общій видъ Ярославля съ Волги не заставлялъ желать ничего лучшаго. Въ данную минуту ему не хватало только развѣ кисти художника. Да, недаромъ Ярославль называется волжскимъ красавцемъ! Но скоро мы должны были разстаться съ нимъ. Насъ немилосердно уносилъ отъ него могучій «Андрей Боголюбскій». Хотя ѣхать намъ приходилось противъ теченія Волги, но, несмотря на это, пароходъ подвигался довольно быстро. Предъ нами раскидывались чудные волжскіе берега, украшенные причудливыми дачами и почти сплошными садами, особенно слѣва на правомъ высокомъ берегу. Прямо за Ярославлемъ на этомъ берегу растетъ знаменитая Полушкина роща, гдѣ въ старыя времена до постройки театра давалъ свои представленія артистъ Волковъ. Въ настоящее время эта роща служитъ самымъ любимымъ мѣстомъ загородныхъ прогулокъ ярославцевъ. Дальше намъ показался широко раскинувшійся солдатскій лагерь. На берегу, свѣсивши ноги, сидѣли солдаты, за которыми, стоймя, въ нѣсколько кучекъ были поставлены ихъ ружья съ надѣтыми штыками. На пароходѣ мы заказали себѣ чай, во время котораго наскоро утолили и свой голодъ небольшой закуской. Вдали ясно обрисовался предъ нами кедровый садъ при Толгскомъ монастырѣ, а за садомъ виднѣлся и самый монастырь. Минутъ черезъ двадцать, едва успѣвъ подкрѣпиться, мы были уже на Толгѣ. И это неудивительно, такъ какъ отъ Ярославля до Толги считается всего только восемь верстъ.

Толгскій монастырь находится на лѣвомъ низкомъ берегу Волги. Свое названіе онъ получилъ отъ протекающей тутъ рѣчки Толгоболки. Монастырь этотъ древній.

Онъ основанъ въ 1314 году при Ярославскомъ князѣ Давидѣ Ѳеодоровичѣ на мѣстѣ чудотворнаго явленія святителю Трифону иконы Божіей Матери, именуемой теперь Толгскою. Наружный видъ монастырскихъ храмовъ и другихъ зданій, обнесенныхъ обширною, высокою и толстою каменною оградою, ясно говорилъ намъ о богатствѣ этого монастыря. Скоро это же подтвердилъ намъ и внутренній его осмотръ. Отъ волжской пристани до монастыря стоило только, какъ говорится, рукой подать. Войдя въ монастырскую ограду, мы направились въ главный пятиглавый соборъ въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Въ немъ шла еще литургія, конецъ которой мы и дослушали. Служили чинно и неспѣшно; пѣли тихо и очень стройно. Въ храмѣ все было поновлено, всюду видна чистота. Какимъ-то благодатнымъ миромъ вѣяло подъ этими высокими старинными священными сводами. Самымъ лучшимъ украшеніемъ собора служитъ, богато убранная, икона Толгской Божіей Матери, прославившая себя многими чудесными исцѣленіями. Съ благоговѣніемъ и усердіемъ мы помолились предъ Чудотворной иконой и приложились къ ней. Каждый изъ насъ горячо просилъ у Заступницы рода человѣческаго помощи себѣ. Въ соборѣ наше вниманіе обратила на себя также стѣнная живопись. Почти вся она, за исключеніемъ иконостаса и столбовъ, состоитъ изъ картинъ, на которыхъ изображается исторія явленія иконы Божіей Матери и исцѣленій отъ Нея. Это намъ показалось новымъ и оригинальнымъ. Живопись паперти, окружающей этотъ соборъ широкимъ корридоромъ съ трехъ его сторонъ, еще болѣе замѣчательна. Она передаетъ почти всѣ главныя событія ветхозавѣтной библейской исторіи. Здѣсь есть сюжеты изъ жизни Адама и его семейства, картина потопа, въ виноградникѣ Ной, изображены десять казней египетскихъ и переходъ чрезъ Чермное море и т. п. Живопись въ древнемъ стилѣ и относится къ 1690-му году. Осмотрѣвъ соборъ, мы подъ руководствомъ намѣстника о. Порфирія хо-

дили въ монастырскую ризницу, въ которой цѣннымъ сокровищемъ является различная старинная церковная утварь: древнѣйшіе кресты, богато украшенныя Евангелія, св. потиры, начиная отъ самыхъ убогихъ и кончая самыми богатыми, дорогія митры, старинныя облаченія. Показывали намъ и очень цѣнныя старинныя книги и рукописи. Изъ ризницы мы отправились осматривать и другіе храмы. Храмъ въ честь Воздвиженія Креста Господня мы осматривали изъ архіерейскихъ покоевъ, изъ которыхъ прорублено туда небольшое окно. Покои находятся во второмъ этажѣ и представляютъ изъ себя цѣлую амфиладу небольшихъ комнатъ съ довольно низкимъ потолкомъ. Самого архіерея здѣсь не было. Онъ находился въ Ярославлѣ. Въ нижнемъ этажѣ подъ этими покоями на стѣнѣ по срединѣ, какъ разъ между поломъ и потолкомъ, намъ показали черту, до которой доходила вода въ весенній разливъ нынѣшняго года. Высота ея здѣсь была приблизительно около двухъ аршинъ. Этими весенними разливами монастырь хотя неравномѣрно, но все-таки ежегодно затопляется водой. Во время наводненій сообщеніе по монастырю совершается уже обычно на лодкахъ. — Изъ архіерейскихъ покоевъ мы перешли въ большой кедровый садъ, примыкающій къ монастырю съ юго-восточной его стороны. Садъ этотъ, обнесенный каменною стѣною, довольно старинный и весьма замѣчательный по своей рѣдкости и оригинальности. Думается, что всякій посѣщающій въ лѣтнее время Толгскій монастырь непремѣннымъ своимъ долгомъ считаетъ побывать и въ его саду. Громадные кедры сибирской породы въ обхватъ толщины въ немъ стоятъ по берегамъ очень длиннаго (145 саж.) и довольно широкаго (5 саж.) полукруглаго въ видѣ подковы пруда. Они образуютъ собою такимъ образомъ роскошную и тѣнистую аллею, по сторонамъ которой высоко висящія вѣтви кедровъ не мѣшаютъ гулять, а встрѣчающіяся скамьи и бесѣдки располагаютъ къ удобному и пріятному отдыху. Глазъ посѣтителя кромѣ кедровъ находитъ въ саду и другія плодовыя

деревья, наблюдаетъ различныя ягодныя растенія, а также наслаждается красивымъ видомъ и пріятнымъ запахомъ разбитыхъ здѣсь цвѣтниковъ. Здѣсь же въ саду намъ показали кедрое дерево, на которомъ, по преданію, была найдена чудотворная икона Толгской Божіей Матери послѣ все истребившаго монастырскаго пожара, бывшаго когда-то до 30 апрѣля 1779 года. Но особенное наше вниманіе своимъ оригинальнымъ внѣшнимъ видомъ привлекъ на себя одинъ кедръ въ самой южной части сада. Верхушка его сломана бурей, а нижнія вѣтви какъ то неестественно спускаются внизъ. На этомъ кедрѣ прибита дощечка съ слѣдующимъ стихотвореніемъ.

«Все со временемъ промчится—
Горе съ счастьемъ пролетитъ,
Къ разрушенью все стремится—
Кто сей доли избѣжитъ?

* * *

Кедръ высокій съ облаками
Наравнѣ вчера стоялъ,
Нынѣ жъ внизъ лежитъ вѣтвями:
Бурный вѣтръ его сломалъ.

* * *

Такъ, увы, и насъ надломитъ,
Можетъ быть, внезапно смерть,
Въ глубину земли схоронитъ
Наше тѣло—нашу персть...

* * *

И цвѣточекъ здѣсь прекрасный
Рощу кедровъ украшалъ,
Вѣтеръ дунулъ вдругъ ненастный,
И цвѣточекъ тотъ завялъ.

* * *

Такъ, друзья, и мы завянемъ,
Скоро вѣкъ нашъ пролетитъ,
Разцвѣтать мы перестанемъ,
Старость силы сокрушитъ.

* * *

Здѣсь гуляя, гость любезный,
Между кедровъ и цвѣтовъ,
Помни рокъ свой неизбѣжный,
Берегися отъ грѣховъ.

* * *

И почаще ты молися
Здѣсь въ обители святой,
Благо дѣлать не лѣнися
И обрящешь ты покой.

* * *

Ждетъ тебя страна иная,
Счастье вѣчно тамъ живетъ,
Тамъ на небѣ блага рая
Твое сердце обрѣтетъ».

Стихотвореніе это озаглавлено такъ: «На пораженіе кедра на Толгѣ бурею и цвѣтовъ морозомъ въ 1879 году». Подъ нимъ стоятъ двѣ даты: «1879 г. 24 дня августа» и «1879 г. сентября 9 дня». Первая изъ нихъ, очевидно, указываетъ на время бури, сломавшей вершину кедра; а вторая на время мороза, погубившаго цвѣты. Авторомъ этого стихотворенія,—говорили намъ на Толгѣ,—былъ преосвященный Іонаѳанъ. — Кедровымъ садомъ мы и закончили свой осмотръ монастыря. Послѣ сего мы купались на Волгѣ и пили предложенный съ небольшой закуской чай въ монастырской гостинницѣ. Затѣмъ всѣ отправились на волжскую пристань и, отслуживъ здѣсь въ часовнѣ молебенъ, дожидались попутнаго парохода. Нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ объ этой часовнѣ. Это обык-

новенная пароходная пристань, но она устроена иноками такъ, что совнѣ кажется небольшою красивою церковію, какъ бы плавающею на водѣ. Куполъ, колонки, карнизы раскрашены въ нѣжные, мягкіе, ласкающіе глаза, цвѣта. Виденъ крестъ—символъ побѣды надъ врагомъ. Пассажиры обыкновенно большою толпой устремляются съ каждаго парохода въ этотъ плавающій храмъ, чтобы выслушать здѣсь молебенъ Божіей Матери, приложиться къ иконѣ, поставить свѣчу, купить иконку, крестикъ, картинку, книжку. Хотя ждать пришлось очень недолго, но нѣсколько любителей успѣли все-таки прокатиться въ маленькой лодочкѣ туда и обратно чрезъ Волгу. Около трехъ часовъ пополудни къ пристани подкатилъ небольшой пароходъ и захватилъ насъ съ собою. Верхняя палуба его была мала и даже небезопасна для непривычныхъ пассажировъ. Стоило только перевѣситься одному человѣку за бортъ, и пароходикъ сильно качался. Но, несмотря на это, чрезъ четверть часа онъ благополучно доставилъ насъ еще почти въ неосмотрѣнный нами Ярославль.

Здѣсь налѣво по набережной мы отправились въ каѳедральный соборъ во имя Успенія Божіей Матери. Дорога съ видомъ на Волгу и прибрежныя красивыя зданія, изъ которыхъ можно упомянуть про губернаторскій домъ и губернскія присутственныя мѣста, была замѣчательно живописна. Скоро, незамѣтно для себя мы подошли къ своей цѣли. Каѳедральный Успенскій соборъ, блестѣвшій на солнцѣ своими пятью золочеными главами, не выдѣлялся изъ среды другихъ храмовъ ни своей архитектурой, ни величиной. Если бы на соборъ намъ не указали, то мы бы его не узнали. Соборъ былъ запертъ. За ключами отъ него тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій, посылалъ при насъ церковнаго сторожа какой-то довольно полный священникъ съ кандидатскимъ крестикомъ. Мы подумали сначала, что это настоятель собора. Но, оказывается, это былъ законоучитель Владимірской гимназіи о. Н. В. Покровскій, который съ учителемъ той же гимназіи,

И. С. Крыловымъ, хотѣлъ присоединиться въ Ярославлѣ къ нашей компаніи для дальнѣйшаго слѣдованія въ Соловки. Здѣсь, такимъ образомъ, нашего полку еще прибыло. Живопись вообще напоминаетъ собою живопись нашихъ старинныхъ каѳедральныхъ соборовъ. Иконостасъ производитъ сильное впечатлѣніе на богомольца, какъ и всѣ почти наши древніе соборы; главною святынею собора служатъ нетлѣнныя мощи свв. благовѣрныхъ князей Василія и Константина, кои почиваютъ въ ракѣ между столбами на правой сторонѣ. Помолившись у раки благовѣрныхъ князей, мы приложились къ ихъ нетлѣннымъ мощамъ, прося у св. Угодниковъ себѣ помощи и заступленія. Нѣкоторые изъ насъ купили здѣсь по книжкѣ и иконкѣ. Ярославкій Успенскій соборъ очень древній. Онъ построенъ въ 1646 году. Но раньше на этомъ мѣстѣ было послѣдовательно уже два соборныхъ зданія, изъ которыхъ первое, основанное въ 1215 мъ году, сгорѣло въ 1501-мъ. Настоящее зданіе тоже не разъ страдало отъ пожаровъ...

Рядомъ съ соборомъ находится Демидовскій лицей. Послѣ особаго разрѣшенія мы осмотрѣли въ немъ небольшую, необыкновенно чистую, свѣтлую, прекрасную церковь, къ сожалѣнію, съ живописью въ западно-католическомъ вкусѣ, свѣтлыя аудиторіи, актовый залъ въ два свѣта, библіотеку и другія комнаты, а также примыкающій со стороны Волги къ лицею садъ. Всюду замѣтны чистота и порядокъ. Въ общемъ все здѣсь напоминало намъ нашу академію. Отсюда мы направились къ Спасопреображенскому монастырю, который служитъ мѣстопребываніемъ высокопреосвященнаго архіепископа Іонаѳана. Наша дорога шла мимо духовнаго училища, находящагося около монастырской стѣны. Въ небольшомъ садикѣ предъ училищемъ было нѣсколько учениковъ. Они сидѣли съ книжками и готовились къ своему должно быть послѣднему экзамену. Учениковъ этихъ не отвлекла отъ занятій и необычная для нихъ наша студенческая толпа. Мелькомъ взглянувши, они тотчасъ же уткнулись въ свои книжки.

Этимъ бѣднымъ маленькимъ труженикамъ маленькой науки, очевидно, было не до насъ. Со страхомъ и трепетомъ ожидаемый экзаменъ не дозволялъ отдохнуть имъ въ тѣни сада, около котораго мы было на минуту и присѣли. Въ монастырѣ мы осмотрѣли двѣ церкви: Преображенскую и примыкающую къ ней съ южной стороны церковь свв. чудотворцевъ. Первая, построенная когда-то давно и обновленная въ 1516 году при князѣ Василіи, отличается своимъ мрачнымъ видомъ и старинною живописью. Вторая въ честь свв. благовѣрныхъ князей Θеодора, Давида и Константина, мощи которыхъ и почиваютъ здѣсь въ серебряной позлащенной ракѣ за лѣвымъ клиросомъ, свѣтлѣе Преображенской. Благодаря своей высотѣ и облицовкѣ стѣнъ подъ мраморъ, она производитъ сильное впечатлѣніе на богомольца. У преосвященнаго Іонаθана побывать не пришлось. Мы зашли къ нему какъ разъ въ то время, когда онъ не могъ принять. Позднимъ вечеромъ о. инспекторъ былъ у него. Маститый архипастырь принялъ его радушно и выражалъ искреннее сожалѣніе, что ему не удалось видѣть насъ и оказать намъ, какъ странникамъ, гостепріимство. Чтобы не терять даромъ времени, мы отправились въ предмѣстье Толчково для осмотра построенной въ 1880-мъ году церкви въ честь Іоанна Предтечи. Своимъ внѣшнимъ видомъ эта церковь нѣсколько напоминаетъ соборъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ, а колокольня ея представляетъ изъ себя падающую башню. Другою подобною же башнею въ Ярославлѣ является колокольня церкви въ предмѣстьѣ Коровникахъ. Въ общемъ объ этихъ ярославскихъ церквахъ можно сказать то, что онѣ замѣчательны по своей древности, но не отличаются красотою своего внутренняго убранства. Не смотря на то, что мы весьма экономно распоряжались временемъ, чтобы осмотрѣть всѣ выдающіеся храмы, поклониться святынямъ ярославскимъ, однако у насъ въ распоряженіи оставалось уже всего два-три часа. День уже склонялся къ вечеру, но намъ хотѣлось побывать еще въ Аθанасіевскомъ мо-

настырѣ и потому нужно было спѣшить. Въ послѣдній мы пришли уже около 8-ми часовъ вечера. Осмотрѣвъ монастырскіе храмы, о которыхъ особеннаго сказать нечего, мы рѣшили посѣтить живущаго здѣсь викарія Ярославской епархіи, преосвященнаго Іоаникія, чтобы принять отъ него благословеніе въ дальній путь - дорогу. Онъ тотчасъ же насъ принялъ и очень любезно. Съ каждымъ преосвященный привѣтливо поговорилъ и всѣхъ посадилъ въ своей гостиной. Нисколько не смущаясь количествомъ непрошенныхъ своихъ гостей, онъ всѣхъ было хотѣлъ угостить чаемъ. Но отъ послѣдняго мы отказались, такъ какъ онъ задержалъ бы насъ дольше, чѣмъ было возможно. Преосвященный Іоаникій много говорилъ намъ о текущей церковной жизни Ярославской епархіи, разспрашивалъ насъ про Академію и поѣздку. Узнавъ, что отъ Вологды до Архангельска мы намѣрены ѣхать не по желѣзной дорогѣ, а рѣчнымъ путемъ по Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ, преосвященный не преминулъ сообщить намъ много интереснаго о внѣшнемъ видѣ этого сѣверо-восточнаго края Россіи, объ его жителяхъ и различныхъ особенностяхъ. Самъ съ этимъ краемъ онъ хорошо познакомился въ бытность свою епископомъ Велико-Устюжскимъ, викаріемъ Вологодской епархіи. По порученію Вологодскаго преосвященнаго Алексія ему не разъ приходилось объѣзжать эту обширную и отдаленную епархію. Почти единственными дорогами по болотной почвѣ ея служатъ рѣки. По нимъ преосвященному Іоаникію приходилось на лодкѣ заѣзжать въ такія селенія, гдѣ жители первый разъ въ жизни видѣли архіерея. «Всюду по селеніямъ, разсказываетъ преосвященный, встрѣчали меня съ большимъ почетомъ. Жители прибрежныхъ деревень считали за счастье даже тащить мою лодку на веревкѣ по рѣкѣ. Когда я выходилъ на берегъ, всѣ обычно падали ницъ и, несмотря на мои просьбы, не хотѣли подниматься съ земли, и только голосъ мѣстной власти въ лицѣ урядника быстро заставлялъ всѣхъ вставать. Во время объѣзда, продолжалъ преосвященный Іоани-

кій, мнѣ пришлось остановиться въ одной деревнѣ, всѣ жители которой косоглазы, между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ деревняхъ обладаютъ нормальными глазами. Объ этомъ я слышалъ и раньше, но какъ-то не вѣрилось. Мѣстное преданіе говоритъ, что жители этой деревни на вѣки такъ наказаны были св. Стефаномъ Пермскимъ за то, что не приняли его съ проповѣдію Евангелія и выгнали изъ селенія». Но о современныхъ жителяхъ края преосвященный выражался какъ о людяхъ трудолюбивыхъ, честныхъ, религіозныхъ и глубоко уважающихъ своихъ духовныхъ лицъ. — Мы просидѣли у преосвященнаго Іоаникія около часа. Провожая насъ съ добрыми пожеланіями, онъ далъ намъ 25 рублей на стерляжью уху, которая, по его словамъ, въ Устюжскомъ краѣ не дороже ершовой въ Ярославлѣ, но гораздо вкуснѣе послѣдней. Поблагодаривъ въ прощальномъ привѣтѣ этого добраго и внимательнаго пастыря, мы поспѣшили къ набережной и, заплативъ по 5 коп. за билетъ, переѣхали на пароходѣ чрезъ Волгу. Отъ пароходной пристани желѣзнодорожная станція Урочь очень недалеко и мы дошли туда пѣшкомъ. Была половина десятаго. До отхода поѣзда ждать приходилось полтора часа. Это время было употреблено на чаепитіе и закуску. Въ небольшомъ вокзалѣ здѣсь на станціи скопилась масса народу, и была такая тѣснота, что всей нашей компаніи пить чай приходилось около одного маленькаго столика. Но это неудобство не помѣшало намъ исправно подкрѣпиться въ дорогу. Скоро намъ дали отдѣльный вагонъ, въ которомъ мы съ удобствомъ и размѣстились. Первая стоянка, которая была для насъ какъ бы пробнымъ камнемъ того, какъ у насъ пойдетъ дѣло дальше, благополучно кончилась, и мы ждали послѣдняго свистка локомотива. Наконецъ онъ раздался, и мы поѣхали къ Вологдѣ.

III.

12 іюня. Утро. Просыпаемся отъ холода. Глядимъ въ окно. Что за жалкая природа! Невысокія березки и елочки тянутся вдоль желѣзной дороги; далѣе невспаханное поле, покрытое болотами и лужами. Насъ отдѣляло отъ Вологды всего только нѣсколько верстъ. Городъ былъ весь предъ нами. Въ немъ прежде всего поразило насъ обиліе храмовъ, которые пріятно выдѣлялись среди множества городскихъ зданій своими высокими колокольнями, зелеными куполами, бѣлыми стѣнами и по мѣстамъ золоченными главами и крестами. Видно было, что и здѣсь, на такомъ далекомъ сѣверѣ, еще св. Русь, любящая украшать свои грады и вѣси величественными домами молитвы. Религіозная жизнь била ключемъ и здѣсь. Невольно мысль отъ настоящаго переносилась къ прошедшему; невольно вспоминались цари, бояре и добрые русскіе люди, что не щадили своихъ средствъ на созиданіе и благоукрашеніе храмовъ Божіихъ. Велика у насъ эта любовь народная къ храму Божію, эта вѣра въ близость Бога къ человѣку. Въ ней нашъ народъ почерпалъ силы въ борьбѣ съ врагами, при помощи ея сохранилъ свою вѣру, съ нею идетъ теперь къ свѣту по пути усовершенствованія и съ нею онъ будетъ силенъ и непобѣдимъ врагами всегда. Студенты-вологжане знакомили насъ изъ вагона съ виднѣвшимися вдали храмами, называли различныя общественныя зданія.

Но вотъ и вокзалъ, большое новое зданіе. Мы ожидали встрѣтить здѣсь многочисленную публику, какъ на юго-западныхъ станціяхъ. Но увы! ея не было. Станціонные служащіе, носильщики, да 5—6 пассажировъ поджидали поѣздъ.

Еще болѣе поразило насъ отсутствіе торговаго движенія, отсутствіе мелочныхъ лавокъ и лавченокъ, обыкновенно гнѣздящихся около вокзаловъ на югѣ и западѣ Россіи.

Чрезъ пустошь, что-то похожее на огородъ, дорога ведетъ въ городъ. Улицы прямыя, но расположены далеко не симметрично. Почти вездѣ досчатые тротуары. Дома часто въ два этажа деревянные. Все говоритъ объ обиліи и дешевизнѣ лѣса.

Было уже 9 часовъ. Но на улицахъ тишина. Не слышно людского говора, стука экипажей. Изрѣдка встрѣчаются горожане. Какъ-то вяло и тихо поздороваются другъ съ другомъ и идутъ далѣе, своимъ путемъ-дорогою.

Эта картина городской жизни напоминаетъ одно довольно обычное явленіе въ природѣ.

Въ концѣ лѣта иногда неожиданно ударитъ морозъ. Кузнечики, стрекозы, пчелы и т. д. сладко заснувшія съ вечера на утро едва двигаютъ ножками, едва ползаютъ. Не слышно ихъ жужжанья, не видно ихъ полета. Прибитыя стужей смирно сидятъ онѣ, отогрѣваясь на солнышкѣ.

Такое же впечатлѣніе производитъ Вологда, особенно безлюдьемъ и тишиной своихъ улицъ. Даже наше появленіе, вызывавшее вездѣ замѣтное движеніе, не произвело здѣсь ничего подобнаго.

Встрѣчавшіеся горожане заинтересовали насъ своими особенностями. Высокій ростъ, свѣтлые, большею частью сѣрые выразительные глаза, свѣтлые волосы, типичныя черты Вологодцевъ. Говорятъ не громко, но весьма отчетливо, немного растягивая звукъ «о» и сильно сближая «г» съ «к».

Прошагавъ почти весь городъ, мы пришли въ духовную семинарію. Насъ принялъ весьма радушно преподаватель семинаріи Л. А. Соколовъ, товарищъ и другъ о. инспектора.

Послѣ всякихъ очищеній отъ пыли и подкрѣпленій утомленныхъ организмовъ, мы въ сопровожденіи гостепріимнаго хозяина пошли снова осматривать Вологду.

Та же, что и утромъ, тишина, магазины, похожіе болѣе на лавки нашихъ южныхъ уѣздныхъ городовъ, старинные ветхіе храмы—вотъ особенности вологодскихъ улицъ.

Но вотъ и архіерейскій домъ. Вотъ и главные соборы: Воскресенскій теплый, Софійскій холодный. Въ первомъ мы слушали молебенъ съ акаѳистомъ Божіей Матери. Въ этомъ соборѣ осматривать было почти нечего, такъ какъ онъ не представлялъ собою ничего особеннаго, выдающагося. Нельзя не вспомнить при этомъ одного любопытнаго событія. Насъ приняли здѣсь за инженеровъ, ѣдущихъ на службу на Архангельскую желѣзную дорогу. Должно быть, вологжанъ смутили наши свѣтлыя пуговицы, форменныя фуражки и дорожные плащи. Софійскій соборъ отличается громадными размѣрами; онъ поражаетъ каждаго необыкновенно своею величественностію. Во время нашего осмотра онъ ремонтировался. Нашъ любезный проводникъ показалъ намъ цѣлый рядъ гробницъ, расположенныхъ вдоль всей сѣверной и южной стѣны. Въ этихъ гробницахъ покоились вологодскіе архипастыри, изъ которыхъ о многихъ еще жива память у паствы. Такъ много они потрудились для нее. Есть что-то необыкновенно трогательное въ этомъ постоянномъ, какъ бы живомъ присутствованіи архипастырей среди своей паствы даже «до дне сего». Послѣдній архитектурой напоминаетъ Успенскій въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Софійскій выстроенъ въ 1568 году.

Преосвященнаго въ это время дома не было: онъ уѣхалъ по епархіи. Мы осмотрѣли архіерейскія комнаты, увѣшенныя многочисленными портретами епископовъ отъ самаго основанія Вологодской архіерейской каѳедры. Посѣтили епархіальное древлехранилище. Здѣсь насъ уже ждалъ монахъ, кажется, о. Симеонъ. Онъ, какъ видно, хорошо изучилъ свое сокровище: весьма подробно разсказывалъ про всякую вещь и такъ увлекся своею ролью, что совершенно не замѣчалъ нашей усталости.

Наиболѣе интересныя вещи древлехранилища—рукописи, которыми набитъ небольшой шкапъ. Рукописи—это документы по исторіи Вологодской епархіи. Читать ихъ можно послѣ долгаго навыка. Древніе антиминсы, холщевые и полотняные. Древнѣйшій изъ нихъ относится къ 1522

году съ изображеніемъ семиконечнаго креста. На антиминсѣ черниламн надпись: «освятися олтарь господа бога спаса нашего іисуса христа вцеркви преображеніа господа бога и спаса нашего іисуса христа боголюбивымъ епископомъ пиминомъ пермьскимъ и вологодьскимъ при благовѣрномъ князѣ василье ивановичѣ всея рус иноюжеи бысть си антиминс влѣт 7090 инвар. 25 д. на памят святаго ксенофонта.»

Замѣчателенъ другой антиминсъ 1656 г. Онъ данъ при «никоне московском всея великіа і малыя і бѣлыя россіи патріархе і при митрополите іонѣ ростов...» Другіе антиминсы 1657 г., 1658 г., 1660 г., 1664 г. и 1671 г. (29 окт.).

Въ древлехранилищѣ есть еще нѣсколько рѣзныхъ изображеній святыхъ, Спасителя во гробу, ризы, шитыя изъ грубаго полотна и выкрашенныя; царскія врата старинной очень тонкой работы; псалтирь и мечъ царя Давида, отнятые у одного молоканина. Первая вырѣзанное изъ дерева подобіе небольшой скрипки, второй—тоже изъ дерева вродѣ маленькой турецкой сабли. Интересна еще повозка бояръ Строгановыхъ, кажется, на полозьяхъ съ дверцами съ обѣихъ сторонъ.

Утомленные осмотромъ, спѣшимъ благодарить о. Симеона. Но его любезность, повидимому, не имѣла границъ. «Позвольте, гг., показать вамъ еще архіерейскую церковь и домъ».

Осмотрѣли то и другое.

«А теперь пойдемъ-те въ архіерейскій садъ». Пошли и въ садъ. Въ саду однѣ березки съ елочками невысокаго роста. «Вотъ бесѣдка, гдѣ преосвященный пьютъ чай съ губернаторомъ», разсказываетъ о. Симеонъ. «А эта бесѣдка, въ которой они (преосвященный) угощаютъ чаемъ семинаристовъ и епархіалокъ». Осмотрѣли и обѣ бесѣдки. «А теперь идемъ-те на горку».

Въ срединѣ сада возвышалась гора въ 300—400 кв. саженъ. Усаженная деревцами, она рѣзко выдѣлялась среди ровной поверхности сада. «Это гора плача, слезъ

и воздыханій. Когда-то въ Вологодской епархіи былъ такой обычай. Провинившимся духовнымъ особамъ давали въ руки лопаты и заставляли насыпать и усаживать деревьями эту гору. Они работали все время своего послушанія. Ими-то и насыпана, видите, какая гора-то!» Гора, какъ произведеніе человѣческихъ рукъ, была дѣйствительно велика. Видно не мало духовныхъ особъ несли это суровое наказаніе. Мы взошли на эту гору покаянія. Съ нея открывается видъ на рѣку Вологду.

О. Симеонъ остановился, очевидно, придумывая, что бы такое намъ еще показать.

«Боже, думаемъ, неужели онъ потащитъ насъ еще куда-нибудь?!» Дѣйствительно, лицо радушнаго о. Симеона просіяло.

«Пойдемъ-те теперь на колокольню». Пришлось взбираться на 25-саженную высоту.

Съ колокольни видна вся Вологда. Довольно неправильными рядами улицъ она расположилась по судоходной рѣкѣ того же имени. Въ городѣ много церквей. Съ колокольни мы любовались и окрестностями города. Недалеко отъ города намъ показали монастырь преп. Димитрія Прилуцкаго. Монастырь—большой, благоустроенный. Мы мысленно преклонялись предъ его величайшей святыней—мощами св. Угодника Божія. О его великихъ трудахъ и подвигахъ громогласно вѣщаетъ не одно мѣсто въ вологодской странѣ. Обитель эта, какъ намъ сказывали, весьма усердно посѣщается богомольцами. Жалѣемъ глубоко, что вслѣдствіе недостатка времени мы не имѣли возможности побывать въ этой св. обители. Купола большею частью голубого цвѣта, усѣянные золотыми звѣздами. Изъ древнихъ церквей замѣчательна «обыденная» церковь, называемая еще и теперь Спасообыденною. Она построена въ XVII в. въ одну ночь по случаю моровой язвы, которая на слѣдующій день прекратилась. Въ 1894 г. она переименована въ церковь Спаса Всемилостиваго.

Наконецъ благополучно добрались мы до семинаріи. Здѣсь насъ уже ждалъ обѣдъ и отдыхъ.

Въ 6 часовъ вечера узнали о пріѣздѣ въ городъ епархіальнаго преосвященнаго.

Пошли къ нему представляться. Бесѣда съ преосвященнымъ произвела на насъ глубокое впечатлѣніе. Онъ спросилъ насъ, какое впечатлѣніе произвела на насъ Вологда. Мы отвѣчали, что не очень пріятное, и прибавили, что можетъ быть мы ошибаемся.

«Нѣтъ», отвѣчалъ владыка, «не вы одни такого мнѣнія о Вологдѣ. Также думаетъ, кажется, вся Россія. Мой одинъ знакомый перевелъ своего сына въ Вологодскую духовную семинарію. Когда онъ явился къ губернатору за отпускнымъ билетомъ, тотъ спросилъ: гдѣ же будетъ учиться вашъ сынъ? Услышавъ, что «въ Вологдѣ», воскликнулъ: «почему же не въ Архангельскѣ?!..»

Мы сказали преосвященному, что, вѣроятно, въ Вологдѣ много приходовъ, судя по многочисленнымъ церквамъ.

«Нѣтъ», отвѣчалъ владыка, «жителей здѣсь мало; церкви же остались отъ прежнихъ давнихъ лѣтъ. А приходы здѣсь я вынужденъ иногда закрывать. Когда въ первый разъ я осматривалъ городскіе храмы, то къ великому удивленію открылъ, что въ одномъ приходѣ нѣтъ ктитора. Я спросилъ: почему же его не выберутъ? Мнѣ отвѣтили, что выбрать-то не изъ кого: прихожанъ всего 30 человѣкъ и тѣ однѣ женщины!» Затѣмъ владыка говорилъ, что Вологодскій край очень бѣдный, культура его почти не коснулась, а безкорыстныхъ тружениковъ, какъ и вездѣ, очень немного. «Мнѣ особенно пріятно видѣть васъ, будущихъ тружениковъ на нивѣ Господней. Жатвы много, дѣлателей же истинныхъ, нелицемѣрныхъ очень мало. Трудитесь же во славу Божію, и да будетъ надъ вами благословеніе Господне!» со слезами закончилъ рѣчь владыка и благословилъ каждаго изъ насъ.

Простившись съ нимъ, мы осмотрѣли еще храмъ Всемилостиваго Спаса, приложились къ чудотворной иконѣ,

прослушали первую половину всенощнаго бдѣнія. Храмъ поразилъ насъ своимъ необыкновеннымъ благолѣпіемъ. Щедрый ктиторъ храма не жалѣлъ своихъ средствъ на благоукрашеніе дома Божія. Благодаря его трудамъ и заботамъ, храмъ такъ хорошъ, что далеко не послѣднее мѣсто занялъ бы и въ столицѣ. Растроганный до слезъ нашими искренними восторгами благолѣпіемъ храма, староста напутствовалъ насъ горячими благожеланіями, а о. инспектору поднесъ небольшую икону Всемилостиваго Спаса. Въ 9 час. мы были уже на пристани Кострова, откуда въ 10 часовъ долженъ былъ отойти въ Архангельскъ пароходъ «С.-Петербургъ».

IV.

Еще до начала путешествія, при составленіи маршрута было рѣшено ѣхать отъ Вологды до Архангельска не по желѣзной дорогѣ, а на пароходѣ. Часть предполагавшагося рѣчного пути была хорошо извѣстна одному изъ студентовъ - вологжанъ, который принималъ участіе въ нашей поѣздкѣ. Чрезъ него мы были освѣдомлены объ удобствахъ путешествія на пароходахъ Кострова. Какъ лично знакомый съ помянутымъ пароходовладѣльцемъ, предупредительный товарищъ предложилъ даже заранѣе списаться съ послѣднимъ, чтобы для насъ въ извѣстный день было оставлено опредѣленное количество билетовъ 2-го класса [1]). Предложеніе это было принято. Результатомъ переписки съ Костровымъ было то, что для насъ съ рейсомъ 12-го іюня было оставлено 30 мѣстъ во 2-мъ классѣ (все помѣщеніе этого класса) и сдѣлана двадцатипроцентная скидка съ нормальной стоимости билета. По пріѣздѣ въ Вологду мы еще непосредственно съ вокзала

---

[1]) Это было необходимо: пароходы Кострова не такъ велики, какъ, напримѣръ, волжскіе; пассажировъ же на нихъ, особенно въ іюнѣ, бываетъ достаточно. Пріѣхавши въ Вологду, мы рисковали не достать съ ближайшимъ рейсомъ нужное намъ количество билетовъ 2-го класса, что, конечно, вызвало бы не мало затрудненій.

желѣзной дороги отправили свои вещи на пароходную пристань. Распорядители наши, несмотря на сравнительно раннее время, поспѣшили въ кассу пристани Кострова, взяли предназначенные намъ билеты и сдали на пароходъ вещи. У насъ, такимъ образомъ, все было устроено: мѣста обезпечены, вещи положены на своихъ мѣстахъ. Вотъ почему, придя на пристань, мы не торопились подниматься на пароходъ.

На пристани толпилось много народа. Слышался шумный разговоръ... Здѣсь были отъѣзжающіе, провожавшіе ихъ и порядочное количество гуляющихъ, которые зашли посмотрѣть пассажировъ и «убить время». Съ большимъ, повидимому, любопытствомъ осматривали вологжане нашего брата. Собравшись въ отдѣльную группу, мы всею толпой окружили своего инспектора, ректора семинаріи и преподавателей ея [1]). Послѣдніе пріѣхали проститься съ нами и пожелать намъ счастливаго пути. Разговаривать долго не пришлось: скоро раздался второй свистокъ. Благодарности и пожеланія смолкли. Мы стояли на пароходной палубѣ и молча раскланивались со своими знакомыми.

Послѣ третьяго свистка, капитанъ громко пригласилъ всѣхъ «молиться». Пассажиры обнажили головы и благоговѣйно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Раздалась команда. Засуетились матросы. Стали убирать «сходни». Скоро пароходъ освободился отъ узъ, и все было готово. «Задній ходъ» отодвинулъ пароходъ отъ пристани на разстояніе, при которомъ былъ возможенъ поворотъ. Предъ глазами провожавшихъ водяное чудовище повернулось и сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣй и быстрѣй стало удаляться отъ пристани. Оставшіеся на пристани махали платками, кричали «до свиданія, счастливаго пути!» Словно эхо, вторили имъ свои прощальныя привѣтствія отъѣзжающіе. Когда пароходъ отдалился на такое разстояніе, что кричать съ него было бы безпо-

---

[1]) Леонидъ Александровичъ Соколовъ и Ив. Ст. Бачалдинъ.

лезно, голоса привѣтливыхъ пассажировъ стали смолкать. Все рѣже и слабѣе доносились голоса съ пристани. Но прощаніе этимъ не кончилось. Многіе изъ ѣхавшихъ, потерявъ надежду послать свое привѣтствіе въ звукахъ, замѣняли его символическими знаками: кто вытащилъ изъ кармана платокъ, кто снялъ съ головы бѣлую фуражку и долгое время высоко поднятыя руки разсѣкали ими тихую вечернюю атмосферу.

Пароходъ, какъ бы окончательно собравшись съ силами, просвистѣлъ еще разъ и величаво началъ ускорять свое шествіе по неширокому, но довольно глубокому и извилистому руслу Вологды. Городъ сталъ понемногу скрываться и утопать въ дали. Солнце сѣло. Стояла мертвая тишина теплаго лѣтняго вечера. Все какъ бы утомилось и отдыхало. Только пароходъ неумолкаемо шумѣлъ, разсѣкая воду своими колесами. Разговоръ пассажировъ началъ понемногу смолкать, и число ихъ на палубѣ замѣтно рѣдѣло. Многіе уходили въ каюты до завтрашняго утра. Палубные пассажиры готовили себѣ въ укромныхъ уголкахъ импровизированныя постели.

Наша компанія in corpore возсѣдала на рубкѣ, недалеко отъ капитанской будки. Мы дѣлились вологодскими впечатлѣніями и время отъ времени наблюдали раскрывавшіеся предъ глазами пейзажи, которые были довольно однообразны. Вологда извивалась не особенно широкой лентой. Берега ея низменны. Время отъ времени встрѣчались намъ длинные плоты лѣса, и на спавшихъ плотогоновъ раздавался громкій окликъ бдительнаго лоцмана. Рѣка мѣстами суживалась на столько, что разойтись пароходу и плоту, который не успѣлъ заранѣе свернуть ближе къ берегу, казалось довольно труднымъ. Тогда пароходъ, щадя плоты, свистѣлъ и замедлялъ ходъ. Вологдой намъ приходилось ѣхать верстъ тридцать, послѣ чего пароходъ нашъ долженъ былъ выйти въ болѣе широкую и обильную водами Сухону. Вечеръ спускался все болѣе и болѣе. Въ воздухѣ начало свѣжѣть: подулъ вѣтерокъ,

который для сидящихъ на рубкѣ становился ощутительнѣй благодаря быстрому движенію парохода. Распространявшаяся темнота ночи и однообразіе пейзажа заставили и насъ мало-по-малу спуститься въ каюту.

Пароходъ «С.-Петербургъ» былъ нашей временной квартирой въ теченіе трехъ сутокъ слишкомъ. Это—новенькое, неособенно большое, но довольно уютное судно (въ 35—40 силъ), которое содержится въ возможной чистотѣ. Освѣщается пароходъ электричествомъ. Имѣетъ сносный буфетъ и небольшую кухню. Намъ пришлось занимать въ немъ три каюты: одну большую на двадцать человѣкъ и двѣ маленькихъ (для двухъ и четырехъ пассажировъ). Размѣститься и занять каждому койку было дѣломъ не труднымъ. На сонъ грядущій рѣшили поужинать, чѣмъ запаслись въ Вологдѣ и напиться чаю. Скоро на большомъ столѣ, накрытомъ черной клеенкой, кипѣлъ громадныхъ размѣровъ самоваръ. Одинъ изъ студентовъ взялъ на себя скромную роль хозяйки: заварилъ чай и сталъ разливать его по стаканамъ. Импровизированную хозяйку тотчасъ окрестили именемъ «мамаша» и величали такимъ образомъ вплоть до конца путешествія. Чай и закуска продолжались около часа. Незамѣтно летѣло время въ товарищеской бесѣдѣ, шуточкахъ по поводу видѣннаго и слышаннаго. Было уже двѣнадцать часовъ ночи. Нѣкоторые, уставши порядкомъ за день, который былъ такъ богатъ впечатлѣніями, помышляли уже о снѣ и начали втихомолку пробираться къ постелямъ. Разговаривать въ каютѣ было не совсѣмъ удобно. Вотъ почему бодрствующіе рѣшили выбраться изъ каюты на рубку, гдѣ шумный разговоръ и непринужденный смѣхъ никого не могли тревожить. Скоро пароходъ долженъ былъ проходить «озерами». Было, значитъ, что и посмотрѣть съ рубки. Такъ какъ свѣжій вѣтерокъ все крѣпчалъ, а въ воздухѣ было порядочно сырости, то рѣшили пріодѣться потеплѣй. По большей части на теплыя пальто были накинуты «непромокаемыя шкуры» (плащи), которыя хотя плохо грѣли,

но хорошо защищали отъ сырости и вѣтра. Къ этому времени вѣтерокъ уже порядкомъ бушевалъ. Пришлось крѣпко надвинуть фуражку и накрыть голову непромокаемымъ башлыкомъ. Иначе можно было опасаться, что форменный картузъ бодрствующаго паломника напьется желтоватой водицы Сухоны и составитъ украшеніе песчанаго дна «Сѣверной кормилицы».

Сухона, которой мы ѣхали уже болѣе получаса, начала замѣтно увеличивать свою ширину. Берега постепенно отодвигались отъ парохода, и водяное царство увеличивало свои предѣлы съ каждымъ шагомъ. Вотъ уже и плохо различается берегъ. Глазъ видитъ только воду, да туманъ, который покрываетъ ее бѣлымъ пологомъ. Мы плывемъ «озерами». Но что это за озера? спроситъ читатель. Какъ они называются и почему географическая карта не отмѣчаетъ ихъ?

Озера, по волнамъ которыхъ мчался нашъ пароходъ, не могутъ подойти подъ то понятіе «озера», которое намъ извѣстно изъ учебниковъ географіи. Это не постоянное обширное и почти самозаключенное водовмѣстилище, какимъ мы представляемъ себѣ обычныя озера. Предъ нами было громадное низменное пространство на цѣлые десятки верстъ въ ширину и не на одинъ десятокъ въ длину, покрытое кое-гдѣ густымъ, а больщею частію небольшимъ кустарникомъ и сплошь затопленное водой. Вода, покрывшая такое громадное пространство, получалась отъ таянія снѣга и разлива Сухоны съ ея небольшими притоками. Вода эта стоитъ непостоянно. Въ послѣднемъ насъ могли убѣдить попадавшіяся по обѣимъ сторонамъ фарватера Сухоны небольшія деревянныя избы и сараи, почти до крыши стоявшія въ водѣ. Очевидно, здѣсь по временамъ кто-нибудь живетъ и кое-кто бываетъ. Недоумѣніе наше разъяснилъ словоохотливый капитанъ, съ которымъ мы начали разговоръ еще раньше. По его словамъ, въ этихъ избахъ поселяются на время рыбаки и главнымъ образомъ крестьяне изъ окрестныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи,

которые пріѣзжаютъ сюда «съ горъ», гдѣ расположены ихъ деревни, косить и убирать сѣно. Въ концѣ іюня, продолжалъ капитанъ, воды спадаютъ, и все залитое пространство, освобожденное отъ нихъ, но хорошо напоенное ими, покрывается густой зеленой травой. Трава къ концу іюля или началу августа поспѣваетъ, ее косятъ, убираютъ и отвозятъ въ деревни и села. Нужно замѣтить, что окрестные жители не имѣютъ луговъ около деревень. Имъ даны тамъ только надѣлы пахотной земли, а сѣно убираютъ они почти исключительно съ «озеръ», которыя, какъ только освободятся отъ воды, дѣлятся на извѣстныя части: для каждой деревни отводится опредѣленное пространство, которое въ свою очередь распредѣляется домохозяевами между собой.

Мы ѣхали въ ночь подъ 13-е іюня. До конца мѣсяца оставалось еще болѣе двухъ недѣль. Но было замѣтно, что вода начинаетъ сбывать. Обычно спадъ ея наступаетъ еще раньше. Нынѣшній годъ почти весь май стояла холодная дождливая погода, которая еще болѣе увеличивала количество весенней воды. Только въ іюнѣ начала сбывать вода, и мы наблюдали теперь первые проблески растительной жизни. На показавшихся изъ-подъ воды деревьяхъ только что стали распускаться почки и развертывались листья. Мѣстами, среди безбрежной массы воды, показывались небольшіе островки, на которыхъ выступала изъ влажной земли зелененькая травка—плодъ непродолжительнаго солнечнаго воздѣйствія на оставленную водой почву. Островки были рѣдки и незначительны. Все остальное пространство было сплошь водянымъ царствомъ. Гдѣ-то далеко виднѣлась бѣлая колокольня какого-то села. Но можно было сразу сообразить, что разстояніе, отдѣляющее нашъ пароходъ отъ виднѣвшагося Божьяго храма, не менѣе тридцати верстъ. Говорятъ «озера» мѣстами тянутся верстъ на шестьдесятъ въ ширь. Какое же пространство занимаютъ мѣстные заливные луга и сколько можно получить съ нихъ сѣна? Какъ много пропадаетъ его за

краткостью времени для уборки его и за неимѣніемъ рабочихъ рукъ? Какое множество дичи такъ и кишитъ въ болотистыхъ мѣстахъ окрестностей Сухоны! Сколько пропадаетъ рыбы на затопленныхъ весенними водами лугахъ, когда вода сниметъ съ нихъ свои временные покровы!

Разговоръ съ капитаномъ, который очень хорошо знаетъ мѣстность, такъ какъ уже болѣе двадцати лѣтъ ѣздитъ ежегодно между Вологдой и Архангельскомъ, скороталъ время. Заря, начавшая заниматься еще около часу пополуночи, разрослась и растлалась теперь по всему восточному небосклону. Было около двухъ часовъ ночи. Съ минуты на минуту нужно было ждать появленія дневного свѣтила. Вотъ, по водяной поверхности сверкнулъ его верхній лучъ, и красный дискъ жизнерадостнаго солнца показался на горизонтѣ. Довольно быстро дискъ этотъ возрасталъ. Скоро надъ водой величаво красовался весь солнечный шаръ. Лучи его, попадая въ необъятныя воды, колыхаемыя свѣжимъ вѣтеркомъ, давали нашимъ глазамъ чудную картину. Я уже сказалъ, что верхушки высматривавшихъ изъ-подъ воды деревьевъ были покрыты свѣжими небольшими листиками. Солнышко посылало на нихъ свои благотворные лучи и освѣщало ихъ великолѣпную зелень. Здѣсь спорили двѣ стихіи: солнечный жаръ и вода. И хотя первый казался незначительнымъ, потому что солнце стояло еще невысоко, а прохладный вѣтерокъ дѣлалъ воздухъ очень свѣжимъ, но уже предчувствовалось, что громаднымъ водянымъ массамъ долго не сдобровать. И уйдутъ онѣ въ поднебесную высь, летая въ облакахъ по всей матушкѣ землѣ, снизойдутъ и въ мягкіе земляные слои, стекутъ по притокамъ въ глубокую Сухону, чтобы повидаться съ широкой Двиной, да попробовать напоить соленое Бѣлое море своей свѣжей и сладкой водицей. А на мѣсто ихъ, на влажной землѣ выростетъ зеленая мурава въ ростъ человѣка. Деревья, освободившись изъ-подъ воды, надѣнутъ лѣтнюю зеленую одежду. И будетъ мурава ждать

предпріимчивыхъ косцовъ съ косой острою, а деревья— охотника съ мѣткой пулею, чтобы бить чрезмѣрно наплодившихся за весну утокъ, тетеревовъ и рябчиковъ. Но коротко здѣсь время для косца и охотника. Нерѣдко оно сокращается до минимума, когда въ августѣ съ первыхъ чиселъ запахнетъ осенью, и пойдутъ проливные дожди (какъ было, между прочимъ, и въ нынѣшнемъ году). Придется тогда травушкѣ сгнить на корню, а деревьямъ жалобно шумѣть отъ осенняго сильнаго вѣтра, который будетъ срывать ихъ нарядную, въ багрецъ и золото окрашенную одежду, пока развоевавшійся Борей не принесетъ снѣговыя тучи и не покроетъ все пространство мягкимъ бѣлымъ одѣяломъ. Жутко становится на душѣ отъ одного представленія такой мертвой картины! И если просыпающаяся отъ зимняго сна жизнь веселитъ сердце, то это же самое сердце щемитъ отъ одного представленія снѣговой пустыни!

На подобную тему можно было бы размечтаться и провести всю ночь на рубкѣ, тѣмъ болѣе, что первый сонъ уже прошелъ, и въ каюту не хотѣлось спускаться, такъ какъ снаружи становилось все интереснѣй. Солнце стояло довольно высоко. Вѣтерокъ сдѣлался гораздо слабѣй. Туманъ поднимался выше и выше, и все дальше открывался намъ горизонтъ водяного пространства. Вдали виднѣлось нѣсколько церквей. То были села. Ихъ можно было насчитать до пяти. Пейзажи становились красивѣй. Такъ и хотѣлось сидѣть на рубкѣ и любоваться. Только мысль о томъ, что еще завтра будетъ день, и назавтра останется, что посмотрѣть и о чемъ подумать, заставили насъ спуститься въ каюту и улечься на заранѣе занятыхъ койкахъ.

13 іюня. Часовъ около 9 утра сонное царство, въ каковое обратилась наша каюта на ночь, стало понемногу оживать. Кто потягивался на постели, кто наскоро собирался и спѣшилъ къ умывальнику, гдѣ приходилось дожидаться очереди. Умывальникъ — всего съ однимъ кра-

номъ—долгое время принималъ и отпускалъ студентовъ, которые на свободѣ захотѣли призаняться своимъ туалетомъ. Вотъ вологодская пыль смыта, заспанныя лица значительно посвѣжѣли. Невыспавшіеся какъ слѣдуетъ холодной водицей разогнали немного сонливое состояніе. Въ каютѣ слышался смѣхъ, шумъ и разговоръ. Скоро на столѣ появился вчерашній знакомый—громаднѣйшій самоваръ. «Мамаша» заварила чай и со всѣмъ усердіемъ принялась разливать его по стаканамъ. Нетерпѣливыя дѣти наперерывъ подставляли подъ носикъ чайника и кранъ самовара свои посудины. «Налей мнѣ! налей мнѣ! Что же ты про мой стаканъ позабылъ?» слышалось со всѣхъ сторонъ. Самоваръ, несмотря на всю его внушительность, быстро опустѣлъ. Пришлось доливать его раза два. Чрезъ какіе-нибудь полчаса дѣтки напились чаю, немножко закусили и помаленьку стали освобождать каюту. Скоро въ каютѣ остался только пароходный официантъ, который перемывалъ посуду и убиралъ ее со стола. Всѣ студенты во главѣ съ своимъ начальствомъ высыпали на рубку, гдѣ по недостатку диванчиковъ нѣкоторымъ пришлось даже стоять.

Былъ одиннадцатый часъ дня. Солнышко ярко свѣтило надъ нашими головами. Въ глубокой Сухонѣ лучи его отражались, какъ въ зеркалѣ, отчего свѣту кругомъ было еще больше. Сухона давно миновала мѣстность «озеръ» и быстро мчала свои волны въ довольно высокихъ берегахъ. Съ каждымъ шагомъ дальше берега ея все возвышались, и рѣка постепенно суживалась. Берега почти сплошь покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, который изрѣдка прорѣзывается небольшимъ ручейкомъ, несущимъ свою дань въ водяное царство. Тихо стояли вѣковыя сосны и громадныя ели, свѣсивши своя могучія вѣтви почти до земли. Быстрая Сухона, постоянно подернутая рябью по причинѣ сильнаго паденія ея водъ, журчитъ у береговъ и подмываетъ ихъ. Вотъ она обнажила корни громадной

сосны, и та едва ли простоитъ это лѣто. Придется столѣтнему дереву при первой бурѣ накрениться набокъ, а затѣмъ и покупаться въ волнахъ бурной рѣки. Уже не одну тысячу такихъ гигантовъ повалила разбойница-рѣка на своемъ вѣку. Не мало пароходныхъ колесъ поломали они. Не даромъ капитаны зовутъ упавшія въ воду деревья своими врагами. Кое-гдѣ враги эти медленно шевелили верхними частями своихъ вѣтвей, которыя неосторожно перешагнула волна. Печально смотрѣли на своихъ безвременно погибшихъ товарищей сосѣднія съ ними деревья. Въ воздухѣ было тихо, и вѣтви ихъ почти не шевелились. Довольно широкая Сухона, освѣщенная яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, въ своихъ глубинахъ, съ правой стороны, давала полное отраженіе вѣковымъ гигантамъ, украсившимъ ея высокіе берега.

Пароходъ нашъ быстро подвигался впередъ. Вотъ онъ перегналъ нѣсколько «каюкъ»—мѣстное названіе судна—и три или четыре «ведила» или плота, которые медленно совершали свое путешествіе внизъ по теченію. Въ 12 часовъ дня пароходъ долженъ быть въ Тотьмѣ—уѣздномъ городѣ Вологодской губерніи. Тамъ предполагалась двухчасовая остановка, и мы рѣшили посвятить ее осмотру города. Лѣса, шедшіе сплошной стѣной по берегамъ рѣки, стали прерываться на значительныя прогалины. Вотъ въ Сухону вкатила свои волны рѣчка Царева, на устьѣ которой, по преданію, Петръ I, во время своего путешествія на Сѣверъ, пилъ чай (?); до Тотьмы осталось 9 верстъ. Скоро на лѣвомъ берегу рѣки невооруженный глазъ могъ уже разобрать верхушки церквей, а затѣмъ и виднѣвшійся вдали городъ. Пароходъ просвистѣлъ и началъ замедлять свое движеніе. Вотъ онъ поровнялся съ пріютившимся на правомъ берегу рѣки какимъ-то селомъ (то была кладбищенская церковь,—бывшій ранѣе женскій монастырь) и круто повернулъ налѣво къ городской пристани. Мы подъѣхали къ Тотьмѣ.

Изъ-подъ горы намъ было видно три-четыре каменныхъ дома, да небольшая березовая роща, окруженная незатѣйливымъ частоколомъ. То, какъ оказалось, были Тотемскія присутственныя мѣста: уѣздное казначейство, городская управа и др. Какъ только матросы устроили «сходни», почти всѣ пассажиры, въ томъ числѣ и мы, покинули пароходъ. На пристани было видно около сотни народу. Очевидно, кто изъ тотемцевъ вышелъ сюда встрѣтить пріѣхавшихъ родственниковъ и знакомыхъ, кто посмотрѣть на проѣзжающихъ, а кто напросто погулять и «показать себя». Должно-быть для жителей захолустнаго городка пришедшій пароходъ—цѣлое событіе и, во всякомъ случаѣ, немалое развлеченіе. Представьте теперь, съ какимъ любопытствомъ осматривали они насъ, когда мы шумной толпой стали подниматься на гору для обозрѣнія родного имъ захолустнаго города!

Наше начальство, ѣхавшіе съ нами священники и наиболѣе состоятельные изъ студентовъ воспользовались остановкой, чтобы съѣздить въ Спасо-Суморинъ монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи его основателя пр. Ѳеодосія Суморина. Монастырь находится въ двухъ верстахъ отъ Тотьмы. Къ нему ведетъ очень хорошая хотя нешоссированная дорога. Еще у пристани извозчики начали предлагать свои услуги «свезти мигомъ» къ Ѳеодосію. Экипажи ихъ—что-то въ родѣ короткой линейки. На немъ не усидешься больше какъ въ двоемъ спина къ спинѣ. Только въ Тотьмѣ, В. Устюгѣ да въ Архангельскѣ ѣздятъ на такихъ повозкахъ и считаютъ ихъ весьма удобными. А что, кажется, хорошаго: сидѣть и смотрѣть въ противоположныя стороны, а другъ къ другу неособенно вѣжливымъ образомъ! Но... въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Пришлось испытать и прелести ѣзды на тотемскихъ экипажахъ: тряску, пыль и грязь. Никакихъ фартуковъ, которые застегиваясь загораживали бы ноги и нижнюю часть туловища, здѣсь не имѣется. Пыль обдаетъ

буквально всего съ ногъ до головы, а грязь, при быстрой ѣздѣ, можетъ облѣпить васъ и украсить до неузнаваемости.

Спасо-Суморинъ монастырь, который посѣтила часть нашей компаніи, одинъ изъ почитаемыхъ на Сѣверѣ монастырей. Жители Вологодской, Вятской и частью Костромской губерніи считаютъ своимъ долгомъ побывать, хотя разъ въ жизни, у пр. Өеодосія. Ежегодно 28 января собирается здѣсь до 10.000 народа. Монастырь окруженъ стѣной съ башнями, снабженными шпилями. За стѣной высоко поднимаются колокольня и девять куполовъ церквей. Въ главномъ храмѣ, влѣво отъ входа, въ серебряной ракѣ покоятся мощи угодника. Надъ ракой массивная серебряная сѣнь на четырехъ витыхъ столбахъ. Надъ сѣнью почему то помѣщена держава. Въ храмѣ показываютъ реликвіи, сохранившіяся послѣ угодника: часть крышки деревяннаго гроба, кожаные сапоги и завѣщаніе, писанное Өеодосіемъ собственноручно (свитокъ аршина въ три длины). Особенность живописи, которая странно поражаетъ всякаго—это иконы (въ нижнемъ и верхнемъ храмахъ), изображающія преподобнаго почившимъ съ закрытыми глазами и притомъ не во весь ростъ, а только до пояса. Осмотрѣвъ наскоро другіе храмы, наши путешественники поспѣшили въ Тотьму, откуда въ два часа пополудни долженъ былъ отправиться пароходъ.

Компанія, принужденная остаться на пристани (такъ какъ извозчики здѣсь были очень дороги), шумной толпой поднялась въ гору и своими шагами начала измѣрять тотемскія улицы, которыхъ, къ слову сказать, всего-то было разъ, два, да и обчелся. Одна изъ нихъ, которая тянется параллельно берегу рѣки, въ первой своей части малонаселенна. Отъ домика до другого всегда изрядное разстояніе. На пути намъ встрѣтился деревянный довольно высокій мостъ чрезъ оврагъ, по которому струится небольшая рѣчка. За мостомъ домики стали почаще: мы были въ центрѣ Тотьмы. Направо предъ нами красовался (?) То-

темскій скверъ. То было небольшое пространство, засаженное березами и желтой акаціей. При входѣ въ него глазамъ представлялась небольшая зеленая лужайка, въ одномъ изъ угловъ которой расположилась убогая карусель. Около карусели--толпа ребятишекъ и няньки съ малыми дѣтьми. Это, очевидно, дѣтскій садъ. За нимъ шли вѣтвистыя аллеи для гулянья взрослыхъ Тотемцевъ. Въ Тотьмѣ было два зданія, которыя могли заинтересовать насъ: это соборъ и духовное училище. Осмотрѣть и то и другое не хватило бы времени. Къ тому же соборъ былъ запертъ [1]). Пришлось бы ходить отъ настоятеля къ сторожу и обратно, чтобы испросить разрѣшеніе на осмотръ его. Время не ждало: часы показывали, что до отхода парохода осталось немного болѣе часу. Рѣшено было обозрѣть только Тотемское духовное училище, куда, быть можетъ, пошлютъ и кого-нибудь изъ насъ на всю жизнь преподавать русскій языкъ въ младшихъ классахъ. Разыскать въ Тотьмѣ духовное училище было дѣломъ не труднымъ. Встрѣтившійся старичекъ показалъ намъ на краю города небольшое бѣлое двухъэтажное каменное зданіе, около котораго были возведены лѣса, и производилась постройка. Бѣлое зданіе было духовное училище, а новая стройка—еще неоконченное зданіе для общежитія его питомцевъ. Предъ училищемъ былъ громадный лугъ. Въ училищѣ мы думали встрѣтить одного общаго знакомаго, бывшаго студента нашей академіи, Григ. Степ. Бонина, который съ прошлаго года состоитъ Тотемскимъ педагогомъ. Подойдя къ училищу и позвонивши, мы намѣрены были спросить Бонина и подъ его руководствомъ осмотрѣть зданіе училища. На звонокъ къ намъ вышла какая то босая женщина и, когда мы спросили ее о Бонинѣ,

---

[1]) Съ внѣшней стороны соборъ довольно красивъ. Высокая колокольня и пять куполовъ, окрашенные въ зеленую краску, при желтой окраскѣ стѣнъ, придаютъ ему много оригинальности и ярко выдѣляютъ его отъ другихъ тотемскихъ храмовъ.

отвѣтила намъ, что Гр. Ст. уѣхалъ въ Рязанскую губернію. На нашъ вопросъ: «нельзя ли осмотрѣть училище?» женщина кликнула какого-то мальчика, который отперъ намъ дверь на лѣстницу и пригласилъ взойти наверхъ и смотрѣть, что намъ будетъ угодно. Всей гурьбой взобрались мы на второй этажъ и скоро подвергли осмотру четыре классныхъ комнаты, комнату для учителей и правленіе. Въ училищѣ насъ пріятно поразила чистота и какая-то уютность. Въ этомъ отношеніи оно могло бы послужить образцомъ для нѣкоторыхъ семинарій. Поблагодаривъ своего чичероне, мы отправились скорымъ шагомъ на пристань.

Съ Тотьмой мы распростились въ третьемъ часу дня. Пароходъ, послѣ трехъ жалобныхъ завываній, отодвинулся назадъ, а затѣмъ, повернувъ въ лѣвую сторону, застучалъ колесами и бодро началъ рѣзать волны своей желѣзной грудью. Мы сидѣли на рубкѣ и слѣдили за удалявшимся отъ насъ городомъ. По берегу, съ гиканьемъ и свистомъ, провожало пароходъ молодое поколѣніе тотемцевъ. Дѣти, обгоняя одинъ другого, махали намъ платками, а у кого имѣлся на головѣ картузъ, тотъ высоко подбрасывалъ его вверхъ. Понятно, какое удовольствіе доставлялъ тотемскимъ дѣтямъ пришедшій въ ихъ городъ пароходъ. Онъ, нарушая обычное теченіе жизни въ Тотьмѣ, вносилъ оживленіе и въ дѣтскую среду. Если взрослые ждали пароходъ, какъ добраго генія, оживляющаго ихъ край, если онъ доставлялъ имъ иногда родныхъ и знакомыхъ, пожелавшихъ навѣдать отдаленныхъ тотемскихъ родственниковъ, и могъ легко доставить, наконецъ ихъ самихъ до Вологды и Архангельска, то, нужно думать, восторгъ родителей при появленіи парохода переходилъ къ дѣтямъ и, послѣднія, не имѣя силъ сдерживать радости, высказывали ее, чѣмъ могли. Почти цѣлую версту бѣжали дѣти. Они кричали «ура»! «до свиданія!» «прощайте!» и др. привѣтствія. Я думаю, что привѣтствіямъ дѣтей не было бы конца,

если бы пароходъ шелъ медленнѣй и не такъ быстро удалялся бы отъ привѣтливыхъ тотемцевъ.

Тотьма скрылась. Пейзажи прискучили. Да и желудокъ требовалъ подкрѣпленія и манилъ въ каюту, гдѣ, по словамъ распорядителей, долженъ быть готовъ завтракъ. Обѣдъ обѣщали намъ сготовить не ранѣе шести часовъ вечера, а потому было необходимо подкрѣпиться, чѣмъ Богъ послалъ. Послѣ завтрака кто вышелъ на рубку, кто остался въ каютѣ и раположился писать «замѣтки и впечатлѣнія». Нѣкоторые воспользовались наступившей тишиной и расположились отдохнуть. Но не долго царила тишина. Отправившіеся на рубку возвращались одинъ за однимъ съ печальнымъ извѣстіемъ, что погода измѣнилась, подулъ значительный вѣтеръ, и начинаетъ капать дождичекъ. Желающимъ идти наружу необходимо было завернуться въ непромокаемые плащи, тѣмъ болѣе, что маленькій дождичекъ шелъ все crescendo. Измѣнившаяся погода непріятно подѣйствовала на путешественниковъ. Оживленіе пропало, шутки сдѣлались рѣже. Въ каютѣ замѣтно потемнѣло, и трудно было заниматься чтеніемъ и письмомъ. Не знаю, когда пришелъ бы конецъ установившемуся мрачному настроенію, если бы на выручку не явился официантъ, который объявилъ, что обѣдъ готовъ, и сейчасъ станутъ накрывать столъ. «А посмотримъ чѣмъ насъ покормятъ!» сказалъ одинъ изъ паломниковъ. «Несутъ! Несутъ! Несутъ!» кричали третьи, завидѣвъ входящихъ официантовъ, нагруженныхъ столовыми принадлежностями.

Обѣдъ—изъ двухъ блюдъ—былъ не хлестаковскій. Приготовлено довольно сносно даже и не для паломниковъ. За обѣдомъ разговоръ сдѣлался общимъ, а вмѣстѣ съ этимъ и оживленнымъ. Оживленіе не покидало студентовъ и послѣ обѣда, когда на столѣ вмѣсто тарелокъ были поставлены самоваръ и стаканы, и началось чаепитье... На А. М. Другова нашелъ, какъ говорится «стихъ» и онъ быстро овладѣлъ общимъ вниманіемъ. Разговоръ вращался главнымъ образомъ, вокругъ слова «Опока», ко-

торое почему-то показалось всѣмъ очень оригинальнымъ и забавнымъ. «Опока» или «Опоки»—такъ именовалось опасное мѣсто на Сухонѣ, которое въ скоромъ времени приходилось проходить нашему пароходу. Еще до Тотьмы берега Сухоны начинаютъ подниматься. Послѣ Тотьмы они попрежнему высоки, волнисты и покрыты лѣсами. Верстъ черезъ сто они дѣлаются еще круче и выше. На нихъ кое-гдѣ виднѣются очень тонкимъ слоемъ известковыя обнаженія, а поверхъ ихъ могучія толщи мергелей и песковъ, покрытыхъ нескончаемымъ лѣсомъ. Нужно замѣтить, Сухона на всемъ своемъ протяженіи очень камениста. Не даромъ ее называютъ «Чертовой рѣкой», разсказывая про нее извѣстную сказку, какъ чортъ несъ въ рѣшетѣ орѣхи, просыпалъ ихъ, и орѣхи обратились въ камни, и попали въ Сухону. Камни, иногда очень большихъ размѣровъ, безъ сомнѣнія, составляютъ не малое затрудненіе для судоходства, особенно при «малой» водѣ. У села Никольскаго—на лѣвомъ берегу Сухоны,—гдѣ рѣка, суживаясь, дѣлаетъ крутой изгибъ, описывая нѣчто въ родѣ буквы Z, гдѣ берега (особенно лѣвый) доходятъ до 200 футовъ высоты, начинается особенно опасное для судовъ мѣсто, именуемое «Опоки». Это не что иное, какъ порогъ или «переборъ» около версты длиной. Теченіе рѣки здѣсь настолько быстро, что паденіе замѣтно для глазъ. Изъ-подъ воды видны громадные камни, которые и затрудняютъ судоходство. О существованіи «Опоки» мы узнали въ первый разъ изъ «путеводителя по Сѣверу» и книги Случевскаго [1]). Свѣдѣнія печатныя были дополнены сообщеніями словоохотливаго капитана и студентовъ-вологжанъ.

Когда чай былъ конченъ, всѣ вышли на рубку. Дождь къ этому времени прекратился. Въ воздухѣ было тихо. Солнце скоро должно было скрыться. Мы подъѣзжали къ

[1]) К. К. Случевскій по Сѣверо-Западу Россіи т. I. „по Сѣверу Россіи". СПБ. 1897.

дѣйствительнымъ «Опокамъ». Было уже около двѣнадцати часовъ ночи. О. Инспекторъ, студенты и др. паломники, сидѣли на рубкѣ и наблюдали за движеніемъ парохода и берегами. Послѣдніе представляли изъ себя высокія кручи, иногда совершенно отвѣсныя и обнаженныя, ясно обнаруживающія большое количество наслоеній мергелей и розовато-сѣрыхъ глинистыхъ песковъ. Кое-гдѣ на берегахъ виднѣлись деревни и села. Они тянулись по теченію рѣки одно за однимъ иногда на цѣлыя версты. Здѣшнія села отличаются красивыми прочными избами, большею частію двухъэтажными, съ балкончиками и далеко впередъ выступающими навѣсами крышъ на швейцарскій ладъ. Въ селахъ обычно по двѣ церкви, одна для зимы, другая для лѣта. Церкви по большей части небольшія, старинной архитектуры. Вотъ извѣстное намъ село Никольское: начались Опоки. Пароходъ замедлилъ ходъ до minimum'а и вступилъ въ быстрину. Половодье, стоявшее въ дни нашего путешествія по Сѣверу, дѣлало не такъ опаснымъ прохожденіе пароходомъ «Опокъ». Пароходъ прошелъ благополучно. Опоки миновали: на правомъ берегу Сухоны, при впаденіи въ нее Святого ручья, показалось село Порогъ — конецъ «Опокамъ». Опоки оказались на этотъ разъ не такъ грозными, какъ ихъ рисовало воображеніе. Тѣмъ не менѣе мы почувствовали нѣкоторое облегченіе, когда проѣхали это опасное для насъ мѣсто. Отчасти подъ вліяніемъ этого чувства, отчасти подъ вліяніемъ великолѣпной ночи настроеніе у всѣхъ значительно приподнялось и сказалось скоро въ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ гимнахъ, которые были исполнены дружнымъ хоромъ.

Въ каютѣ, куда мы скоро спустились, задумали устроить «на сонъ грядущій» небольшую спѣвку церковныхъ пѣснопѣвій, которыя предполагалось пѣть на Соловецкомъ островѣ при служеніи нашими начальствующими и другими іереями-спутниками. Спѣли «херувимскую» іером. Виктора, «милость мира» Виноградова. Спѣвка, впрочемъ, скоро была кончена, такъ какъ не было нотъ, да и часъ

былъ поздній. Назавтра часовъ въ 6 утра пароходъ нашъ предполагалъ прійти въ В. Устюгъ. Еще заранѣе рѣшили осмотрѣть этотъ старинный городъ и посѣтить квартиру одного изъ студентовъ нашей Академіи Влад. Павловича Шипулина.

14 іюня. Въ шесть часовъ утра всѣ были уже на ногахъ. Пароходъ подходилъ къ Устюгу. Пасмурное утро и мелкій дождичекъ не давали возможности наблюдать городъ издали. Многіе изъ ѣхавшихъ выползли изъ каютъ только тогда, какъ раздалась команда «стопъ машина!» и пароходъ причалилъ къ пристани. На пристани встрѣчалъ насъ В—ръ П—чъ, его отецъ—уѣздный Устюжскій казначей—Павелъ Михайловичъ Шипулинъ и благочинный городскихъ церквей о. Алексій Чижовъ. Скоро и всѣ мы перезнакомились съ послѣдними и пошли въ городъ. Начальствующимъ была подана коляска, запряженная парой хорошихъ лошадей купца Кострова. Въ нее сѣли о. Инспекторъ, о. Анастасій, о. Михаилъ и Павелъ Михайловичъ Шипулинъ. Мы пошли пѣшкомъ. Путеводителемъ нашимъ былъ В—ръ П—чъ. Поднявшись въ гору, мы свернули на лѣво. Путь лежалъ по набережной. Берегъ рѣки былъ укрѣпленъ громадными бревнами, поставленными торчкомъ. Скоро мы подошли къ Устюжскимъ достопримѣчательностямъ, расположеннымъ одна около другой и составляющимъ вмѣстѣ нѣчто въ родъ Кремля. То были церкви: Прокопія Праведнаго, Іоанна Праведнаго, городской соборъ и бывшіе архіерейскіе дома—нынѣ городскія присутственныя мѣста. Прокопіевская церковь (именуемая также соборомъ) стояла первою на нашемъ пути и первою была осмотрѣна. Необходимыя объясненія приэтомъ намъ давали почтенный о. протоіерей Д. Поповъ и свящ. о. Алексій Жуковъ. Предъ церковію на пьедесталѣ мы замѣтили камень. Проводникъ нашъ — В—ръ П—чъ разъяснилъ, что это камень отъ каменной тучи, которая по молитвамъ св. Прокопія пала въ 17½ верстахъ отъ Устюга (1298 г.). Въ соборѣ, мы поспѣшили прежде всего

поклониться мощамъ Правед. Прокопія, которыя покоятся подъ спудомъ на лѣво отъ входа. Надъ ними деревянная золоченая сѣнь. Соборъ не большой, но съ богатымъ, вычурнымъ рѣзнымъ иконостасомъ. Въ немъ замѣчателенъ образъ св. Прокопія, вышитый жемчугомъ. Образъ пожертвованъ въ 1684 г. однимъ московскимъ гостемъ (купцомъ) по прозвищу «Скорая запись». Изъ соборнаго притвора, съ лѣвой стороны, устроенъ ходъ въ ризницу, гдѣ хранятся облаченія и церковная утварь. Здѣсь немало старинныхъ облаченій, крестовъ и сосудовъ. Послѣдніе въ особенности поражаютъ своей массивностью и вѣсомъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора Прокопіевскаго находится церковь св. Іоанна Праведнаго. Ходъ въ нее, какъ и въ помянутый соборъ, съ набережной Сухоны. Своими размѣрами церковь уступаетъ собору, но за то въ ней не два, а три престола: два придѣла теплыхъ и настоящая (церковь) холодная. Въ холодной, на лѣвой сторонѣ, покоятся мощи св. Іоанна. Надъ ними деревянная золоченая сѣнь на восьми витыхъ столбахъ. На верху сѣни помѣщены неудачныя изображенія ангеловъ, держащихъ зажженныя свѣчи. Изъ иконъ замѣчательна—св. Іоанна, которая много напоминаетъ шитую икону св. Прокопія, видѣнную нами ранѣе. Контуры иконы обведены жемчугомъ, черты выцвѣтшаго отъ времени лица—чернымъ шелкомъ. Изъ южныхъ дверей холоднаго храма мы вышли на улицу и прослѣдовали въ городской Успенскій соборъ. Онъ существовалъ еще въ 1290 г., но нынѣшній построенъ въ 1658 г. [1]). Соборъ двухъэтажный, холодный. Этотъ годъ его ремонтируютъ, а потому службы въ немъ не было. Ремонтъ еще не конченъ, и въ соборѣ полный безпорядокъ. Краска, пыль, разбросанныя щетки, кисти, лѣстницы, снятое паникадило, ужасная сырость стѣнъ и отворенныя въ верху окна давали собору видъ нежилого

[1]) Соборъ этотъ служилъ усыпальницею Великоустюжскихъ архіереевъ, гробницы которыхъ расположены вдоль стѣнъ.

и заброшеннаго помѣщенія. Густымъ слоемъ покрывала пыль позолоту иконостаса, къ слову сказать, очень красиваго и величественнаго. Иконостасъ устроенъ въ два яруса съ коринѳскими колонками, съ богатой рѣзьбой. Единственно, что портило впечатлѣніе, такъ это крашеныя скульптурныя фигуры Спасителя на крестѣ, Богоматери и двухъ разбойниковъ. Всѣ эти фигуры слишкомъ грубы, если не сказать болѣе. Внизу холоднаго собора обширная кладовая: здѣсь помѣщается ризница, библіотека и древлехранилище. Библіотека имѣетъ довольно значительное количество старинныхъ книгъ. Между ними есть рукописи (напр. Апостолъ XVII в.). По недостатку времени не пришлось знакомиться съ библіотекой подробно, тѣмъ болѣе, что каталога удобнаго для пользованія, кромѣ общей описи, не имѣется. Приходилось внимательнѣе выслушивать добраго соборнаго священника о. Алексія, который показывалъ намъ соборныя достопримѣчательности. Въ древлехранилищѣ не мало старинныхъ иконъ, изъ которыхъ однѣ полиняли и облупились отъ времени, другія, если и сохранились, то поражаютъ примитивностію своего письма. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются рѣзныя (изъ дерева) изображенія Святыхъ, Спасителя и Богоматери, которыхъ въ древлехранилищѣ собрано очень много. Размѣръ изображеній различный: есть въ ростъ человѣка, есть и меньше аршина. Черты лицъ на изображеніяхъ до того мало походятъ на оригиналы, что безъ прочтенія подписей нельзя съ увѣренностью сказать, кого они изображаютъ. Всѣ они безъ исключенія напоминаютъ самыя первыя попытки новообращенныхъ изъ язычниковъ сдѣлать себѣ изображенія изъ области христіанскаго вѣроученія.

Надъ (боковой) папертью холоднаго Успенскаго собора устроенъ теплый—въ два престола: справа въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, слѣва—въ честь св. иконы, именуемой Одигитрія. Подлинный списокъ иконы Благовѣщенія Пресв. Богородицы, въ честь которой устроенъ правый придѣлъ, находится съ 1568 г. въ Успенскомъ

соборѣ, въ Москвѣ (по правую сторону царскихъ вратъ). Икона эта (по преданію) во время чудеснаго событія—избавленія В. Устюга отъ каменной тучи по молитвамъ св. Прокопія—источила мνро. Теперь въ соборѣ находится точная копія съ чудотворной иконы. Чудотворная икона Одигитріи (въ лѣвомъ придѣлѣ) пожертвована въ 1290 г. ростовскими князьями Дмитріемъ и Константиномъ Борисовичами и стоитъ на томъ мѣстѣ, которое опредѣлено ей Петромъ Великимъ. У иконы постоянно толпятся богомольцы, изъ которыхъ много зырянъ. Типъ лица и одежда сразу выдаютъ послѣднихъ.

Осмотромъ соборовъ мы закончили осмотръ В. Устюга, хотя въ этомъ старинномъ русскомъ городѣ, ровесникѣ Великимъ Ростову и Новгороду, и занимавшемъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ экономической и политической жизни Россіи, было не мало и другихъ достопримѣчательностей. Всѣ церкви Устюга (числомъ до 26) старинной архитектуры. Два монастыря его—мужской Архангельскій и женскій Предтеченскій—основаны не позднѣе XIII столѣтія. Недостатокъ времени лишилъ насъ возможности видѣть эти памятники старины. Изъ Успенскаго собора мы направились къ гостепріимному и радушному Павлу Михайловичу Шипулину, которому мы были значительно обязаны въ удобствахъ нашего путешествія на пароходѣ Кострова. Онъ пригласилъ насъ на чай и закуску. Время было довольно раннее (8-й часъ утра). Гостепріимный хозяинъ и его семейство положили не мало трудовъ и заботъ, чтобы угостить такую большую компанію паломниковъ. Больше часу провели мы въ незнакомомъ, но родственно встрѣтившемъ и на славу угостившемъ насъ домѣ. Радушные хозяева сочли возможнымъ проводить насъ на пароходную пристань, куда нужно было поспѣшать, такъ какъ въ началѣ 10-го утра былъ назначенъ отходъ парохода. Благодарность за радушіе и гостепріимство семейства Шипулиныхъ останется на долгое время въ душѣ каждаго изъ насъ.

V.

Въ $9^1/_2$ часовъ нашъ пароходъ, отдавши прощальный салютъ (короткій свистокъ) и снявши свой бѣлый именной флагъ, уже шелъ полнымъ ходомъ вдоль берега, быстро оставляя позади себя пристань и лучшую среднюю часть города, всю бѣлую отъ множества церквей и каменныхъ домовъ. Любоваться городомъ, впрочемъ, значительно мѣшалъ большой дождь и поднявшійся противный вѣтеръ, отъ котораго пароходикъ замѣтно покачивало. Живописная перспектива Устюга, расположеннаго амфитеатромъ по лѣвому берегу р. Сухоны, все болѣе и болѣе суживалась. Наконецъ, мы проѣхали послѣднюю, мрачнаго вида, старинную церковь св. Сѵмеона Столпника и—городъ скрылся изъ виду. Сухона неожиданно дѣлаетъ здѣсь поворотъ, мѣняя свое направленіе съ сѣверо-востока на сѣверъ, и, сливаясь (въ 2 вер. отъ Устюга) съ р. Югомъ, образуетъ *Сѣверную Двину*, носящую обыкновенно названіе *Малой* до впаденія большой рѣки *Вычегды* (около ст. *Котласъ* Пермь-Котлас. ж. д., въ 66 в. отъ Устюга).

Водораздѣлительный столбъ на тонкой полосѣ земли, обмываемой Югомъ и Сухоной, показываетъ линію соединенія двухъ бассейновъ. Впрочемъ она и такъ замѣтна: бѣлыя, чистопрозрачныя воды Юга, сливаясь съ мутножелтыми водами Сухоны, дѣлаютъ линію соединенія двухъ громадъ весьма ощутительною для всякаго глаза [1]). Весьма извилистая и быстрая въ своемъ теченіи, рѣка Югъ не судоходна; только весной по ней сплавляютъ съ верховьевъ лѣсъ да провозятъ хлѣбъ (съ Вятки). Теперь владѣльцами писче-бумажной фабрики «Наслѣд. Сумкина» заведены два

---

[1]) Различіе водъ въ Югѣ и Сухонѣ обыкновенно объясняется свойствамъ почвы той и другой рѣки: у Юга—песокъ, у Сухоны—камень и глина.

маленькихъ пароходика, которые поддерживаютъ, когда возможно, сообщеніе съ зашт город Лальскомъ.

Направо, въ 2 верст. отъ устья, показался приписанный къ устюжскому Архангельск. монастырю *Троицкій Гледенскій монастырь* съ пятиглавымъ соборомъ и шатровой колокольней; стоя на верху горы, онъ виденъ за нѣсколько десятковъ верстъ. Здѣсь до XIII в. былъ городъ, именовавшійся Устюгомъ (устье-Юга). Вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій (обрыва береговъ, частыхъ наводненій и пр.) жители переселились на лѣвый берегъ Сухоны и образовали новый городъ, который, сохранивъ прежнее имя Устюгъ, получилъ названіе или эпитетъ *Великаго* въ отличіе отъ прежняго, при Гледенѣ, пришедшаго въ запустѣніе. Таково происхожденіе названія нынѣшняго города Великаго Устюга, игравшаго не послѣднюю роль въ судьбахъ сѣвера и Новгорода Великаго.

Скрывшійся было на нѣсколько моментовъ, этотъ городъ снова показался сѣверною своею частью, но очертанія его были уже настолько смутны, что въ нихъ ничего нельзя было разобрать, кромѣ церквей.

Вскорѣ однако дождь, обратившійся почти въ ливень и соединенный съ сильнымъ вѣтромъ, согналъ съ верхняго трапа даже самыхъ рьяныхъ наблюдателей изъ нашей братіи. Теплая каюта 2 класса радушно принимала промокшихъ паломниковъ. Всѣ весело принялись пить чай, дѣлясь впечатлѣніями и наблюденіями и бѣсѣдуя о только-что оставленномъ городѣ..

Сѣверная Двина въ своемъ протяженіи до Котласа представляетъ широкую (верста и болѣе) полосу воды, заключенную между берегами правымъ—гористымъ, лѣвымъ—низменнымъ. По обоимъ берегамъ Двины до самаго Архангельска расположено очень много церквей, такъ какъ населеніе здѣсь по преимуществу сосредоточивается по берегамъ. Отъ Устюга до Котласа мы видѣли до 15-ти

приходовъ и одинъ монастырь (Николаево-Прилуцкій въ 40 в. отъ Устюга).

Миновавъ перекатъ «Аристово», противъ котораго на правомъ берегу расположена усадьба нашего пароходовладѣльца (предъ ней капитанъ салютовалъ свисткомъ и флагомъ), чрезъ 2 часа по отходѣ изъ Устюга, пароходъ проѣзжалъ мимо извѣстной полотняной фабрики, фирмы Грибанова, раскинувшейся на лѣвомъ берегу Двины при селѣ *Красавино* въ 25 верстахъ отъ Устюга. Фабрика имѣетъ у себя до 1½ тысячи рабочихъ и изо льна преимущественно мѣстнаго производства (устюж. и сольвыч. уѣздовъ), выдѣлываетъ ежегодно до 30,000 пуд. пряжи и до 500,000 арш. полотна, которое сбываетъ въ столицахъ и на Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ. Село *Красавино* славится своею богато украшенною каменною церковью съ высокой колокольней. Благодаря положенію храма на горѣ, съ колокольни, говорятъ, открывается чудный видъ на окружающія мѣстности...

Въ 66 верстахъ отъ Устюга, или собственно отъ сліянія Сухоны съ Югомъ, Малая Двина съ правой стороны принимаетъ въ себя многоводную, бѣгущую отъ Урала *Вычегду* съ ея притоками Сысолой и Вымью. Отсюда начинается *Большая Сѣверная Двина*, широкая и глубокая до самаго моря, играющая на сѣверѣ роль поилицы и кормилицы населенія. Не далеко отъ впаденія Вычегды, на правомъ берегу Двины на высокой набережной раскинулось мало извѣстное прежде село *Котласъ* съ двумя каменными церквами,—крайній пунктъ Пермь-Котласской жел. дор., составляющей продолженіе Великаго Сибирскаго пути къ Архангельскому порту. Еще подъѣзжая къ Котласу, мы замѣтили множество строющихся амбаровъ и цейхгаузовъ жел. дороги, предназначенныхъ для склада и храненія слѣдующихъ чрезъ Котласъ грузовъ. Набережная укрѣпляется сваями и булыжнымъ камнемъ отъ размыва и обсыпанія берега со стороны рѣки. Къ берегу выходитъ небольшой подъѣздной путь для выгрузки и на-

грузки рѣчныхъ судовъ. Каждый пароходъ обязательно останавливается въ Котласѣ у своихъ пристаней, изъ коихъ особенно роскошно отдѣлана пристань жел. дороги; на ней постоянно развѣвается флагъ съ обозначеніемъ станціи. Широкая деревянная лѣстница съ тріумфальной высокой аркой, устроенной по случаю проѣзда въ 1898 году великаго князя Сергѣя Александровича, ведетъ на высокій берегъ. Съ парохода видны только крыши домовъ сельскихъ жителей и желѣзнодорожныхъ служащихъ и зданія жел. дор. Нашъ пароходъ остановился на четверть часа для высадки и пріема нѣсколькихъ пассажировъ и небольшого количества грузовъ. Нѣкоторые изъ нашихъ путниковъ старались проникнуть на котласскій берегъ и пройтись по набережной. Къ сожалѣнію, страшный дождь и грязь не позволили смѣлымъ путешественникамъ исполнить свое намѣреніе безъ риска утонуть въ грязи или остаться на берегу. Вдоль берега расположилось нѣсколько буксирныхъ пароходовъ съ ихъ баржами и суднами... Но вотъ три короткихъ свистка и—пароходъ, опять описавши полукругъ, быстро понесся внизъ, разсѣкая своимъ носомъ вздымавшіяся волны. Большая часть пассажировъ тотчасъ спустилась съ трапа внизъ. И только немногіе, наиболѣе рьяные наблюдатели изъ нашей компаніи, остались на верху, чтобы дождаться пароходной станціи *Ускорье*. Это деревня, въ 7 вер. отъ Котласа, на лѣвомъ тоже высокомъ берегу Двины, на почтовомъ трактѣ. Здѣсь пароходы находятъ себѣ очень удобное пристанище для зимы.

Начиная отъ Котласа Двина, принимая сѣверо-западное направленіе, становится замѣтно прямѣе и шире. Уже въ этомъ мѣстѣ ширина ее достигаетъ болѣе версты; въ среднемъ же теченіи и около Архангельска она доходитъ до 2—3 и болѣе верстъ. Впрочемъ, ширина не вездѣ одинакова и часто скрадывается обширными у береговъ песочными отмелями, и многочисленными островками. Весной и дождливымъ лѣтомъ рѣка образуетъ по мѣстамъ

огромныя озера (20—25 в.), на которыхъ многочисленные пароходы, суда, плоты и барки, движущіяся внизъ съ грузомъ, издали представляются едва замѣтными точками. Во время нашего путешествія Двина представляла очень оживленную картину. Мы видѣли множество плотовъ съ лѣсомъ, барокъ съ сибирскимъ хлѣбомъ, овсомъ, со льномъ, бочки смолы и проч. Цѣлые караваны баржъ, буксируемыхъ пароходами, тянулись большею частію къ низу—къ архангельскому порту, откуда за границу... Судоходство по Сѣв. Двинѣ не прекращается во все время вплоть до замерзанія. И только песочныя мели, переносимыя быстрымъ теченіемъ съ одного мѣста на другое, измѣняютъ направленіе фарватера, которое обыкновенно отмѣчается красными и бѣлыми вѣхами. Для удобства нѣкоторыя наиболѣе опасныя мѣста ночью освѣщаются пловучими фонарями, краснаго и бѣлаго цвѣта.

Вечеромъ, часовъ въ семь, мы проѣзжали мимо заштатнаго городка *Красноборска*, имѣющаго до 1000 жителей, съ 2 церквами, на лѣвомъ берегу Двины. Онъ извѣстенъ производствомъ красивыхъ цвѣтныхъ кушаковъ, плетеныхъ изъ черемуховыхъ вѣтвей экипажей и ярмаркою бѣличьяго мѣха. Нашъ «Петербургъ», давъ позывные свистки, принялъ на ходу подъѣхавшихъ въ лодкѣ пассажировъ и скоро оставилъ позади себя это мѣстечко. Нѣсколько ниже мы запаслись дровами и, миновавъ нѣсколько селъ Вологодской губерніи, около 2 час. ночи вступили въ предѣлы Архангельской губерніи.

Совершенно «бѣлыя» ночи сѣвера доставили бы большое удовольствіе всѣмъ, но не прекращавшійся дождь мѣшалъ намъ наслаждаться ими. Принужденные сидѣть въ каютѣ, мы разнообразили время чаепитіемъ, разговорами и спѣвками. Этотъ вечеръ у насъ затянулся особенно долго... только поздно ночью или, вѣрнѣе, судя по солнышку, рано утромъ (ок. 2 ч. ночи) мы уснули крѣпкимъ сномъ...

15 іюня. Вторникъ. На другой день, съ утра по преж-

нему лилъ дождь, но было замѣтно однако, что онъ ослабѣваетъ. Свинцовыя тучи разорвались, и небо стало проясняться. Въ полдень ровно заблистало солнце. Только сильный вѣтеръ, повидимому, не думалъ утихать и съ прежнею яростію дулъ прямо въ «лицо» парохода. Но мы не обращали на него вниманія, увлеченные великолѣпными алебастровыми берегами, открывшимися съ обѣихъ сторонъ. Это, безъ сомнѣнія, самый живописный уголокъ на Двинѣ. Мы плыли какъ бы между двумя бѣлыми стѣнами; огромныя глыбы алебастра висѣли надъ самой водой, принимая самыя причудливыя формы. Было что-то величественное въ ихъ дикой красѣ, на которую не посягнулъ еще ломъ каменщика. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Архангельску, Двина становилась все шире и шире, берега ея все дальше уходили отъ насъ и постепенно понижались. Вскорѣ показались луга. Это были знаменитые луга около Холмогоръ, гдѣ Великій Преобразователь земли русской старался развести вывезенный изъ Голландіи рогатый скотъ, доселѣ носящій названіе холмогорскаго.

Населеніе сосредоточивается главнымъ образомъ по берегамъ рѣки, такъ какъ не далеко отъ берега начинаются тундры и болота. Села и деревни тянутся почти безъ перерыва или съ самыми незначительными промежутками. Намъ указывали на рядъ деревень, который тянется по берегу на 18 верстъ.

Когда пароходъ остановился для запаса дровъ у праваго высокаго берега, мы поднимались наверхъ и заходили въ деревню. Избы высокія деревянныя, на двѣ половины (теплая и холодная—лѣтняя), крытыя деревомъ же (тесомъ), а не соломой. Подъ жилымъ помѣщеніемъ обыкновенно находится помѣщеніе (хлѣва) для скота. У гостепріимно встрѣтившей насъ хозяйки дома мы попросили для пробы кусокъ хлѣба. Оказалось, что онъ былъ испеченъ изъ ячменной муки, такъ какъ рожь родится здѣсь очень плохо.

Уѣздный городъ *Холмогоры*, лежащій нѣсколько въ сторонѣ влѣво отъ Двины, на берегу мелкаго протока *Курья*, мы могли видѣть только по верхушкамъ церковныхъ главъ да по крышамъ домовъ. Точно такъ же издали могли видѣть родину М. В. Ломоносова (дер. Денисовку) въ куростровской волости.

Капитанъ «Петербурга» сообщилъ намъ, что часа черезъ четыре прибудемъ въ Архангельскъ. Всѣ члены нашей странствующей колоніи высыпали на палубу и съ любопытствомъ устремили взоры впередъ, стараясь на берегахъ и въ синѣющей дали уловить признаки приближающагося города. Сѣверная бѣлая ночь казалась на этотъ разъ мрачною по сравненію съ предшествовавшими. На небѣ низко нависали густыя, темносиніе облака; дулъ сѣверо-восточный довольно рѣзкій вѣтеръ, вздымавшій большія волны на доселѣ тихой С. Двинѣ и заставлявшій кутаться въ пальто стоявшихъ на палубѣ. Рѣка, какъ бы чувствуя близость моря, приняла болѣе могучій видъ; земля, будучи не въ силахъ бороться съ рѣкою, раздробилась на множество мелкихъ острововъ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли впередъ, настраиваясь подъ вліяніемъ окружающей обстановки на мрачно-сосредоточенный ладъ... Чувствовалось нѣсколько жутко. Завтра мы уже должны разстаться съ «Петербургомъ», къ которому привыкли въ трехсуточное плаваніе и на которомъ намъ такъ хорошо жилось... Будущее-же манило насъ впередъ обѣщаніемъ новыхъ видовъ... Завтра увидимъ Архангельскъ—этотъ главный городъ Сѣвернаго края. Можетъ быть, завтра же новый пароходъ понесетъ насъ къ далекимъ Соловкамъ и отдастъ насъ въ распоряженіе болѣе могучей—морской стихіи... Но тутъ у насъ невольно возникало сомнѣніе: а если пароходы до Соловецкаго монастыря почему-либо не ходятъ? Еще дома мы читали въ газетахъ, что сѣверные вѣтры, господствовавшіе въ нынѣшнюю исключительно холодную весну, нагнали массу льда въ Бѣлое море, такъ что пароходное движеніе пріостановилось... Наша поѣздка въ серединѣ іюня

была, пожалуй, большою смѣлостью... А что если намъ придется засѣсть въ Архангельскѣ? спрашивали мы самихъ себя, и сейчасъ же отвѣчали: нѣтъ, этого не можетъ быть, и гнали отъ себя прочь мрачныя предположенія.

Между тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Архангельску, берега становились болѣе оживленными: деревни попадались чаще. До Архангельска оставалось не болѣе 15 верстъ. Впереди среди полумрака бѣлой сѣверной ночи начинали вырисовываться силуэты высокихъ мачтъ и трубъ лѣсопильныхъ заводовъ, стоявшихъ по обѣ стороны рѣки. Два параллельныхъ ряда ихъ представляли изъ себя какъ бы ворота, или лучше сказать рамку, въ которую была заключена картина Архангельска. Глазъ еще еле-еле различалъ темную массу города. Прежде всего, изъ этой массы выдѣлились высокія колокольни церквей и главы собора и монастыря. Издали по рѣкѣ доносились пронзительные свистки паровозовъ желѣзной дороги, непріятно рѣзавшіе наши уши, отвыкшія отъ этихъ звуковъ за трехсуточное плаваніе по С. Двинѣ. Чувствовалась какая-то робость при приближеніи къ городу—культурному центру сѣвернаго края: мы уже успѣли отвыкнуть отъ шума городской жизни. А между тѣмъ Архангельскъ съ каждымъ взмахомъ пароходныхъ колесъ приближался все ближе и ближе, вырисовываясь въ ночномъ полумракѣ, какъ огромное чудовище, изрыгающее дымъ и пламя... Вотъ уже стали вырисовываться и нижнія части судовъ. По берегамъ замѣтны были уже слѣды портовой торговли. Пароходъ проѣхалъ мимо огромныхъ зданій льняныхъ и пеньковыхъ буяновъ. Самые берега замѣтно понижались. Они уже не поднимались почти отвѣсными стѣнами къ небу, отрывая насъ отъ всего міра, но мирно открывали нашимъ взорамъ безграничную ширь болотъ и лѣсовъ. Видимо, суша здѣсь уступала въ борьбѣ съ моремъ, постепенно понижаясь, и въ концѣ концовъ совсѣмъ преклонилась предъ водной стихіей, скрывшись подъ уровнемъ Бѣлаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на эти берега: они на какія-нибудь

полсажени возвышаются надъ водою; твердой почвы здѣсь немного: если вы сдѣлаете нѣсколько шаговъ отъ берега, то вы рискуете утонуть въ топкой тундрѣ. При взглядѣ на эти низкіе берега, при которыхъ бурливой рѣкѣ стоитъ подняться только на полсажени, чтобы затопить окружающую мѣстность и снести съ лица земли всѣ созданія человѣческаго труда и энергіи; при взглядѣ на эту безграничную тундру, тянущуюся на тысячи верстъ, трудно удержаться, чтобы не назвать постройку Архангельска на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, смѣлымъ вызовомъ природѣ. Только обширное судоходство по С. Двинѣ и удобный сравнительно морской портъ могли обезпечить существованіе Архангельска въ данномъ мѣстѣ, заставили его жителей бороться съ зыбкой почвой тундры и воздвигать на ней къ удивленію путешественниковъ громадныя зданія. Здѣсь крайній пунктъ, куда могутъ подниматься по С. Двинѣ морскія суда, и предпріимчивые люди утилизировали небольшой клочокъ земли мало-мальски возвышенный надъ водой и представляющій изъ себя, хотя и не совсѣмъ твердую, опору для человѣческой ноги и зданій. Они приподняли этотъ клочокъ берега насыпною нѣмецкой землей, привозимой сюда заграничными судами вмѣсто балласту...

Вотъ и самый Архангельскъ. Нашъ пароходъ шелъ между двумя рядами разнообразныхъ судовъ. Рѣка была какъ бы заперта между этими двумя рядами. Тутъ были суда всевозможныхъ конструкцій: баржи, баркасы, типичныя шкуны и огромные морскіе корабли и пароходы. Нашъ «Петербургъ» казался по сравненію съ ихъ громадой жалкой щепкой. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была не широка, но черный цвѣтъ воды показывалъ страшную глубину... По лѣвому берегу рѣки съ шумомъ промчался поѣздъ желѣзной дороги... Предъ нашими глазами развернулась панорама города съ юго-восточной стороны. Представьте себѣ низкій берегъ, на которомъ длинной лентой, почти прямою, тянется рядъ домовъ, пересѣкаемый во многихъ мѣстахъ церквами,—въ такомъ видѣ предсталъ предъ нами

Архангельскъ въ ту памятную ночь. На палубѣ вмѣстѣ съ нами стояли два-три человѣка, знакомыхъ съ Архангельскомъ. Мы приступили къ нимъ съ разспросами. На первомъ планѣ раскрывающагося предъ нами общаго вида Архангельска выдавалась группа церквей, обнесенныхъ стѣной. Нетрудно было догадаться, что это былъ единственный въ Архангельскѣ монастырь Архангела Михаила. Изъ его массы особенно выдѣлялся соборъ своими золотистыми издали и серебристыми вблизи главами. Кто-то изъ насъ высказалъ предположеніе, что здѣсь находится архіерейская резиденція. Но въ отвѣтъ на это предположеніе намъ указали на зданіе, отстоящее по берегу отъ монастыря на значительномъ разстояніи и отличающееся отъ прилегающихъ къ нему купеческихъ домовъ крестомъ надъ домовою церковью. Недалеко отъ архіерейскаго дома высилась другая группа церквей, одна изъ которыхъ поражала своею массивностью и пятью темно-голубыми главами, на которыхъ при помощи бинокля можно было разсмотрѣть золотыя звѣзды. Предположили, что это—соборъ и на этотъ разъ не ошиблись. Открывшаяся предъ нашими глазами картина Архангельска напоминала однако скорѣе обыкновенный уѣздный городъ средней Россіи, чѣмъ центръ Сѣвернаго края. Но вотъ нашъ пароходъ подалъ свистокъ—первый, второй, третій; сдѣлалъ крутой поворотъ и направился къ пристани, стоящей недалеко отъ монастыря. На пристани, несмотря на то, что было 2 часа ночи, толпилось множество гуляющихъ. Между тѣмъ уже занималась утренняя заря. Намъ не хотѣлось спать и мы устремились въ городъ. Въ теченіе 2—3 часовъ мы успѣли обѣжать значительную часть Архангельска и попали даже на пожаръ, въ самую сутолоку городской жизни. Она охватила насъ кругомъ и нарушила то спокойствіе, какое навѣяно было на насъ плаваніемъ по С. Двинѣ. Нервы наши были напряжены и мы долго не могли заснуть на успокоившемся послѣ трехсуточной непрерывной работы «Петербургѣ», въ послѣдній разъ гостепріимно предложившемъ намъ свой кровъ.

16 іюня. Рано утромъ насъ разбудили и попросили оставить пароходъ. Капитанъ не могъ держать насъ далѣе 7 часовъ утра. Петербургъ началъ чиститься, готовясь къ обратному рейсу. Пароходная прислуга прекратила всякія заботы о насъ. Не налили даже холодной воды въ умывальникъ, которая могла бы насъ освѣжить. Изобрѣтательные спутники прибѣгли къ чайникамъ и такимъ образомъ мы умылись и освѣжились. Нужно было собрать и увязать дорожныя вещи и вынести на пристань: капитанъ торопилъ скорѣе очистить классъ, чтобы прислуга могла прибрать его для новыхъ пассажировъ. На пристани, представляющей изъ себя крытую огромную барку, соединенную съ берегомъ длиннымъ широкимъ мостомъ, стояли дроги, запряженныя одною лошадью, предназначенныя подъ наши вещи. О. Анастасій успѣлъ уже, когда мы еще спали, съѣздить на Соловецкое подворье и выхлопотать тамъ для насъ помѣщеніе и подводу для перевозки нашего багажа. Новый день встрѣтилъ насъ неудачами. О. Анастасій сообщилъ намъ непріятное извѣстіе, которое онъ узналъ на подворьѣ. Оказалось, что «Соловецкій» пароходъ ушелъ только вчера вечеромъ, другой же пошелъ въ Сумскій посадъ,—слѣдовательно вернется еще позднѣе, чѣмъ первый. Намъ предстояло сидѣть въ Архангельскѣ minimum двое сутокъ. Какъ быть? Вотъ какая неудача! Наше настроеніе, бывшее и безъ того не изъ пріятныхъ стало совершенно сквернымъ. Какъ на грѣхъ, торопливые сборы наши почему-то не клеились, что еще болѣе усиливало наше раздраженіе. Дроги были такъ узки, а вещей такъ много, что изъ нихъ мы воздвигли чуть ли не Хеопсову пирамиду, которая грозила каждую минуту рухнуть... Кое-какъ уложили и увязали вещи... глядь: оказалось—принесено еще два огромныхъ чемодана запоздавшихъ товарищей. Пришлось развязывать и разбирать вещи и снова укладывать ихъ. Наконецъ, покончили съ укладкой, стали вязать: опять бѣда—веревка оказалась очень коротка, кое-какъ стянули ее, но такъ неладно, что возъ грозилъ ежеминутно упасть

при перевозкѣ, такъ что нужно было итти по сторонамъ его и руками поддерживать вещи. Возница совершенно растерялся и предоставилъ укладку вещей на наше усмотрѣніе. Это былъ молодой парень лѣтъ 17—18, въ кафтанѣ сѣраго цвѣта до колѣнъ, и въ монашеской шапкѣ на головѣ, типичный представитель такъ называемыхъ соловецкихъ «трудниковъ», которыхъ мы увидѣли здѣсь впервые. Мы двинулись по направленію къ Соловецкому подворью. Оно находится отъ пристани Двинскаго пароходства на значительномъ разстояніи; нужно пройти отъ послѣдней добрую половину набережной, чтобы попасть на подворье. Путь до подворья—былъ первыми шагами къ ознакомленію съ городомъ днемъ послѣ того общаго впечатлѣнія, какое онъ произвелъ на насъ съ С. Двинскаго парохода. Погода въ этотъ день, да и во все время пребыванія въ Архангельскѣ была прекрасная. Солнце не грѣло, а жгло совершенно по южному. Медленно и вяло тащилась наша невыспавшаяся, раздраженная неудачами партія, замедляемая въ своемъ движеніи подводой съ нашимъ багажемъ. Городъ, повидимому, еще только просыпался: улица, по которой мы шли была пустынна. Только когда мы проходили рынокъ, мы увидали архангельскихъ обывателей. На пути намъ попались двѣ церкви; большинство домовъ было деревянныхъ, поражающихъ своею величиною; особенно велики были три зданія епархіальнаго женскаго училища; вотъ прошли мимо красиваго зданія архіерейскаго дома, недавно еще выстроеннаго: внѣшняя его отдѣлка доканчивалась при насъ. Наконецъ послѣ болѣе чѣмъ получасовой ходьбы мы добрались до Соловецкаго подворья. Оно находится на набережной, недалеко отъ собора. Это—два большіе каменные дома, которыхъ ничѣмъ нельзя отличить въ ряду зданій. Въ настоящемъ году при подворьи отстраивается церковь (домовая). Куполъ ея съ золотымъ крестомъ и будетъ служить знаменемъ жилища подвижниковъ... Около подворья суетилось множество трудниковъ въ ихъ типичной одеждѣ и про-

стыхъ рабочихъ: одни работали надъ очисткой бревенъ, другіе надъ штукатуркой церковнаго зданія... Мы вошли на дворъ и спросили смотрителя подворья. Изъ среды рабочихъ, трудившихся надъ очисткой и обтесываніемъ огромныхъ бревенъ, вышелъ высокій худощавый монахъ...

Представьте наше изумленіе, когда мы узнали, что этотъ монахъ, трудившійся на ряду съ простыми рабочими, и былъ самъ о. смотритель. Такимъ образомъ, уже въ Архангельскѣ насъ начали поражать строгіе порядки Соловецкой обители, поддерживаемые во всей ихъ строгости вдали отъ самаго монастыря. Молитва и трудъ— вотъ два занятія, которымъ посвящаютъ время соловецкіе иноки, подавая прекрасный примѣръ богомольцамъ, поучая ихъ, такъ сказать, самой жизнью. Въ своихъ гостиницахъ при подворьѣ соловецкіе иноки предлагаютъ безплатный кровъ богомольцамъ и перевозятъ ихъ на монастырскихъ пароходахъ на Соловецкіе острова. Но эти же монахи, какъ вышедшіе изъ простой крестьянской среды, просты и невзыскательны въ отношеніи удобствъ жизни, съ чѣмъ приходится считаться путешественникамъ. На подворьѣ 15 іюня было большое стеченіе богомольцевъ. Для насъ, 27 человѣкъ, о. смотритель могъ отвести только двѣ комнаты, въ которыхъ самое большее могло помѣститься шесть человѣкъ. Комнаты не отличались чистотою; къ постельному бѣлью жутко было прикоснуться. Вообще, намъ предстояла не особенно таки пріятная перспектива поселиться въ этихъ комнатахъ minimum на двое сутокъ. Всѣ пріуныли при этомъ столкновеніи съ путевыми невзгодами. Между тѣмъ гостепріимные иноки старались въ простотѣ сердца угодить намъ. О. смотритель прислалъ на нашу братію цѣлый фунтъ чаю и много сахару. Трудникъ, прислуживающій въ комнатахъ, суетился, приготавливая для насъ самовары и стаскивая со всѣхъ комнатъ мебель для небывалыхъ путешественниковъ. Наше чаепитіе на подворьѣ представляло изъ себя довольно оригинальное зрѣлище: въ небольшой ком-

натѣ въ два окна съ одной койкой размѣстилось человѣкъ двадцать; утилизованы были въ качествѣ сидѣнья подоконники и койка, но мѣстъ для всѣхъ все-таки не хватило и многимъ пришлось стоять. Вскорѣ, когда мы нѣсколько успокоились и отдохнули, наше недовольство перешло во всесмягчающій юморъ. Мы смѣялись отъ души надъ своимъ положеніемъ, похожимъ на положеніе рака на мели. Рѣшили во что-бы то ни стало выйти изъ такого затруднительнаго положенія. Исходъ былъ, впрочемъ, одинъ: ѣхать на пароходѣ Мурманскаго общества. Наведеніе справокъ о времени отхода этого парохода и о возможной скидкѣ и было первымъ дѣломъ, за которое мы принялись, устроившись на Соловецкомъ подворьѣ. Квартира пароходства находится недалеко отъ подворья: намъ нужно было бы сдѣлать какихъ-нибудь четверть версты по прямой дорогѣ. Но мы положились на слова одного архангельца и ушли въ противоположную сторону. Пришлось вернуться назадъ. Укрываясь подъ тѣнью домовъ отъ жгучихъ лучей солнца и удалившись отъ набережной, мы попали на окраину города. Деревянные тротуары на этой улицѣ были невозможные. Они были изъ старыхъ палубныхъ досокъ, пришедшихъ въ такую ветхость, что нужно было выдѣлывать настоящія эквилибристическія упражненія, чтобы перескочить чрезъ отверстія, образовавшіяся отъ выпаденія гнилыхъ досокъ... Между тѣмъ свернуть съ тротуара было нельзя, иначе намъ грозила опасность увязнуть въ болотинѣ, служащей началомъ тундры. Наша блуждающая по стогнамъ Архангельска компанія представляла забавное зрѣлище для архангельцевъ: они съ любопытствомъ оглядывали насъ изъ оконъ своихъ домовъ, вооружившись даже биноклями. Но мы, игнорируя любопытные взгляды, смѣло шли впередъ. Наконецъ нашли контору. Но и здѣсь насъ ожидала неудача. Мурманскій пароходъ отплывалъ къ Соловкамъ дня черезъ два, не ранѣе; кромѣ того контора могла сдѣлать ничтожную скидку съ платы за проѣздъ. Волей-неволей (больше неволей) нужно было

ожидать Соловецкаго парохода. Убѣдившись въ неизбѣжности архангельскаго сидѣнья, мы приступили къ осмотру городскихъ достопримѣчательностей. Начали съ музея. Жестокая судьба и тутъ хотѣла было сыграть съ нами злую шутку: смотритель музея отказывался насъ пустить, такъ какъ день былъ непріемный; только послѣ настойчиваго натиска съ нашей стороны онъ согласился открыть предъ нами двери музея «на свой рискъ», какъ онъ выражался. Но это было послѣднее искушеніе, какое мы встрѣтили въ настоящій день.

Странствованіе по Архангельску въ поискахъ конторы Мурманскаго пароходства познакомило насъ съ общимъ расположеніемъ этого города. Оріентироваться въ Архангельскѣ легко. Расположеніе города сравнительно съ Вологдой очень несложно. Онъ тянется длинной—верстъ на семь — лентой по правому берегу С. Двины. Тундра, отстоящая отъ рѣчного берега въ данномъ мѣстѣ на какія нибудь четверть версты, не позволяетъ городу разрастаться въ ширь. Улицы города расположены параллельно набережной, да ихъ и всего двѣ-три. Помню названіе двухъ изъ нихъ—Троицкаго проспекта и Петербургской улицы. Правительственныя учрежденія и свѣтскія учебныя заведенія сосредоточиваются около собора, который занимаетъ центральное мѣсто въ городѣ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ собора находится зданіе городской думы, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщаются музей и публичная библіотека-читальня. Коллекціи музея расположены всего въ трехъ небольшихъ комнатахъ, но онѣ могутъ дать общее представленіе о флорѣ и фаунѣ сѣвернаго края, о занятіяхъ, промыслахъ и бытѣ его жителей. Музей воспроизвелъ предъ нами полную картину жизни сѣвернаго края Россіи, о которомъ мы имѣли самыя общія свѣдѣнія, какія сохранились изъ когда-то изучаемой географіи и изъ прочитанныхъ разсказовъ и описаній. Музей наглядно знакомитъ съ картинами сѣверной жизни: рыбной ловлей, охотой на тюленей и моржей, китовымъ промысломъ, вос-

производя въ моделяхъ суда, промысловыя орудія, снасти и проч. Въ первой комнатѣ музея собраны модели всевозможныхъ судовъ, какія плаваютъ по Бѣлому морю и рѣкамъ сѣвера. Нѣкоторыя модели выставлены здѣсь для продажи, какъ показывала надпись на бумажкахъ. Цѣны этимъ занятнымъ игрушкамъ поставлены были вовсе не игрушечныя (25 р. и дороже). Вторая комната отведена для предметовъ, имѣющихъ своею цѣлью показать все богатство сѣверной фауны; здѣсь вы увидите чучела разнообразныхъ птицъ и звѣрей, шкуры, кожи и издѣлія изъ нихъ, гнѣзда и яйца птицъ, главнѣйшіе типы рыбъ, краббовъ, раковъ и проч. Дополненіемъ къ этой комнатѣ служатъ витрины съ минералами и окаменѣлостями. Третья комната вводитъ въ царство сѣверной флоры и знакомитъ съ бытомъ сѣверянъ. Здѣсь собраны образцы древесины, образчики почвы, сѣмена деревьевъ, масла, скипидаръ, смола, жиры, соль, орудія лѣсной охоты, модели мѣстныхъ построекъ, предметы домашняго быта инородцевъ, модели земледѣльческихъ орудій, предметы и орудія кустарной промышленности, костюмы. Наконецъ, въ музеѣ имѣется историко-археологическій отдѣлъ, впрочемъ, весьма бѣдный. Изъ предметовъ этого отдѣла обращаютъ на себя вниманіе кресло Филарета Никитича Романова, доставленное изъ Сійскаго монастыря, нѣсколько вещей принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго и книга съ подписью Ломоносова. Вообще, архангельскій музей можно осматривать съ интересомъ и пользой. При музеѣ существуетъ продажа мѣстныхъ костяныхъ издѣлій, какъ-то: разрѣзныхъ ножей, костяныхъ брошекъ, домино и бирюлекъ. Нѣкоторыя вещи, напримѣръ ножи, отдѣланы со вкусомъ. Мы пріобрѣли на память нѣсколько ножей, хотя цѣны на нихъ нельзя сказать, чтобы были низкія. Послѣ осмотра музея мы устремились въ библіотеку-читальню. Въ продолженіе плаванія по С. Двинѣ мы не имѣли возможности пріобрѣсти свѣжихъ газетъ, такъ что въ это время мы были вполнѣ оторваны отъ цивилизованнаго міра. Легко представить

нетерпѣніе, съ какимъ мы спѣшили въ архангельскую читальню. Но здѣсь насъ ждало полнѣйшее разочарованіе... На столѣ для газетъ красовались въ изобиліи различныя губернскія вѣдомости, обыкновенно запаздывающія со своими извѣстіями: онѣ не могли сообщить намъ никакихъ новостей. Московскія газеты отсутствовали. Изъ Петербургскихъ газетъ на столѣ лежали двѣ-три. Но если онѣ въ Ярославль приходятъ чуть-ли не на третій день, то легко вообразить насколько запаздываютъ газетныя извѣстія въ Архангельскѣ? Бѣдности архангельской читальни соотвѣтствовало, повидимому, и незначительное количество ея посѣтителей. Можетъ быть, впрочемъ, наше посѣщеніе не совпало со временемъ, когда архангельскій читающій людъ стекается въ читальню, или можетъ быть архангельцы относятся къ ней съ чувствомъ, гармонирующимъ съ холодомъ сѣверной зимы?

Путь отъ зданія музея до подворья былъ продолженіемъ ознакомленія съ городомъ. Съ изумленіемъ мы остановились противъ памятника Ломоносова, который находится недалеко отъ Думы противъ красиваго губернаторскаго дома. Только надпись на памятникѣ говоритъ, что онъ изображаетъ собою знаменитаго архангельскаго мужика, какъ называетъ Ломоносова Некрасовъ. На памятникѣ же онъ выглядываетъ римскимъ патриціемъ: короткіе волосы на головѣ, римская тога, перекинутая черезъ плечо, и колѣнопреклоненный геній, вручающій русскому ученому поэту лиру, переносятъ мысль скорѣе въ древне-римскій міръ, чѣмъ въ Елисаветинскую эпоху, пѣвцомъ которой былъ Ломоносовъ. Непосредственно къ памятнику примыкаетъ такъ называемый Гагаринскій скверъ. Изъ него можно пройти прямымъ путемъ къ подворью. Мы избрали этотъ путь, чтобы посмотрѣть на общественный садъ. Но наше любопытство было наказано: архангельскій скверъ представлялъ собою болѣе чѣмъ печальную картину. Видимо, архангельцы бросили всякія заботы о немъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ чахлыхъ березокъ, подъ кото-

рыми красовались кусты шиповника... Эта группа растеній сѣверной флоры окружена ветхою изгородью. Въ самомъ саду носится запахъ всевозможныхъ нечистотъ. Странно было видѣть подобную картину въ губернскомъ городѣ. Получалось впечатлѣніе какой-то запущенности и неряшливости... Мы поспѣшили скорѣе оставить это жалкое зрѣлище...—На подворьѣ насъ ожидали пріятныя извѣстія. Во время нашего странствованія по городу о. инспекторъ и о. Анастасій были у мѣстнаго владыки—епископа Іоанникія, который принялъ самое живое участіе въ нашемъ положеніи и оказалъ намъ чисто родственный—отеческій пріемъ. Онъ распорядился, чтобы насъ помѣстили въ семинаріи. О. Инспекторъ и о. Анастасій сейчасъ же съѣздили туда, и тамъ начали приготовленія къ пріему неожиданныхъ гостей. Въ 5 часовъ насъ приглашали переселиться въ зданіе семинаріи. На слѣдующій день владыка предложилъ намъ отпѣть обѣдню въ архіерейскомъ домѣ... Такимъ образомъ, наше положеніе перемѣнилось къ лучшему. Заключеніемъ первой половины дня служилъ обѣдъ въ одной изъ архангельскихъ гостиницъ на положеніи странствующихъ туристовъ. Немировичъ отмѣчаетъ справедливо дешевизну архангельскихъ обѣдовъ. За 30 к. намъ подали: уху изъ свѣжихъ налимовъ, жареный свѣжій лещъ и сладкій пирожокъ. Этимъ обѣдомъ закончилось наше «кочеваніе» по Архангельску. Послѣ него мы перебрались въ семинарію, гдѣ намъ радушно предложили кровъ и столъ. Здѣсь въ родной средѣ, въ обстановкѣ, среди которой прошла бо́льшая часть нашей жизни, мы чувствовали себя какъ дома.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ пребыванія въ Архангельскѣ была поѣздка въ Соломбалу. Это островъ, на которомъ находятся пароходныя пристани Соловецкаго и Мурманскаго пароходства. Самое названіе «Соломбала» производятъ отъ финскаго слова, означающаго болото. Дѣйствительно мѣстность на этомъ островѣ низкая—болотистая, но на немъ расположенъ цѣлый мор-

ской городъ. Здѣсь поражаетъ множество кабаковъ, портерныхъ съ разноязычными вывѣсками, необходимая принадлежность всѣхъ портовыхъ городовъ, равно какъ и консульскіе дома съ развивающимися на нихъ національными флагами. Недалеко отъ Соловецкой пристани стоитъ небольшая довольно изящная православная церковь, а нѣсколько ниже по рѣкѣ въ ряду домовъ выдѣляется крестомъ на верху крыши зданіе старой англиканской церкви. Самъ островъ, впрочемъ, особаго интереса не представляетъ. Сообщеніе острова съ городомъ поддерживается въ теченіе дня множествомъ небольшихъ пароходиковъ (Макарова), ходящихъ чрезъ каждые полчаса. На одномъ изъ такихъ пароходиковъ мы и отправились на Соломбалу. Предъ нашими глазами развертывалась по мѣрѣ приближенія къ острову панорама города. Въ нашемъ воображеніи возстала чудная роскошная картина — вида Ярославля съ Волги. Какая большая разница этой картины съ тѣмъ видомъ, который теперь раскрывался предъ нашими глазами. Въ Ярославлѣ берегъ Волги, на которомъ расположенъ городъ, величаво высоко поднимался надъ водою, густая зелень деревьевъ, тянувшихся длинною аллеею по набережной, представляла изъ себя роскошную декорацію, изъ-за которой выглядывалъ стройный рядъ массивныхъ зданій; издали виднѣлись золотыя главы собора и кресты многочисленныхъ церквей. Краски этой картины были сочны, самый видъ—прекрасенъ. Красавица Волга мирно катила свои волны у подножія этого чуднаго вида; по берегамъ ея шла оживленная дѣятельность; рабочіе и пассажиры то и дѣло сновали у пароходныхъ пристаней, по рѣкѣ навстрѣчу намъ и позади плыло множество судовъ и тянулись длинные-предлинные плоты... Однородная картина открывалась предъ нашими глазами, когда мы ѣхали въ Соломбалу, картина промышленнаго города при судоходной рѣкѣ. С. Двина не менѣе величаво, но зато болѣе могуче, разстилалась широко предъ городомъ. Но сѣверная природа наложила свою печать на этотъ пей-

зажъ. Весь городъ какъ бы тонулъ въ застывшей блѣдной синевѣ воздуха. Мѣстности, окружающія городъ, говорили о бѣдности растительнаго царства края. Высокій стройный красный лѣсъ остался далеко позади въ среднемъ теченіи С. Двины. Болото съ низко-рослымъ кустарникомъ—вотъ декоративныя украшенія Архангельска. Культура деревьевъ не прививается въ Архангельскѣ; березы, которыми усажена часть набережной около собора, выглядываютъ чахлыми, листва ихъ тощая. Такая бѣдность декораціи, бѣдность красокъ пейзажа замѣчалась все болѣе съ приближеніемъ къ Сѣверу; на возвратномъ пути послѣ однообразныхъ видомъ краснолѣсья и тундры по архангельской желѣзной дорогѣ, мы почувствовали все богатство и великолѣпіе чернолѣсья, когда оно въ одно прекрасное утро предстало предъ нашими глазами во всей своей красѣ послѣ ночной грозы съ обильнымъ дождемъ на границѣ Вологодской и Ярославской губерній. Но чернолѣсье въ Архангельскѣ не можетъ бороться съ суровыми условіями природы. Береза здѣсь обращается въ какой-то кустарникъ.—На неприглядномъ сѣверномъ фонѣ надъ самой водой тянулись городскія зданія, дерзко-побѣдительно выглядывавшія надъ тундрой, но въ то же время робко жавшіяся къ рѣкѣ-кормилицѣ ихъ владѣтелей. Много труда и энергіи уходитъ на борьбу съ зыбкой почвой. Заложить бутъ здѣсь стоитъ дороже, чѣмъ воздвигнуть громаду зданія. Въ общемъ получалось впечатлѣніе, что въ этой картинѣ нарушена гармонія; содержаніе какъ бы перелилось черезъ форму, которая казалась бѣднѣе сравнительно съ первымъ. Въ Ярославлѣ эта гармонія не нарушается. Предвзятыя тенденціи, съ которыми мы смотрѣли на Архангельскъ и сѣверный край, которые представлялись намъ страною холода и мрака съ одной стороны и важнымъ центромъ торгово-промышленной жизни съ другой, вкладывали особый смыслъ въ открывавшуюся предъ нами картину города. Жизнь Архангельска казалась намъ болѣе сложнымъ явленіемъ, чѣмъ жизнь центральныхъ городовъ Россіи. Положеніе

Архангельска на краю Россіи у водныхъ путей приспособило его къ внѣшней торговлѣ. Давно иностранцы открыли и намѣтили этотъ пунктъ, въ которомъ они сосутъ богатства сѣвернаго края. Со временъ Грознаго до Петра Великаго Архангельскъ былъ для иностранцевъ чѣмъ то вродѣ черной лѣстницы съ задняго двора, съ которой они проникали въ замкнутую Московію. Здѣсь нѣкоторые изъ нихъ обосновались, завели торговые дома и конторы и зажили среди инородческаго населенія и русскаго, преимущественно ревнителей-де древняго благочестія, бѣжавшихъ изъ центральной Россіи. Приморское положеніе города обезпечиваетъ притокъ иностранцевъ, особенно въ лѣтнее время. Здѣсь въ это время года можно встрѣтить и шведа, и датчанина, и пріѣзжихъ нѣмцевъ, и англичанъ, не считая осѣвшихъ здѣсь представителей послѣднихъ двухъ націй. Здѣсь же вертится юркій еврей; здѣсь же торгуетъ и флегматичный татаринъ, проникшій сюда по С. Двинѣ. По водному пути изъ Вологды татары за послѣднее время попадаются часто; мѣстные жители жалуются, что они всюду забираютъ въ свои руки торговлю. Но несмотря на такую смѣсь національностей, русскій типъ, повидимому, сохранился въ Архангельскѣ чище, чѣмъ въ Вологдѣ, гдѣ на него положило нѣкоторый отпечатокъ Зырянство. Съ приближеніемъ къ Соломбалѣ — рѣка становилась тѣснѣе отъ множества судовъ всевозможныхъ конструкцій, которые были уставлены у береговъ рѣки. Вдаль по рѣкѣ тянулись плоты-гиганты сравнительно съ волжскими, какъ по длинѣ ихъ, такъ и по толщинѣ бревенъ: ихъ тащили небольшіе пароходы, черные, какъ смоль. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ пристани Соловецкой, тѣмъ чаще попадались огромные морскіе пароходы, — черные, съ высокими наклоненными трубами; по большей части на нихъ красовались иностранныя надписи; вотъ проѣхали мимо самаго огромнаго пассажирскаго парохода Мурманскаго товарищества. Какими страшилищами кажутся они предъ нашими уютными, окрашенными въ бѣлый цвѣтъ (какъ бѣлая лебедь)

пароходами Волги! Морскіе пароходы какъ бы одѣты въ желѣзную черную броню для борьбы съ грозною и бурною морскою стихіей. Они подавляютъ непривычнаго зрителя своей громадой. Въ воображеніи возставали картины морской бури, съ которыми не разъ и не два боролись эти чудовища. Въ одномъ мѣстѣ мы натолкнулись на одну, очень грустную картину: молодой матросъ съ датскаго фрегата «Christiania» утонулъ возлѣ самаго берега. Его вытащили очень скоро. Это былъ человѣкъ большого роста, мускулистый... Капитанъ подошелъ и ощупалъ пульсъ: все было кончено! Одинъ изъ таможныхъ служителей пытался было вызвать искусственное дыханіе, но безъ всякихъ результатовъ. Тогда утопленника взяла на свое попеченіе полиція. Квартальный уже суетился съ протоколомъ. У полицейскаго съ извозчикомъ предварительно вышло цѣлое препирательство: одинъ совсѣмъ отказался, а другой только послѣ долгихъ споровъ согласился ѣхать къ консульству... На другой день, когда мы проходили мимо «Christiania», на ней никого не было видно. Рѣка, поглотившая вчерашнюю жертву, спокойно безчувственно къ людскому горю катила свои волны. Но въ насъ еще свѣжо было вчерашнее впечатлѣніе: намъ казалось, что фрегатъ одѣлся въ трауръ и въ мрачномъ горѣ тосковалъ о погибшемъ товарищѣ.

Поздно вечеромъ вернулись мы съ Соломбалы въ новое наше помѣщеніе—въ семинарію. Она находится на концѣ города у самой тундры. Чтобы попасть въ нее отъ пристани пароходства Макарова, нужно пройти значительную часть набережной, да въ ширину города пройти квартала два-три. Архангельская семинарія производитъ на посѣтителя пріятное впечатлѣніе внѣшнею и внутреннею чистотою. Правда она не особенно велика, но достаточно просторна для 112 семинаристовъ. Намъ отвели здѣсь три классныя комнаты, гдѣ поставили на время койки. Когда мы пришли въ семинарію, здѣсь для насъ былъ приготовленъ ужинъ въ архангельскомъ вкусѣ, т. е. изъ превос-

ходной свѣжей рыбы. Въ концѣ къ нашему удивленію намъ подали апельсины. Предстоявшая на завтрашній день литургія вызвала необходимость приготовиться къ ней. Устроили спѣвку; о. діаконъ, семинарскій экономъ предупредительно снабдилъ насъ нотами. Изъ 20 человѣкъ нашихъ туристовъ былъ составленъ импровизированный хоръ... Для пѣнія выбрали вещи по силамъ: симоновскую херувимскую, а остальную службу литургіи рѣшили пѣть простымъ московскимъ напѣвомъ. Спѣвка затянулась долго, а между тѣмъ на завтрашній день нужно было вставать рано. Но ни дневная усталость, ни предшествующая почти безсонная ночь, ничто не могло удержать насъ въ спальнѣ. Бѣлая, свѣтлая, какъ день, прохладная архангельская ночь манила на улицу. Въ это время улицы Архангельска, пустынныя днемъ, оживились. Жизнь кипѣла здѣсь ночью, какъ въ нашихъ городахъ днемъ. Для непривычнаго къ порядкамъ сѣверной жизни въ сезонъ бѣлыхъ ночей странно видѣть такое возбужденіе. Съ удивленіемъ мы наблюдали архангельскіе ночные порядки: въ 12 часовъ рабочіе еще суетятся, какъ муравьи, около строющагося громаднаго дома, а по тротуару по направленію къ рѣкѣ идетъ какая-то женщина съ ведрами. Около домовъ стоятъ цѣлыя толпы обитателей: все это кричитъ, разговариваетъ, смѣется.

Рано утромъ 17 іюня наша колонія по улицамъ еще спавшаго города направилась къ архіерейскому дому. Чтецъ-канонархъ, выбранный изъ нашей братіи, уже давно ушелъ впередъ насъ — читать часы. Съ робостью вошли мы въ архіерейскую церковь. Она представляетъ изъ себя чистую, свѣтлую комнату, — только что вышедшую изъ рукъ мастеровъ. Пріятное впечатлѣніе при входѣ въ эту домовую церковь производитъ чистый иконостасъ московскаго письма. Мы заняли мѣсто на правомъ клиросѣ, какъ и подобаетъ странствующей капеллѣ. Впрочемъ, богомольцевъ было очень мало, такъ что смущаться было некого. Послѣ обѣдни мы увидали владыку, который пригласилъ

насъ въ свои покои. Здѣсь онъ благословилъ всѣхъ насъ и облобызалъ. Владыка Іоанникій—еще не старъ, но богатъ житейскою и духовною опытностію. По окончаніи академіи онъ проходилъ должность преподавателя, былъ ректоромъ Могилевской семинаріи, а затѣмъ викаріемъ Иркутскимъ. Вездѣ, гдѣ онъ ни служилъ, о немъ оставалась самая добрая память. Владыка Іоанникій истинный отецъ пасомыхъ, съ любовію относящійся къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, живо сочувствующій имъ въ житейскихъ невзгодахъ. Въ его покояхъ намъ былъ предложенъ чай. Мы провели болѣе часу въ живой бесѣдѣ съ любвеобильнымъ архипастыремъ, слушая его интересные разсказы изъ жизни архангельскаго края и изъ его личныхъ воспоминаній. Владыка на дняхъ собирался выѣхать для обозрѣнія епархіи. Предстоящія трудности пути естественно дали поводъ къ разговору объ архангельскихъ лѣсахъ и тундрѣ. Отъ владыки мы впервые услыхали точное опредѣленіе тундры: мы имѣли о ней самое преувеличенное понятіе; оказалось—она была простымъ, хотя огромнымъ болотомъ, поросшимъ низкимъ кустарникомъ. Послѣ мы сходили посмотрѣть ее своими глазами: ея картина оправдала слова преосвящ. Іоанникія... «Лѣса», такъ началъ свою рѣчь—владыка Іоанникій, «здѣсь теперь уже не тѣ, что прежде. Иностранцы уже добрую часть этихъ лѣсовъ (до Печоры) вырубили и вывезли за границу... А новый лѣсъ—еще скоро ли подрастетъ». Мы высказали удивленіе: какъ владыка можетъ управлять такою обширною епархіей. Онъ отвѣтилъ, что, сравнительно съ територіей, приходовъ здѣсь очень немного: «да и то, добавилъ онъ, въ нѣкоторыхъ недостаетъ священниковъ, а въ семинаріи между тѣмъ кончаетъ не болѣе 12 человѣкъ. Плохіе же пути сообщенія и суровый климатъ никого не привлекаютъ сюда изъ другихъ губерній—для занятія священническихъ мѣстъ». По ассоціаціи съ путями сообщенія мы разсказали о встрѣчѣ съ мальчикомъ, ученикомъ духовнаго училища, который на нашъ вопросъ: почему онъ не ѣдетъ на лѣто домой, сообщилъ, что его

родина далеко отсюда (за 500 верстъ), а родители его такъ бѣдны, что не могутъ заплатить за проѣздъ. Владыка сказалъ, что подобные примѣры въ Архангельскѣ не рѣдки, такъ что поэтому духовное училище снимаетъ на лѣто дачу для остающихся учениковъ, и разсказалъ намъ о томъ, какъ пробираются домой семинаристы послѣ окончанія курса въ одной изъ сибирскихъ семинарій: тамъ еще съ Пасхи пригоняютъ лошадей для семинаристовъ, и онѣ пасутся на семинарскомъ дворѣ, въ ожиданіи, когда ихъ хозяева покончатъ съ экзаменами. На наше замѣчаніе объ архангельскихъ холодахъ, владыка сказалъ, что здѣшніе холода—благодать, сравнительно съ сибирскими, которые онъ тоже испыталъ.

Отъ владыки мы направились осматривать архангельскіе соборы и церкви. Самую древнюю святыню города составляетъ монастырь во имя Архангела Михаила, построенный за 400 лѣтъ раньше возникновенія Архангельска на урочищѣ Нуръ-Наволокѣ, ниже по рѣкѣ, гдѣ теперь церковь Михаила Архангела (постр. 1743), и перенесенный на настоящее мѣсто послѣ пожара 1638 г. Несмотря на свою почтенную древность, монастырь не сохранилъ особенно интересныхъ остатковъ старины. Онъ поразилъ притомъ насъ малочисленностью братіи: всего три іеромонаха, столько же іеродіаконовъ и никого болѣе. На клиросѣ поютъ наемные пѣвцы. Этотъ монастырь сослужилъ свою службу, явившись колонизаторомъ края. Памятникомъ большого торговаго оживленія Архангельска въ концѣ XVII вѣка служитъ зданіе таможни. Оно стоитъ въ самомъ центрѣ города и во всей красѣ открывается, если смотрѣть съ С. Двины. Оно построено въ 1684 году по плану иноземца Петра Марселиса, возобновлено въ 1787 году, причемъ отъ стараго зданія сохранены въ первоначальномъ видѣ башни. Но особенно замѣчателенъ Архангельскій соборъ. Преданіе о построеніи собора говоритъ, что его мѣсто было указано самимъ Петромъ. Онъ строился цѣлыхъ 34 года съ 1709 по 1743.

Соборъ представляетъ изъ себя величественное зданіе въ стилѣ возрожденія. Крыша его украшена пятью главами, окрашенными въ синій цвѣтъ—символъ неба, на которомъ расположены золотыя звѣзды. Въ нижнемъ этажѣ собора помѣщается теплый храмъ, вверху—лѣтній. Теплый храмъ низкій и не представляетъ изъ себя ничего замѣчательнаго. Довольно высокая лѣстница ведетъ въ верхній этажъ собора. При всходѣ по ней путешественника поражаютъ прежде всего три пушки, поставленныя на верхней площадкѣ. Эти пушки—первые трофеи Шведской войны. Ихъ подарилъ Петръ Великій Холмогорскому архіепископу Аѳанасію въ 1701 со взятыхъ въ томъ году подъ Архангельскомъ Шведскихъ фрегата и яхты. Въ храмѣ три алтаря: во имя св. Троицы, Николая Чудотворца и Преображенія Господня. Главныя достопримѣчательности собора—вещи, связанныя съ именемъ Петра Великаго. У правой отъ входа стѣны подъ золоченымъ балдахиномъ, поддерживаемомъ тремя колоннами и двумя рѣзными изъ дерева въ человѣческій ростъ ангелами, помѣщается сосновый шестиаршинный крестъ, сдѣланный собственноручно Петромъ Великимъ въ память избавленія отъ бури. Исторія сооруженія креста и его перенесенія въ Архангельскъ изъ Пустоминскаго монастыря изложена на щитахъ, поддерживаемыхъ ангелами. Въ ризницѣ собора хранятся саккосъ зеленаго бархата изъ плаща Петра Великаго, архіерейскія облаченія, жалованныя Екатериной II-й епископу Арсенію, серебряный въ 2 вер. крестъ съ мощами, принадлежавшій А. Д. Меньшикову, плащаница, жертвованная Двинскимъ воеводой княземъ Д. Н. Пожарскимъ. Въ алтарѣ собора особенно бросаются въ глаза два массивные шкафа прекрасной Бельгійской работы изъ краснаго дерева, съ колоннами на дверцахъ, украшенными рѣзными изображеніями. По всей вѣроятности иностранное вліяніе отразилось на стилѣ храма «возрожденія». На зрителя онъ производитъ пріятное впечатлѣніе высотою и обиліемъ свѣта. Въ верхнемъ ярусѣ выдѣляются деревянныя фигуры анге-

ловъ, подобныхъ которымъ такъ много мы видѣли въ Вологодскомъ древнехранилищѣ и въ ризницѣ Велико-Устюжскаго собора.

Въ то время, когда мы были въ Архангельскомъ соборѣ, въ немъ шла поправка живописи. Эту работу исполнялъ о. діаконъ мѣстной кладбищенской церкви. Онъ, оказывается, обучался живописи и иконописанію въ Троице-Сергіевой Лаврѣ и даетъ уроки этого предмета въ семинаріи. Поправка живописи въ соборѣ—не первая художественная работа о. діакона. Онъ расписалъ живописью церковь св. Димитрія въ Соломбалѣ и, нужно отдать честь его таланту, прекрасно выполнилъ свое дѣло. Между прочимъ въ этой церкви можно видѣть слѣды иноземнаго вліянія. Оно сказалось въ картинѣ голландскаго письма, какъ это показываютъ надписи на ней. Эта картина помѣщена въ самомъ храмѣ надъ выходными дверями. Она представляетъ изъ себя композицію на тему «благословеніе праведниковъ и наказанія грѣшниковъ» и по всей вѣроятности пріобрѣтена отъ какого-нибудь иностранца.

Въ тотъ же день (17 іюня) мы добрались и до домика Петра Великаго. Онъ находится на берегу С. Двины, недалеко отъ собора. Домикъ сохранился въ его первоначальномъ видѣ, благодаря попечительности города, воздвигнувшаго надъ нимъ подобіе деревяннаго футляра. Съ трепетомъ входили мы въ этотъ дворецъ царя-преобразователя. Но какъ мы были поражены, увидѣвъ невзрачныя, маленькія комнаты. Онѣ настолько низки, что невольно возбуждается при видѣ ихъ вопросъ: да какъ могъ стоять въ нихъ во весь ростъ такой геркулесъ, какимъ былъ Петръ Великій.

Вечеромъ пришло извѣстіе, что Соловецкій пароходъ прибылъ въ Архангельскъ и завтра отправится въ обратный путь. Итакъ, завтра конецъ нашему сидѣнью въ Архангельскѣ... Вечеромъ же мы съѣздили на Соломбалу, гдѣ находится Соловецкая пристань, чтобы посмотрѣть на пароходъ и разспросить о предстоящемъ пути. Трудникъ—

одинъ изъ прислуги парохода, — сообщилъ намъ, что въ морѣ—тихо, качка на обратномъ пути была небольшая. «А какова погода на Соловкахъ?» «До сихъ поръ было холодно, отвѣчалъ онъ, деревья еще начали только третьяго дня распускаться». Намъ предстояло такимъ образомъ на Соловкахъ снова встрѣтить весну! Въ послѣдній разъ мы возвращались изъ Соломбалы въ семинарію, подъ ея гостепріимный кровъ, чтобы завтра совсѣмъ распроститься съ гостепріимными хозяевами.

18 іюня. Утро. Пароходъ долженъ пойти на Соловки въ 2 часа. Въ семинарію пришло извѣстіе, что въ городѣ о. Іоаннъ Кронштадскій и служилъ утромъ обѣдню въ одной изъ приходскихъ церквей. Мы всѣ сгорали желаніемъ получить благословеніе уважаемаго батюшки. Предупредительный о. діаконъ взялся съѣздить въ городъ и навести справки, когда можетъ насъ принять о. Іоаннъ. Узнавъ, что о. Іоаннъ ждетъ насъ въ домѣ священника Успенской церкви, въ которой онъ служилъ, мы поспѣшили распроститься съ семинаріей... Предъ выѣздомъ въ храмѣ семинаріи былъ отслуженъ нашимъ духовенствомъ напутственный молебенъ, въ заключеніи котораго о. діаконъ произнесъ многолѣтіе владыкѣ Іоанникію и о. ректору семинаріи, оказавшимъ намъ радушный пріемъ. Дружно подхватила наша капелла многолѣтіе, которое она готова была пѣть безъ конца... Но нужно было спѣшить къ о. Іоанну: мы собрали свои вещи и поѣхали, кто на пароходѣ, а кто на семинарскихъ лошадяхъ [1]), любезно предоставленныя намъ о. ректоромъ. Но когда мы пришли къ дому священника, у котораго о. Іоаннъ остановился, его тамъ уже не было; всего за двѣ минуты до нашего прихода о. Іоаннъ уѣхалъ къ губернатору. Видѣть его удостоилось только наше духовенство, да одинъ изъ студентовъ, который и былъ главнымъ виновникомъ нашей неудачи: онъ

---

[1]) Церковь Успенія стоитъ на берегу Двины; до нея можно было доѣхать и сухимъ путемъ и по рѣкѣ.

сообщилъ о. Іоанну, будто «студенты уѣхали на пароходъ» [1])... Мы до боли были огорчены такимъ несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, но дѣлать было нечего: нужно было торопиться—попасть на пароходъ, который долженъ былъ отправиться въ 2 часа по направленію къ Соловкамъ.

VI.

На набережной Соломбалы, когда мы прибыли сюда, была великая суета: масса богомольцевъ двигалась здѣсь во всѣхъ направленіяхъ. Одни, счастливцы, получившіе билеты, торопились, забравши на плечи пожитки, пробраться на тихо покачивавшійся у пристани пароходъ; другіе старались найти «батюшку», т.-е. смотрителя подворья, чтобы какъ-нибудь вымолить у него билетъ на проѣздъ; третьи, наконецъ, очевидно, потерявшіе совсѣмъ надежду ѣхать въ этотъ день, толпились здѣсь безъ всякаго толку и завистливо поглядывали на счастливцевъ, уже расхаживавшихъ на палубѣ парохода.

Небольшая кучка студентовъ, окруживши о. діакона, оживленно бесѣдовала съ нимъ о предстоящемъ путешествіи по морю. Почти всѣмъ приходилось совершать его въ первый разъ. Каждому, съ одной стороны, хотѣлось поскорѣе видѣть это море со всѣми его красотами и ужасами, но, съ другой стороны, всѣ, кажется, и побаивались послѣдствій морской качки. — «Пойдемте, гг., поскорѣе:

---

[1]) Утромъ этого дня въ семинаріи намъ показали хранящіяся въ архивѣ книги, гдѣ сохранились отзывы семинарскаго начальства объ Иванѣ Сергіевѣ, тогда воспитанникѣ Архангельской семинаріи. Семинарское начальство отзывалось о будущемъ идеальномъ пастырѣ съ похвалами. Приведемъ одну изъ нихъ. Игуменъ Иларіонъ дѣлаетъ объ воспитанникѣ низшаго отдѣленія Иванѣ Сергіевѣ за 1847 г., февраль мѣсяцъ, такой отзывъ: „Иванъ Сергіевъ отличается добродушіемъ, искренностью, честностью и усердіемъ къ дѣлу“.. Говорятъ, о. Іоаннъ не иначе, какъ съ благодарностью, вспоминаетъ о своихъ воспитателяхъ.

кажется, пора занять мѣста. Осмотримъ, кстати, и наше будущее помѣщеніе»,—предложилъ кто-то. Всѣ согласились и поспѣшили къ пароходу.

По сходнямъ сошли на пароходъ и стали отыскивать свою каюту. Пришлось проходить чрезъ одно изъ пассажирскихъ помѣщеній III-го класса. Здѣсь была такая масса народу, что мѣста даже въ проходахъ брались съ бою. Наши паломники едва могли пробраться въ отведенную имъ каюту II-го класса.—«Ну что, хорошо ли?»—спрашивали еще неуспѣвшіе войти въ каюту, заглядывая черезъ головы товарищей и стараясь разсмотрѣть что-нибудь.—«Да, кажется, не очень-то хорошо»,—проворчалъ кто-то изъ каюты. Когда вошли всѣ и осмотрѣлись, то согласились, что здѣсь не очень-то хорошо. Въ сущности говоря, это была каюта, какъ и большинство каютъ,—тотъ же длинный столъ въ срединѣ, тѣ же, идущія по стѣнамъ, койки въ два ряда, тѣ же небольшія оконца по бокамъ надъ койками, да еще большой открытый люкъ сверху для свѣта, такъ какъ оконца пропускали его недостаточно много. Но, избалованные комфортомъ двинскаго парохода, мы не легко могли примириться съ нѣкоторыми неизбѣжными, быть можетъ, неудобствами, какія встрѣтили здѣсь. Вспомнивъ, однако, что мы не только путешественники, но и паломники, сочли себя не въ правѣ роптать и быстро успокоились. Въ скоромъ времени, когда пришелъ въ каюту о. А-ій провѣдать студентовъ [1]), то онъ нашелъ ихъ шумящими уже по другому вопросу: они накинулись на бѣднаго В. П-ча [2]), зачѣмъ онъ такъ мало купилъ провизіи. Дѣйствительно, В. П-чъ купилъ только бѣлаго хлѣба, да и то въ количествѣ обратно пропорціанальномъ аппетиту нашихъ паломниковъ. Къ счастію, В. П-чъ былъ скороходъ: онъ скоро поправилъ дѣло, явившись въ каюту

[1]) О. инспекторъ, о. Анастасій и остальныя духовныя лица, насъ сопровождавшія, размѣстились въ другихъ каютахъ.

[2]) В. П. Шипулинъ.

съ двумя новыми громадными караваями хлѣба подъ мышками и съ семгой, кажется, въ рукахъ.

Время шло быстро, и многіе еще съ аппетитомъ кушали семгу, когда кто-то крикнулъ: «сейчасъ пароходъ отходитъ»! Всѣ побросали хлѣбъ и семгу и поспѣшили на палубу. Здѣсь уже дѣйствительно были окончены всѣ приготовленія и ждали только команды капитана. Скоро она послѣдовала, и пароходъ отчалилъ отъ пристани.

Тихо шелъ пароходъ по Двинѣ, лавируя между громадными, стоявшими на якоряхъ, баржами, между рядами русскихъ и иностранныхъ судовъ, тянувшихся безконечной линіей по рѣкѣ, осторожно давая ходъ встрѣчнымъ пароходамъ и пароходикамъ. Небольшая группа студентовъ, окружавшихъ о. инспектора, стоявшаго около трубы парохода, оглянувшись назадъ, любовалась общимъ видомъ покидаемаго Архангельска, который открывался отсюда почти весь, оживленный видомъ рѣки, по которой то степенно шелъ какой-нибудь неуклюжій морской громадина-пароходъ, то сновали во всѣхъ направленіяхъ, отчаянно прорѣзывая воздухъ свистками, маленькіе пароходики.

— «Экіе глупые», раздался вдругъ около самыхъ ушей паломниковъ рѣзкій голосъ капитана, — чего они, не видятъ что ли? Что за народъ»! Этотъ возгласъ заставилъ всѣхъ повернуться. Два мужика, сидя въ маленькой лодочкѣ, усиленно работали веслами, стараясь поскорѣе отплыть отъ настигавшаго ихъ парохода. Къ нимъ-то и относился упомянутый возгласъ капитана. Лодченка проскользнула; пароходъ, прибавивъ немного хода, повернулъ, слѣдуя поворотамъ рѣки. Архангельскъ скрылся изъ виду, и паломники, поговаривая между собой, глазѣли по сторонамъ, гдѣ, кстати сказать, ничего интереснаго не было, если не считать большихъ лѣсопильныхъ заводовъ, тянувшихся по обѣимъ сторонамъ рѣки, которые на время, правда, привлекали вниманіе путешественниковъ. Но скоро скрылись и эти заводы, и потянулись длинной лентой мел-

кіе кустарники. Картина была ужъ совсѣмъ однообразна. Ожидали, было, поскорѣе увидать море, но капитанъ сказалъ, что до моря еще верстъ двадцать будетъ, почему паломники рѣшили пока спуститься въ каюту напиться чаю. Черезъ какихъ-нибудь пять минутъ вся компанія собралась in corpore. Нѣкоторые начинали разсуждать по поводу предстоящей сейчасъ качки и морской болѣзни, старались предугадать, кто это первый будетъ имѣть удовольствіе познакомиться съ послѣдствіями качки, и острили, что хорошо тому, кто привыкъ къ качкамъ на сушѣ,— для тѣхъ и морская, собственно, не новость и не должна имѣть никакого дѣйствія, и пр. и пр. Большинство смѣялось вполнѣ искренно и поддерживало разговоръ, но въ души нѣкоторыхъ закралось безпокойство и было замѣтно, что они только старались улыбаться... Чай оконченъ, и паломники шутятъ уже на палубѣ въ ожиданіи моря. Вотъ и оно виднѣется вдали, раскинутое какой-то сѣроватой лентой. Совершенно тихая погода, при которой мы выѣхали изъ Архангельска, стала смѣняться вѣтромъ, постепенно усиливавшимся вмѣстѣ съ приближеніемъ моря. Пришлось завернуться поплотнѣе въ свои жиденькіе «вѣтродуи», какъ обозвалъ кто-то студенческое, дѣйствительно, подбитое вѣтромъ пальто.

Скоро мы миновали бочки, качавшіяся на якоряхъ и указывавшія фарватеръ рѣки, проѣхали мимо какихъ-то башней, виднѣвшихся слѣва, и маяка, небольшого судна, окрашеннаго широкими полосами чернаго и краснаго цвѣтовъ, и въѣхали въ открытое море. Жутко какъ-то стало при видѣ этой необъятной водной равнины! Все болѣе и болѣе крѣпчавшій вѣтеръ гналъ навстрѣчу пароходу цѣлые ряды небольшихъ еще пока у берега волнъ, предвѣстниковъ ожидаемой качки. Матросы торопливо затягивали просмоленымъ полотномъ остававшееся дотолѣ открытымъ пространство надъ помѣщеніями третьяго класса, разносили по всѣмъ каютамъ и разнымъ мѣстамъ палубы небольшія ведерки, назначеніе которыхъ, кажется, сразу по-

нялъ каждый. Послѣдняя предосторожность вызвала смѣхъ въ рядахъ студентовъ. Но это было на минуту. Вскорѣ эти же ведерки вызвали, кажется, у всѣхъ какое-то непріятное чувство,—и оживленіе, царившее дотолѣ, скоро стало покидать даже самыхъ завзятыхъ весельчаковъ. Между тѣмъ, пароходъ начало постепенно подбрасывать, и чѣмъ сильнѣе его подбрасывало, тѣмъ болѣе и болѣе начали вытягиваться физіономіи пассажировъ. Многіе изъ нихъ, начиная уже чувствовать головокруженіе и непріятное щекотаніе въ горлѣ, предпочли заранѣе спуститься въ каюту и тамъ прилечь. Кучка, стоявшая около трубы, разбрелась теперь по разнымъ мѣстамъ парохода. Здѣсь остались очень немногіе. Разговоръ совсѣмъ не вязался, изрѣдка только кто-нибудь броситъ фразу-другую, которыя иногда не вызывали отвѣта. Всѣмъ было не по себѣ. На нѣкоторыхъ становилось жалко смотрѣть. Сзади послышались довольно непріятные звуки, — это кто-то наглядно показалъ, чего должно ждать большинство пассажировъ отъ морской качки. Мало-по-малу качка усиливалась и стала забирать какъ слѣдуетъ. То здѣсь, то тамъ несчастные богомольцы, обратившись на это время поневолѣ въ какихъ-то акробатовъ, размахивая руками, по прыгающей палубѣ стремились или къ борту, или къ ведерку. То здѣсь, то тамъ матросы тащили съ палубы подъ руку какую-нибудь старушку, которая, не имѣя возможности во время добраться до ведерка, расплачивалась за качку прямо на палубѣ. Еще многихъ потянуло «полежать», почему они стали или располагаться на палубѣ, выбравши мѣстечко поукромнѣе, или расходиться по каютамъ.

Многіе изъ студентовъ, однако, какъ истые моряки, переносили качку безъ всякихъ послѣдствій. Такова была группа ихъ, расположившаяся кружкомъ на носу парохода, за сваленными въ кучу канатами, представлявшими хорошую защиту отъ вѣтра. Сюда, къ канатамъ, еще до качки привлекъ коллегъ читавшій вслухъ «Крестьянское царство» Немировича-Данченко Н. Е-чъ, который потомъ,

уступая приступамъ болѣзни, скрылся въ каюту. Послѣ него чтеніе продолжалось. Несмотря на качку, здѣсь то и дѣло еще раздавался смѣхъ то по поводу остротъ Немировича, то по поводу курьезовъ, совершавшихся вокругъ. Въ послѣднихъ недостатка не было. Въ кучкѣ заходитъ рѣчь о трескѣ. Къ разговору прислушивается сидящій рядомъ сѣверянинъ.—«Напрасно вы, гг., такъ отзываетесь о трескѣ»,—вступается онъ за любимое кушанье.—«Очевидно, вамъ подавали рыбу недоброкачественную. Не угодно ли, попробуйте моей: думаю, что вы будете о трескѣ другого мнѣнія». При этомъ онъ развязалъ грязноватый платокъ и извлекъ изъ него почтенныхъ размѣровъ пирогъ съ треской. Одинъ изъ храбрецовъ взялся испробовать трески «доброкачественной», но результаты были плачевные,—треска, очевидно, была намъ не по желудку. Храбреца «скинуло» послѣ перваго же куска.

Между тѣмъ одинъ изъ студентовъ, пришедшій изъ каюты, разсказывалъ, что дѣлалось внизу. По его словамъ, въ III-мъ классѣ, да пожалуй и во II-мъ можно было задохнуться отъ ужаснаго воздуха, пропитаннаго испареніями. У ведерокъ стояло сразу по нѣскольку блѣдныхъ измученныхъ физіономій. Стоны раздавались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Студенты въ своей каютѣ лежали всѣ вповалку. Картины, которыя долго не забудешь.

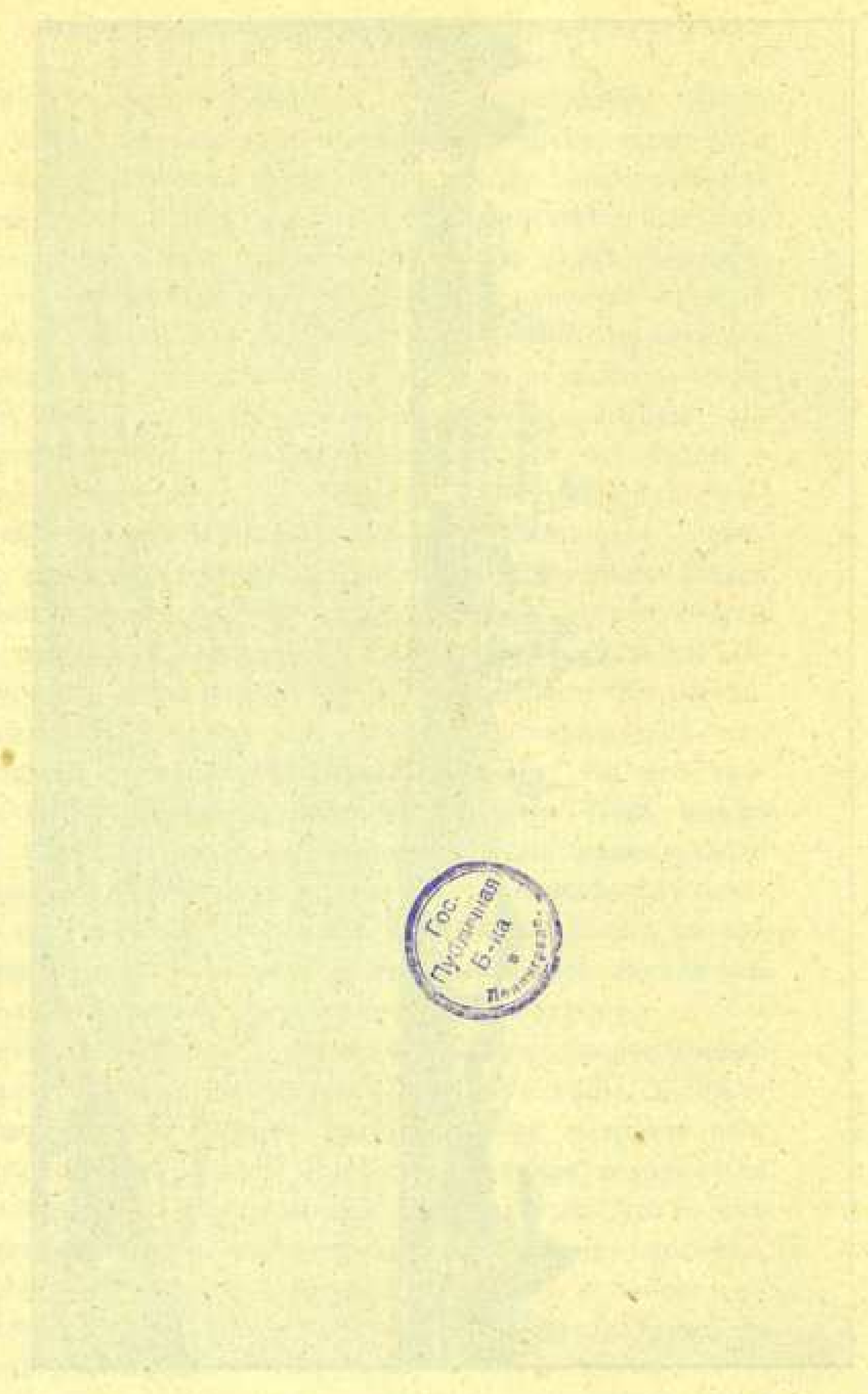
Черезъ нѣсколько часовъ ѣзды качка начала постепенно стихать. Вѣтеръ становился все тише и тише, волны—меньше и меньше. Наши задумали даже устроить чай, который какъ-то удался. Постепенно начали подниматься съ своихъ коекъ пострадавшіе. Замѣтно было, что въ ихъ угнетенномъ настроеніи произошла значительная перемѣна.

Послѣ чаю стало возможнымъ, пользуясь сравнительно спокойнымъ состояніемъ моря, немножко и «отдохнуть» до пріѣзда въ Соловки.

На девятый день пути, раннимъ утромъ предъ паломниками обрисовался темный силуэтъ Соловецкихъ острововъ. Пассажиры парохода «Соловецкій» высыпали на

ВИДЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

палубу и пристально смотрѣли впередъ. Прошло болѣе часа, но монастыря все не было видно; наконецъ пароходъ круто повернулъ налѣво, и передъ взоромъ паломниковъ сразу предсталъ во всемъ своемъ величіи—Сѣверный Аѳонъ—Соловецкій монастырь.

VII.

На девятый день пути раннимъ утромъ предъ паломниками обрисовался темный силуэтъ Соловецкихъ острововъ. Пассажиры парохода «Соловецкій» высыпали на палубу и пристально смотрѣли впередъ. Прошло болѣе часа, но монастыря все не было видно; наконецъ, пароходъ круто повернулъ налѣво и передъ взоромъ паломниковъ сразу предсталъ во всемъ своемъ невыразимомъ величіи—Сѣверный Аѳонъ—Соловецкій монастырь,—эта великая святыня Русскаго сѣвера, прославленная подвигами цѣлаго ряда угодниковъ и въ настоящее время утоляющая духовную жажду не только всего сѣвернаго края, рѣдкій изъ жителей котораго не бывалъ въ Соловкахъ нѣсколько разъ, но и всей вѣрующей матушки Россіи. Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ, тяжело пыхтя, остановился въ виду монастыря, въ гавани Благополучія, около Преображенской гостинницы. Облегченно вздохнули измученные морскою качкою пассажиры, и перекрестились. «Слава Богу, доѣхали благополучно, сподобилъ Богъ», раздавались въ разныхъ концахъ палубы возгласы богомольцевъ. Между тѣмъ пароходъ медленно причалили къ берегу и съ земли перебросили на палубу трапъ. Перекинувъ за плечи котомки или забравъ подъ мышки чемоданы, пассажиры осторожно, пошатываясь сходили съ палубы на землю: имъ казалось послѣ качки, что сама земля подъ ними шатается, и они инстинктивно искали опоры. Вотъ сходятъ съ палубы два монаха, поддерживая другъ друга; за ними толпою, тѣснясь и толкая другъ друга, спускаются школьники, пріѣхавшіе сюда цѣлымъ училищемъ. Далѣе идетъ священ-

никъ благообразнаго вида съ желтымъ осунувшимся лицемъ; онъ сходитъ такъ осторожно, какъ будто думаетъ, что слѣдующая ступенька должна непремѣнно провалиться подъ нимъ; за нимъ выступаетъ студентъ такъ широко опираясь на перила руками, какъ будто онъ собирается летѣть; наконецъ, пропустивъ мимо себя всѣхъ богомольцевъ, спустились на землю и мы. Тутъ среди чемодановъ и котомокъ толпились почти всѣ богомольцы, которыхъ мы первый разъ имѣли возможность наблюдать en masse. А было что наблюдать: толпа самая разнообразная! Изъ массы сѣрыхъ чуекъ жителей сѣверныхъ окраинъ, массы, составлявшей большинство публики, тамъ и здѣсь выдѣлялись бѣлыя паневы крестьянъ южныхъ губерній, щегольскія сравнительно съ другими поддевки жителей центральныхъ губерній, оригинальныя костюмы рязанокъ; преобладалъ въ толпѣ типъ сѣверныхъ угрюмыхъ мужиковъ, но среди нихъ виднѣлись серьезныя лица духовныхъ особъ изящные фигуры служителей Марса; блестящія пуговицы студенческихъ сюртуковъ и т. п.—все это собралось сюда съ разныхъ концовъ великой матушки Руси, чтобы поклониться Соловецкимъ Угодникамъ. Выходя съ парохода на землю, прославленную подвигами великихъ Соловецкихъ Угодниковъ, многіе изъ паломниковъ падали на землю и благодарили Бога за то, что Онъ сподобилъ поклониться святымъ мѣстамъ, отдохнуть среди монастырской тишины отъ житейскихъ треволненій и благополучно проѣхать по морю. Измученныя лица просвѣтлѣли, руки слагались для крестнаго знаменія, изъ груди вырывались глубокіе вздохи.

Утро было холодное; легкій вѣтерокъ слегка рябилъ поверхность моря и гналъ по небу темныя облака, сообщавшіе всей окрестности мрачный, угрюмый колоритъ; угрюмо и строго выглядѣлъ и самый монастырь съ своими могучими, громадными стѣнами, большими зданіями съ невысокими зелеными крышами и куполами. Только чайки, стаями носившіяся надъ монастыремъ, оживляли нѣсколько эту однообразную картину.

Высыпавшие съ парохода на берегъ, богомольцы потянулись къ Преображенской гостинницѣ, широко раскинувшейся въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ берега; около гостинницы уже суетился монахъ-гостинникъ, заботившийся, очевидно, о томъ, чтобы всѣмъ хватило мѣста. Этотъ монахъ, какъ и большинство монаховъ Соловецкаго монастыря, одѣтъ въ короткій, синій, крашениновый подрясникъ и по-пусту разговаривать не любитъ, а молча указываетъ каждой группѣ богомольцевъ номеръ, гдѣ они могутъ размѣститься на время пребыванія въ монастырѣ. Мужчины отдѣляются отъ женщинъ. Здѣсь, хотя платы за помѣщеніе и пищу ни съ кого не полагается, однако существуетъ гостинница получше для, такъ называемой, чистой публики. Номера во всѣхъ трехъ этажахъ убраны не одинаково, хотя всѣ просто и довольно чисто.

Сойдя на берегъ, мы, по обыкновенію, собрались въ кучу. Всѣ ли здѣсь? спрашиваетъ о. А. Начали считать: одного нѣтъ. «Кого же нѣтъ?» Разумѣется, М. И—ча, который не можетъ никакъ собрать всего своего багажа. «Выручайте своего пріятеля» говоритъ Н. Г—чу О. И—оръ Н. Г. побѣжалъ на пароходъ. Наконецъ, нагруженный безчисленными узелками и чемоданами, появляется М. И—чъ. За нимъ съ корзинами Н. Г—ичъ. Всѣ въ сборѣ. Нашъ ходокъ по дѣламъ общины—о. А—сій отправляется къ гостиннику хлопотать о размѣщеніи паломниковъ въ гостинницѣ. Заявленіе о. А. о томъ, чтобы дали номера паломникамъ-студентамъ академіи не производитъ на гостинника никакого впечатлѣнія. «Дойдетъ очередь, тогда размѣщу: мало ли тутъ разныхъ учениковъ пріѣзжаетъ». А между тѣмъ номера разбираются и разбираются богомольцами. Мы рискуемъ остаться подъ открытымъ небомъ. Въ виду этого говорятъ гостиннику, что мы пріѣхали не одни, а съ своимъ инспекторомъ архимандритомъ, хоть его-то пріютите. Но упоминаніе о присутствіи здѣсь архимандрита сразу придаетъ дѣлу иной оборотъ. Архимандритъ въ понятіи Соловецкихъ монаховъ-простецовъ, кото-

рыми управляетъ тоже архимандритъ и притомъ съ очень широкими полномочіями,—это очень важное лицо, persona grata. Поэтому слово: архимандритъ производитъ магическое дѣйствіе; гостинникъ начинаетъ суетиться, оставляетъ другихъ богомольцевъ и размѣщаетъ насъ.

Намъ, наконецъ, отведено три номера въ бель-этажѣ Преображенской гостинницы. Чувствуя подъ собою твердую почву, паломники благодушествуютъ и принимаются за чай, который не пили въ теченіе нѣсколькихъ часовъ качки. О. А., нашъ менторъ—обходитъ номера и спрашиваетъ: хорошо ли устроились? Не нужно ли чего? Всѣ довольны. Всѣ рады, что наконецъ мы у цѣли путешествія и, хотя далеко отъ родины, но въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все трогаетъ и умиляетъ душу, напоминая о великихъ подвигахъ, совершавшихся здѣсь.

Во время чая взоры всѣхъ еще устремлены назадъ, разговоръ вертится около пережитаго за ночь, около морской качки, отъ которой большинство паломниковъ сильно пострадало. Но бѣда миновала, и потому со свойственнымъ русскому человѣку юморомъ начинаются воспоминанія о пережитыхъ страданіяхъ во время морского пути. Подсчитываютъ число жертвъ морской болѣзни. Спрашиваютъ, кто подалъ примѣръ? Одни говорятъ: всѣ вмѣстѣ начали. Другіе—подалъ примѣръ N. N.—О. И., которому не удалось познакомиться съ прелестями морской болѣзни, поглаживая бороду, посмѣивается надъ г-омъ К—чемъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ качки.

А. М—ичъ доказываетъ, что онъ знаетъ теперь вѣрное средство избавиться отъ непріятностей морской болѣзни и разсказываетъ, какъ одинъ мужикъ, сдѣлавшійся жертвою качки, говорилъ покрякивая, «смыло меня, православные». Вспоминается много и другихъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто на пароходѣ во время качки.

Между тѣмъ о. И—оръ и о. А—сій уже вернулись отъ настоятеля монастыря—архимандрита Іоанникія. Онъ принялъ ихъ, разсказываютъ они, очень радушно, обѣщалъ

помочь паломникамъ познакомиться съ монастыремъ и сегодня же предлагаетъ студентамъ лошадей для поѣздки въ Филипповскую и въ Макарьевскую пустынь. Лошади будутъ поданы къ подъѣзду гостинницы послѣ трапезы, часа въ два. «А теперь, сказалъ о. И., отцы и братія, отдыхайте, ступайте знакомьтесь съ монастыремъ, съ мѣстностью; да не прозѣвайте, когда пробьетъ звонокъ на трапезу: это весьма важно!»

Мысль отдохнуть послѣ безсонной ночи, проведенной на пароходѣ, улыбалась многимъ, но не всѣмъ удалось ее осуществить. Переутомленіе ли, новизна ли мѣста, или какая другая причина виновата: сонъ бѣжалъ съ глазъ, и паломники, собравшіеся отдохнуть, рѣшили заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Раздѣлились на группы; одна отправилась въ баню, которую по субботамъ монастырь приготовляетъ для богомольцевъ, считающихъ своимъ долгомъ предъ молитвою очиститься и тѣлесно; другая—знакомиться съ монастыремъ и островомъ. Послѣдуемъ за послѣдней.

Соловецкій монастырь, какъ извѣстно, находится на самомъ большомъ островѣ изъ группы острововъ Соловецкихъ, раскинувшихся посреди Бѣлаго моря подъ 65° сѣверной широты. Этотъ островъ Бѣломорскій—имѣетъ 25 верстъ въ длину, верстъ 15-ть въ ширину и на немъ, кромѣ храмовъ и келій для монаховъ, помѣщаются гостинницы для пріѣзжающихъ, мастерскія, дома для трудниковъ, училище, біологическая станція и много хозяйственныхъ построекъ. Другія Соловецкіе острова (Анзерскій, Муксальмскіе, Заячьи) принадлежатъ также монастырю; на нихъ устроены скиты, рыболовныя тони, спасательная станція, маякъ, хозяйственная ферма и пр.

Знакомство съ Соловками мы начали, конечно, съ самаго монастыря. Шагахъ въ пятистахъ налѣво отъ Преображенской гостинницы высится эта замѣчательная твердыня сѣвера, обращающая на себя прежде всего вниманіе своими стѣнами. Эти стѣны, сложенныя слишкомъ 300 лѣтъ тому назадъ изъ десяти-аршинныхъ, дикихъ морскихъ кам-

ней, непроницаемыя для непріятелей, вооруженныхъ всѣми орудіями разрушенія (англич.), стоятъ предъ пораженнымъ путникомъ, какъ живое олицетвореніе необыкновенной силы духа и непоколебимой энергіи воли. Смотришь на эти громадные, необъятные камни и не вѣришь, чтобы люди безъ помощи машинъ могли поднять ихъ на такую высоту и устроить такое укрѣпленіе для своей святыни, но видишь воочію, что вѣра, горящая яснымъ пламенемъ въ сердцахъ этихъ простыхъ людей, собравшихся сюда на дикій островъ съ разныхъ концовъ Россіи потрудиться во славу Зосимы и Савватія, способна двигать горами.

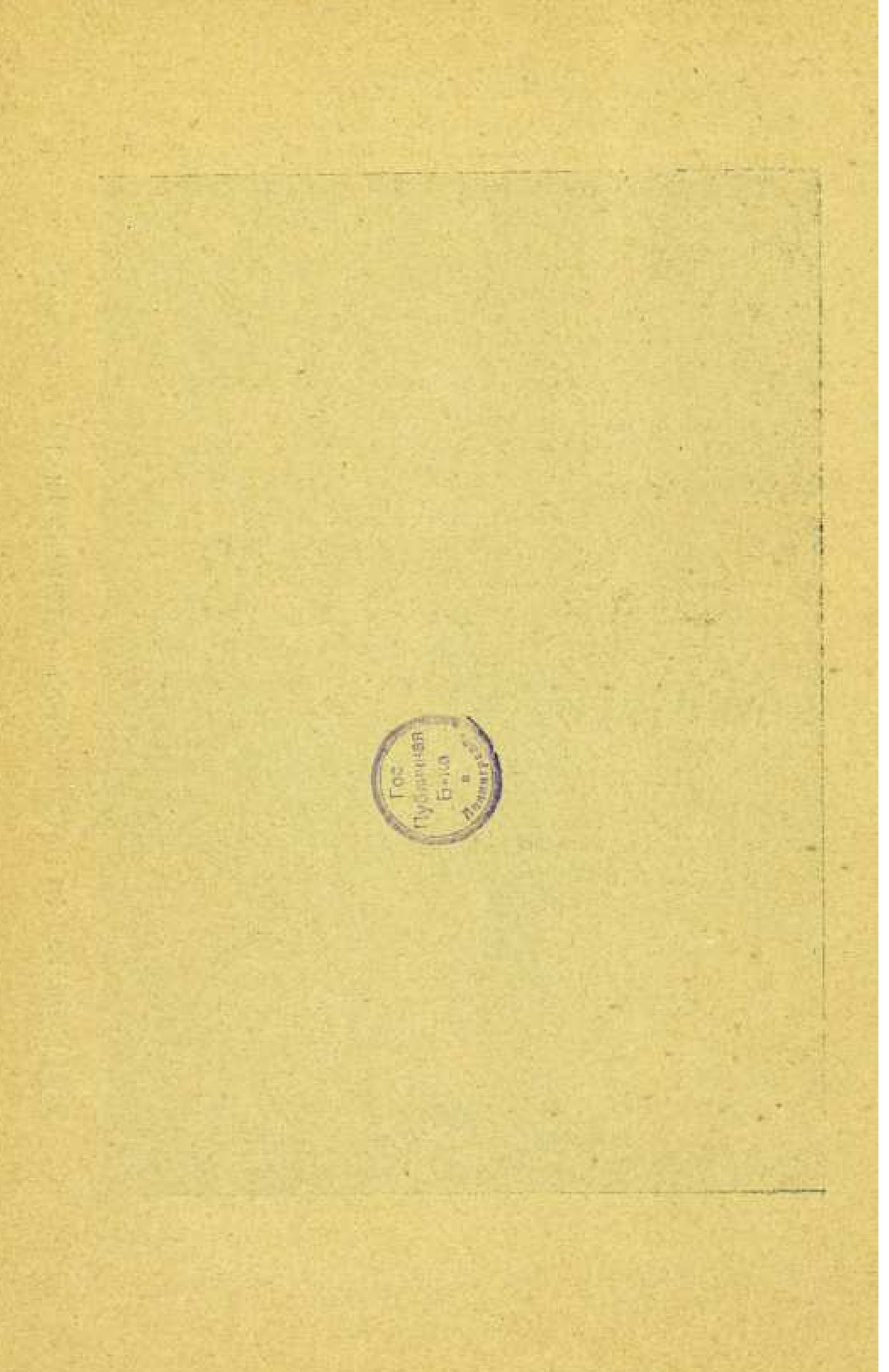
Вообще, надо замѣтить, Соловецкій монастырь—это царство упорнаго, всепобѣждающаго труда и настойчивости. Суровый климатъ, каменистая, неблагодарная почва, угрюмое, сѣверное море, покрытое въ теченіе 8-ми слишкомъ мѣсяцевъ льдами — какія неблагопріятныя условія! И, несмотря на это, монахи Соловецкаго монастыря сумѣли поднять монастырь на такую степень экономическаго благосостоянія, до которой не всегда достигали монастыри центральной Россіи, поставленные въ несравненно лучшія матеріальныя условія. При этомъ Соловецкій монастырь содержитъ до 300 монаховъ, 600 трудниковъ-годовиковъ и кормитъ безплатно всѣхъ многочисленныхъ посѣтителей обители, число которыхъ достигаетъ за время навигаціи до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, въ продолженіе 3-хъ дней [1]).

Настойчивость Соловецкихъ монаховъ въ борьбѣ съ суровою природою сѣвера, кажется, безпредѣльна. Здѣсь показываютъ паломникамъ, какъ чудо настойчивости и упорнаго труда,—мостъ, сооруженный монахами между Бѣломорскимъ островомъ и Муксальмскимъ, гдѣ въ настоящее время находится монастырская сельско-хозяйственная фер-

[1]) Желающіе пробыть въ монастырѣ болѣе трехъ дней, должны получить особое разрѣшеніе отъ настоятеля монастыря или работать на монастырь.

ТРАПЕЗОВАНІЕ МОНАСТЫРСКИХЪ ТРУДНИКОВЪ НА СѢНОКОСѢ.

Гос
Публичная
Б-ка
в

ма. Этотъ мостъ сооруженъ изъ громадныхъ морскихъ камней, которыми монахи забросали морской перешеекъ на протяженіи версты съ четвертью! Смотришь на это удивительное произведеніе человѣческихъ рукъ и невольно вспоминаются слова поэта:

«Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ? Лишь было бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!»

Монастырская стѣна имѣетъ въ окружности одну версту и въ этомъ небольшомъ пространствѣ заключено десять храмовъ и до 15-ти громадныхъ корпусовъ, въ которыхъ помѣщается братія. Входъ въ монастырь съ западной стороны чрезъ св. ворота, на которыхъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, писанный однимъ изъ Соловецкихъ угодниковъ 17 в. Елеазаріемъ. Въ воротахъ повѣшены модели тѣхъ судовъ, на которыхъ Петръ Великій два раза путешествовалъ въ монастырь. При входѣ въ монастырь, направо, въ необычайно толстой монастырской стѣнѣ (около 6 саж.), помѣщается лавочка, гдѣ богомольцы пріобрѣтаютъ чай, сахаръ, семгу (20 к. фунтъ), яйца (30 к. дес.) и другіе съѣстные припасы. Недалеко отъ нея другая лавка съ иконами, книгами, образами, засушенными морскими звѣздами, ложками съ изображеніемъ чаекъ и т. п. предметами. Здѣсь же можно пріобрѣсти литографированные виды монастыря и скитовъ, описанія монастыря и многочисленныхъ чудесъ.

На монастырскомъ дворѣ вслѣдствіе обилія построекъ— тѣсно. Кромѣ того, каждая свободная площадка покрыта стаею чаекъ. Эти оригинальныя птицы смѣло расхаживаютъ между богомольцами и берутъ хлѣбъ прямо у нихъ изъ рукъ. Монахи, а за ними и богомольцы, относятся къ чайкамъ замѣчательно хорошо и здѣсь ходитъ легенда о томъ, какъ чайки, оказали услугу монастырю въ борьбѣ съ англичанами. Вообще отношеніе Соловецкихъ монаховъ къ звѣрямъ и птицамъ, населяющимъ островъ, очень сим-

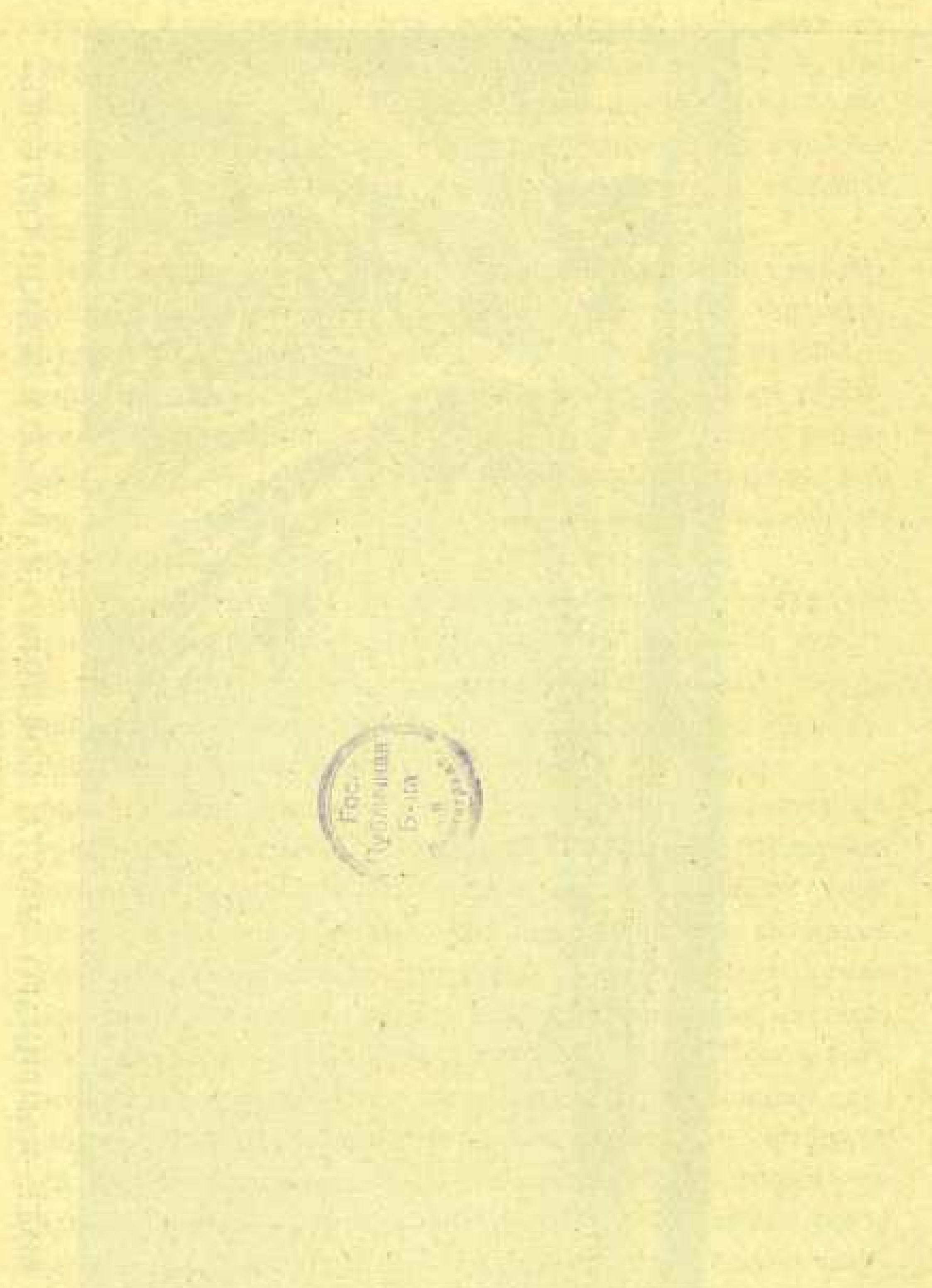
патично. Здѣсь не только безусловно запрещается убивать животныхъ, но даже обижать ихъ. Соловецкіе иноки вполнѣ прониклись мыслію, что грѣшно обижать безсловесныхъ животныхъ, и послѣдніе, повидимому, оцѣнили это и довѣрчиво идутъ къ монахамъ въ кельи. Инокъ, живущій въ глухомъ Анзерскомъ скиту, разсказывалъ намъ, какъ къ нему зимою приходятъ лисицы за хлѣбомъ въ келью. Это трогательное вниманіе къ животнымъ какъ нельзя болѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что среди Соловецкихъ иноковъ живы еще великіе завѣты основателей обители, относившихся ко всѣмъ съ любовію.

На монастырскомъ дворѣ паломниковъ, немало наблюдавшихъ монастыри центральной Россіи, пріятно поразило трудолюбіе Соловецкихъ монаховъ. Хотя иноки, за исключеніемъ пѣвчихъ, обязаны присутствовать только за утреннимъ богослуженіемъ и могутъ не быть за другими службами, нигдѣ не было видно свободныхъ монаховъ: всѣ они заняты своимъ дѣломъ, всѣ исполняютъ назначенное каждому послушаніе.

Центральное мѣсто на монастырскомъ дворѣ занимаетъ Преображенскій соборъ, построенный въ 1558—66 годахъ св. Филиппомъ. Этотъ громадный, пяти-ярусный соборъ очень величественъ. Когда мы вошли въ него, тамъ совершалось богослуженіе: шла обѣдня. Въ соборѣ полумракъ. Только отвѣсные лучи солнца слегка освѣщаютъ строгіе лики святыхъ, смотрящихъ съ высоты потемнѣвшаго отъ времени иконостаса, и сосредоточенныя лица богомольцевъ, собравшихся въ церковь, среди которыхъ преобладаютъ крестьяне мужчины. Громкое пѣніе шумно разносится по храму; поется все здѣсь попросту, заунывнымъ напѣвомъ съ безконечными переливами. Поютъ безъ регента; но дружно. Жутко становится непривычному слушателю отъ Соловецкихъ мотивовъ: въ нихъ то слышится вой разбушевавшагося надъ Соловецкимъ монастыремъ въ долгую зимнюю ночь сѣвернаго вѣтра, то протяжный ревъ, бьющейся о берегъ морской волны. Но стоитъ только вслу-

ВИДЪ КАМЕННАГО МОСТА, СОЕДИНЯЮЩАГО СОЛОВЕЦКІЙ ОСТРОВЪ СЪ МУКСАЛОМСКИМЪ.

шаться въ это сильное, одушевленное пѣніе, и оно производитъ громадное впечатлѣніе, гораздо большее, чѣмъ стройное нотное пѣніе нашихъ Московскихъ пѣвчихъ; оно какъ бы охватываетъ душу, увлекаетъ ее за собою, вызывая глубокое религіозно-молитвенное настроеніе.

Преображенскій соборъ двухъ-этажный; на второмъ этажѣ его окружаетъ галлерея; этою галлереею соборъ соединяется съ примыкающими къ нему трапезною церковью и церковью свв. Зосимо-Савватіевскою, въ которой, сзади, на правой сторонѣ подъ драгоцѣнною сѣнью со множествомъ массивныхъ лампадъ покоятся мощи свв. Зосимы и Савватія—первоустроителей Соловецкой обители. Какъ галлерея, такъ и самый соборъ разукрашены яркою стѣнною живописью и покрыты массою текстовъ изъ Св. Писанія и просто изреченіями, поясняющими смыслъ картины, или выражающими какую-нибудь богословскую мысль. На западной, напримѣръ, сторонѣ собора съ иллюстраціями разсказывается исторія о томъ, какъ на дикомъ и пустынномъ нѣкогда островѣ, по волѣ Божіей, трудами свв. Зосимы и Савватія зародилась процвѣтающая теперь, «яко кринъ въ пустынѣ» обитель Соловецкая. Картины, покрывающія стѣны собора поражаютъ своимъ необыкновеннымъ реализмомъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна картина, изображающая «Страшный судъ». Интересны и иллюстраціи къ молитвѣ Господней и десяти заповѣдямъ. Изреченія на стѣнахъ, большею частію, отличаются практически дѣловымъ характеромъ: это совѣты о томъ, какъ оріентироваться въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Впрочемъ, встрѣчаются надписи и отвлеченнаго характера. На лѣвой сторонѣ Преображенскаго собора можно прочитать такое изреченіе: «общество людей безъ вѣры въ Бога и безсмертіе души—это почти стадо дикихъ звѣрей, хотя и одаренныхъ разумомъ, но которые всегда готовы терзать и истреблять другъ друга. Кто не имѣетъ вѣры въ Бога, тотъ не имѣетъ вѣры и у людей. Вѣра чистая, святая, открытая Богомъ полезна не только по

обѣтованію вѣчной жизни, но и къ временной жизни». Подъ картиною, изображающею монаха, окруженнаго соблазнами міра, надпись гласитъ: «если бы міряне знали, какая монахамъ награда, то весь міръ обратился бы въ монашество, а если бы монахи знали, какія имъ будутъ искушенія, то ни одинъ бы не дерзнулъ пойти въ монастырь». Эти изреченія, надо замѣтить, достигаютъ своей цѣли, такъ какъ съ умиленіемъ читаются богомольцами. На лѣвой же сторонѣ собора встрѣчаются и двѣ слѣдующія надписи: «здѣсь продаются просфоры; здѣсь продаются билеты для молебновъ». Вторая надпись насъ заинтересовала: что это за билеты? Оказалось, что здѣсь, если кто желаетъ отслужить молебенъ, тотъ долженъ пріобрѣсти билетъ; билеты двухъ категорій: въ пятьдесятъ копеекъ и въ рубль. Купившій билетъ предъявляетъ его въ 3 — 4 часа дня, стоящему у мощей преподобныхъ, іеромонаху, который и служитъ каждому богомольцу отдѣльный молебенъ. Иногда богомольцевъ на молебенъ является довольно много, такъ что приходится назначать имъ очередь или дѣлить между нѣсколькими іеромонахами, которые и служатъ молебны, размѣстившись по разнымъ угламъ церкви, одновременно. Общіе молебны служатся предъ отъѣздомъ богомольцевъ безплатно.

Обѣдня въ соборѣ тянулась долго; но большинство богомольцевъ крестьянъ входило въ храмъ только въ торжественные моменты богослуженія: все остальное время они сидѣли въ галлереѣ, разсматривали картины и читали надписи.

Послѣ обѣдни всѣ богомольцы потянулись въ трапезную. Около двери трапезной стоялъ монахъ. Этотъ монахъ похлопываніями рукой по спинѣ раздѣлялъ народъ по рангамъ: женщинъ въ отдѣльную комнату направлялъ, мущинъ, одѣтыхъ почище—въ ту половину, гдѣ обѣдалъ архимандритъ съ братіею; мужиковъ внизъ на кухню. Для насъ былъ отведенъ столъ въ первой комнатѣ, куда мы и направились.

Наконецъ, минутъ черезъ 25—30 мы возвратились съ трапезы въ гостиницу. Монастырскій обѣдъ нашимъ паломникамъ мало понравился. Правда—за обѣдомъ было пять блюдъ, но все было такъ примитивно приготовлено, и кромѣ того треска, которую уже раньше всѣ не взлюбили, такъ полновластно царила надъ всѣмъ, что ѣсть было нечего. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что крестьянамъ, составляющимъ на Соловкахъ самый большой контингентъ паломниковъ, соловецкая трапеза приходится по душѣ. «Во всю жизнь такъ дома-то не пообѣдаешь, говорятъ они, выходя съ трапезы, какъ здѣсь у соловецкихъ угодниковъ». «Спасибо вамъ добрые люди, что покормили насъ грѣшныхъ, рыбкою побаловали», говорятъ они, обращаясь къ монахамъ.

Между тѣмъ, къ подъѣзду гостиницы были уже поданы шесть троекъ. Лошади запряжены въ шестимѣстныя линейки, на козлахъ сидятъ трудники-подростки. Съ этими тройками, которыя должны были отвезти насъ въ Филиппову пустынь, случилось недоразумѣніе, обусловленное тѣмъ, что мы забыли девизъ О. Ин—ра: «быстрота, натискъ и отсутствіе сообразительности», выражаясь проще, прозѣвали. Первый экипажъ былъ поданъ для о. настоятеля; сюда-же сѣли О. Ин., О. А., О. Ив. и уѣхали. А наша компанія и не замѣтила, какъ въ остальныхъ линейкахъ размѣстились ученики К. училища, воспользовавшіеся удобнымъ случаемъ. Хватились мы — а линеекъ уже нѣтъ: онѣ уѣхали. Обратились къ монаху гостиннику, тотъ ничего не знаетъ; надо, говоритъ, спросить о. N., а отецъ N, въ свою очередь, надо, говоритъ, спросить отца А. Такъ мы и не добились толку: почему позволили сѣсть ученикамъ К. училища въ поданныхъ для насъ линейкахъ?

Соловецкій монастырь въ соціальномъ отношеніи маленькій своеобразный мірокъ, небольшое крестьянское царство, затерявшееся на далекой окраинѣ Россіи и имѣющее свое управленіе, свои законы, свои права, свое хозяйство, свои оригинальные порядки, соблюденіе которыхъ гарантируется строгою монастырскою дисциплиною.

Было уже два часа. Солнце почти отвѣсно роняло свои золотые лучи на согрѣвшуюся землю. Жарко. Море совершенно спокойно, оно слегка искрится на солнцѣ и манитъ къ себѣ. Принужденные остаться въ монастырѣ паломники рѣшили устроить морское купанье. Но и этого не пришлось сдѣлать. Въ воротахъ монастыря за подписью намѣстника монастыря о. Антонія вывѣшано объявленіе, воспрещающее богомольцамъ купаться, такъ какъ море недавно только освободилось ото льда, и вода еще холодна. Дѣйствительно, несмотря на жару, было замѣтно, что на островѣ едва, едва начинается весна. На дворѣ монастыря, подъ прикрытіемъ шести саженной стѣны, лежитъ снѣгъ.

Скоро вернулись лошади, возившіе учениковъ К-ой школы, мы усѣлись на ихъ мѣста и отправились въ Филиппову пустынь—за двѣ версты отъ монастыря. Быстро, одна за другою, побѣжали наши пять троекъ, управляемыя мальчиками-трудниками. Дорога вскорѣ за монастыремъ вступила въ лѣсъ, загроможденный громадными морскими камнями, и извивалась среди безконечныхъ пригорковъ и небольшихъ озёръ, которыхъ на островѣ насчитываютъ нѣсколько сотъ. Лѣсъ довольно убогій: чахлая, кривая береза, да невысокая ель, мѣстами кудрявая сосна,—вотъ и вся сѣверная флора. Нѣкоторые паломники считали соловецкіе пейзажи—холмистый лѣсъ, усѣянный безчисленными озерами, какъ бы массою глазъ, выглядывающихъ изъ зеленой рамки лѣса—очень живописными.

Наконецъ, предъ нами Филиппова пустынь. Она затерялась среди густого лѣса. Небольшая церковь, часовня съ рельефнымъ (деревяннымъ) изображеніемъ «Іисуса сидящаго», крошечная келія св. Филиппа выглядывали изъ зеленой чащи лѣса.

Св. Филиппъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, у которыхъ слово не расходилось съ дѣломъ и которые не знали компромиссовъ. Его жизнь была всецѣло посвящена идеѣ; онъ смѣло боролся съ неправдою и «зломъ», полновластно царившимъ надъ омытой слезами землею и, какъ

истинный подвижникъ духа, дѣлалъ на мірy свое великое дѣло любви. Это былъ, поистинѣ, великій человѣкъ.

Эти мысли невольно пробуждались въ душѣ при приближеніи къ хижинѣ—мѣсту обитанія св. Филиппа. Въ небольшомъ домикѣ св. Филиппа, кромѣ стола, скамейки, ничего не сохранилось отъ времени св. Филиппа. Гробовое суровое молчаніе пустыни царитъ кругомъ. Словно заколдованный стоитъ лѣсъ, не шелохнется, и въ немъ все пустынно. Какая школа для самонаблюденія и сосредоточенія мысли!

Мы подробно осмотрѣли мѣсто святительскихъ подвиговъ знаменитаго митрополита Московскаго и всѣ вещи, сохранившіяся отъ его времени въ его убогой, простой избушкѣ, гдѣ онъ въ бесѣдахъ съ Богомъ закалилъ свой духъ на борьбу съ неприглядною дѣйствительностью, съ сильными міра сего.

Изъ Филипповой пустыни мы отправились въ Макарьевскую. Быстро побѣжали маленькія лошадки впередъ, поднимая цѣлыя столбы пыли, которая почти застилала отъ нашихъ глазъ картины лѣса, лежавшаго по обѣимъ сторонамъ дороги. Лѣсъ все тотъ же холмистый, заваленный каменьями, усѣянный озерами, однообразный и безмолвный. По пути часто встрѣчаются громадные, красные кресты, воздвигнутые монахами въ память какихъ-либо важныхъ событій, имѣвшихъ здѣсь мѣсто, о чемъ, обыкновенно, очень пространно повѣствуетъ прибитая на крестѣ надпись, оканчивающаяся, большею частію, обращеніемъ къ путнику, въ такомъ родѣ: «вотъ какими чудесами прославилъ Богъ обитель Соловецкую», или «какъ сильна, Божіею помощію, обитель Соловецкая» и т. п. Такія надписи производятъ сильное впечатлѣніе на богомольцевъ, которыхъ, такимъ образомъ, обитель наставляетъ не только своими истовыми и долгими священнослуженіями, но и всею обстановкою, пробуждающею мысль о великихъ милостяхъ, оказанныхъ монастырю Господомъ Богомъ, прославившимъ и прославляющимъ до сихъ поръ своихъ святыхъ угодниковъ.

Черезъ часъ послѣ отъѣзда изъ Филипповой пустыни мы пріѣхали въ Макарьевскую, подобно первой раскинувшуюся среди непроходимаго лѣса. Макарьевская пустынь замѣчательна тѣмъ, что расположилась на очень высокомъ холмѣ, откуда открывается довольно красивый видъ на монастырь. Отсюда виденъ монастырь со множествомъ построекъ, окруженный съ одной стороны сверкающимъ въ лучахъ полуденнаго солнца моремъ, съ другой—зеленою стѣною лѣса,—весь, какъ на ладони.

Полюбовавшись видомъ монастыря съ высоты холма, мы знакомство съ Макарьевской пустынью начали съ воско-бѣлильнаго завода, около котораго воздѣланъ замѣчательный, принимая во вниманіе суровый климатъ и каменистую почву, садикъ, гдѣ растутъ довольно чахлые, но тщательно подрѣзанные кусты малины и смородины. За этотъ садикъ какой то увлекшійся посѣтитель назвалъ Макарьевскую пустынь Полярною Италіею! Познакомившись подробно со способомъ производства воска, побродивъ по лѣсу, мы отправились въ монастырскій корпусъ, гдѣ намъ предложили чай.

За чаемъ прислуживали монахи, съ которыми мы теперь получили возможность ближе познакомиться. Соловецкіе монахи, говоря вообще, производятъ благопріятное впечатлѣніе. Сухощавые, коренастые, эти хлѣбопашцы въ рясѣ, несмотря на свою внѣшнюю грубость, очень внимательны и радушны по отношенію къ паломникамъ; а сами по себѣ просты и серьезны. Они живутъ «не мудрствуя лукаво». На нашъ вопросъ: «почему они пошли въ монахи?» «Въ міру надоѣло жить» отвѣчали одни, «соблазну, склыки много; а здѣсь поспокойнѣе». Другіе говорили—а такихъ большинство,—что сначала поступили въ трудники, пожили годокъ въ монастырѣ, понравилось, ну и остались. Жить тутъ вольготно, всего вдосталь, не скучно за дѣломъ, и мѣсто святое: «все къ Богу ближе».

За чаемъ обмѣнивались первыми впечатлѣніями, полученными въ монастырѣ. Почти всѣ были поражены про-

стотою жизни соловецкихъ монаховъ и ихъ неутомимымъ трудолюбіемъ, создавшимъ богатство монастыря; сильное впечатлѣніе произвела суровость и дикость природы острова и простота нравовъ его обитателей.

Природа острова имѣетъ большое вліяніе на соловецкихъ монаховъ, пріучая ихъ къ сосредоточенности, размышленію, самоуглубленію, воспитывая ихъ энергію и закаляя ихъ духъ.

М. И., по обычаю, не могъ успокоиться; все время наводилъ справки о томъ, нельзя ли проѣхать на Повѣнецъ чрезъ Сумскій посадъ, какъ мы предполагали по первоначальному маршруту. Оказалось, что дорога отъ Сумскаго посада до Повѣнца хорошая, лошадей всегда можно найти; но только не на компанію, состоящую изъ тридцати человѣкъ. Если вы поѣдете всѣ вмѣстѣ, говорили намъ, то рискуете половину пути, т. е. верстъ болѣе ста идти пѣшкомъ; пришлось отказаться отъ этой идеи и ѣхать въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ черезъ Ярославль-Рыбинскъ.

Чаепитіе, перемежающееся разговорами, затянулось долго. Въ комнатѣ стало душно, а въ окно такъ весело улыбалось солнце, такъ радушно смотрѣли полуодѣвшіяся березки, стыдливо опускавшія вѣтки, что казалось, манили къ себѣ, подъ свою тѣнь.

Окончившіе чаепитіе, выходили изъ комнаты въ лѣсъ. На опушкѣ его, недалеко отъ жилья, отдыхали въ травѣ трудники-подростки, возившіе насъ по скитамъ. На видъ они совсѣмъ дѣти; но имъ уже 13—17 лѣтъ; сами себя они считаютъ вполнѣ большими. Изъ пяти человѣкъ трудниковъ, съ которыми мы разговорились, четверо оказалось изъ сосѣднихъ губерній: изъ Архангельской, Олонецкой, одинъ—изъ Тверской. Въ трудникахъ—всѣ первый годъ; въ монастырь пошли по обѣщанію, кто—матери, кто—своему собственному, «потрудиться для Зосимы и Савватія».

Оригинальный институтъ «трудничества» существуетъ только въ немногихъ сѣверныхъ обителяхъ: трудники (500 человѣкъ), по вычисленіямъ Немировича, приносятъ обители около 50-ти тысячъ рублей въ годъ чистаго дохода; кромѣ того, многіе изъ крестьянъ сѣвернаго края, даже вполнѣ обезпеченные, идутъ въ трудники, какъ бы для того, чтобъ закончить свое образованіе. Интересно было поближе познакомиться съ трудниками. Почти всѣ старцы и должностныя лица обители предварительно были трудниками—безплатно работали на обитель, получая отъ нея только пищу и одежду. Теперешній настоятель монастыря—архимандритъ Іоанникій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ качествѣ трудника, разсказываютъ монахи, развозилъ богомольцевъ по скитамъ острова. Но расшевелить трудниковъ не легко. Они дичатся постороннихъ и разговариваютъ не охотно. Всетаки намъ удалось разговориться съ нѣкоторыми. Въ монастырѣ имъ очень нравится, говорятъ они. Трое (изъ пяти) собираются остаться еще на годъ; двое уйдутъ домой, когда окончится годовой срокъ. Хотя трудники не монахи, но должны подчиняться всѣмъ правиламъ монастырскаго общежитія и, повидимому, ведутъ себя въ монастырѣ хорошо, такъ какъ, по ихъ словамъ, начальству рѣдко приходится наказывать, а тѣмъ болѣе—отправлять домой трудниковъ за дурное поведеніе; въ нихъ, очевидно, живо сознаніе, что они пришли въ монастырь «поработать» на Зосиму и Савватія и что это зачтется «тамъ». Дѣла въ Соловечкомъ (такъ говорятъ всѣ здѣсь) трудникамъ много; они встаютъ съ 3—4 часовъ и исполняютъ назначенное каждому, иногда довольно трудное, послушаніе до 8—9 часовъ вечера, когда ложатся спать. Зимою трудники-мальчики занимаются по вечерамъ въ школѣ чтеніемъ, письмомъ, ариѳметикою и Закономъ Божіимъ. Учитъ монахъ. По утрамъ—работаютъ въ мастерскихъ. Въ монастырѣ есть довольно порядочная библіотека, состоящая по преимуществу изъ книгъ духовнаго содержанія; но читаютъ трудники, по ихъ собственному приз-

нанію, мало; во первыхъ некогда, во вторыхъ, и къ чтенію-то не привыкли. Но несомнѣнно, что институтъ трудничества имѣетъ громадное воспитывающее значеніе для всего сѣвернаго края. Это живая школа долга и послушанія. Большинство крестьянъ сѣверныхъ губерній считаютъ своимъ долгомъ послать своего сына подростка на годъ-другой въ Соловки потрудиться для Зосимы и Савватія. Здѣсь юный крестьянинъ, исполняя послушаніе «ради Бога», закаляетъ свой духъ на борьбу съ жизнію въ міру, куда потомъ онъ возвращается и, привыкнувъ благоговѣть предъ великими святынями Соловецкими, навсегда сохраняетъ въ своей душѣ этотъ священный огонь, согрѣвающій его душу.

День клонился къ вечеру, когда мы изъ Макарьевской пустыни возвращались въ монастырь обратно. Въ Преображенскомъ соборѣ началась уже торжественная всенощная наканунѣ воскресенья. Отдохнувъ немного въ гостиницѣ, мы отправились въ соборъ.

Соборъ почти полонъ богомольцами. Богослуженіе совершается очень торжественно. Въ храмѣ царитъ полумракъ. Сѣдой протодіаконъ служитъ чинно и спокойно; заунывно-монотонное пѣніе навѣваетъ на душу какое-то необыкновенное спокойствіе; невольно сосредоточиваешься, забываешь обо всемъ окружающемъ и замираешь въ молитвенномъ экстазѣ; и на душѣ становится такъ отрадно и легко!

Всенощная окончилась. Мы вышли. Монастырскій дворъ запруженъ богомольцами, большею частію, крестьянами сѣверныхъ губерній, что легко замѣтить по ихъ грубой, домашняго приготовленія одеждѣ и типичнымъ лицамъ. Они разбрелись по монастырю, разсматривали постройки, читали поучительныя надписи, кормили гулявшихъ здѣсь же чаекъ.

Мы вышли за монастырскую ограду, прочитали надпись на памятникѣ, поставленномъ по случаю чудеснаго избавленія обители отъ англичанъ, осадившихъ ее въ іюлѣ

мѣсяцѣ 1854 года и метавшихъ бомбы въ 36 и болѣе фунтовъ, прошли въ монастырскій докъ, гдѣ чинился пароходъ «Вѣра». Исторію этого парохода намъ разсказалъ встрѣтившійся здѣсь же монахъ—не соловецкаго типа, какъ потомъ мы узнали, сосланный въ Соловецкій монастырь «совершенно невинно», по его собственнымъ словамъ. «Этотъ пароходъ, разсказывалъ невинно-пострадавшій старецъ, чинится у насъ третій годъ, денегъ на него ухлопали массу, а все ничего не выходитъ; спустили было его на воду въ началѣ лѣта, ему пробило бокъ льдиною; теперь опять поправлять надо; а все это архимандритъ мудритъ; онъ... и обиженный монахъ долго изливалъ предъ нами всю желчь, накипѣвшую въ немъ за время его ссылки въ монастырь; онъ самыми мрачными красками рисовалъ соловецкое житье-бытье и особенно рѣзко нападалъ на архимандрита, въ которомъ, какъ представителѣ ненавистнаго ему соловецкаго режима, видѣлъ онъ своего личнаго врага. Такихъ монаховъ, сосланныхъ въ Соловецкій монастырь въ наказаніе, здѣсь нѣсколько человѣкъ и они сильно нарушаютъ гармонію патріархальной жизни Соловокъ, внося туда дурныя привычки, пріобрѣтенныя ими въ другихъ мѣстахъ, и духъ критики, совершенно отсутствующій здѣсь. Нѣкоторымъ изъ нашихъ паломниковъ не хватило коекъ въ нумерахъ гостиницы; ихъ размѣстили въ монашескихъ кельяхъ. Въ гостиницѣ же уже съ девяти часовъ вечера царила глубокая тишина, такъ какъ монахи строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы богомольцы не шумѣли, не переходили изъ нумера въ нумеръ, не ходили по коридору.

Паломники, наконецъ, опочили. Въ окна брызнули первые лучи восходящаго солнца. Былъ часъ ночи.

На другой день—въ воскресенье—торжественную обѣдню служилъ самъ архимандритъ съ многочисленною братіею. Народу было много въ церкви. Служили благолѣпно. Правда, пѣли, какъ всегда, громко и не особенно стройно; однако «архіерейское служеніе» архимандрита производило

на народъ сильное впечатлѣніе. Обѣдня кончилась около часу.

Пошли на трапезу. Трапезная церковь, гдѣ разставлены столы, покрытые скатертью и уставленные оловянною посудою, громадна; необъятныя колонны раздѣляютъ ее на нѣсколько частей; стѣны, колонны и потолокъ расписаны картинами на библейскіе сюжеты, о чемъ узнать впрочемъ можно только по надписи подъ картиною. Трапеза началась довольно продолжительною молитвою; каждое прошеніе на эктеньи отмѣчалось звонкомъ; звонилъ архимандритъ и тогда, когда надо было перемѣнить блюдо. Перемѣнъ за обѣдомъ было четыре, кромѣ традиціоннаго микроскопическаго кусочка селедки, которымъ здѣсь всегда начинается обѣдъ и ужинъ; по случаю праздника обѣдъ по здѣшнимъ мѣстамъ былъ роскошный: холодное съ семгой, уха изъ трески и десятка другихъ рыбъ, оставшихся вѣроятно, отъ предшествующаго праздника, лапша и каша. Тарелки не мѣняются. Такъ какъ люди смотрятъ на вещи, обычно, сквозь призму субъективныхъ настроеній, то и намъ обѣдъ на тощіе желудки показался довольно сноснымъ, по крайней мѣрѣ лучше, чѣмъ въ предыдущій день. Во время обѣда монахъ съ возвышенія громкимъ голосомъ читалъ житіе святыхъ. Обѣдъ тянулся съ полчаса; за столомъ царила тишина; слышно было только чтеніе, да осторожный шепотъ монаховъ, посматривавшихъ при этомъ бокомъ на настоятеля. Наконецъ, архимандритъ прозвонилъ три раза: обѣдъ кончился. Архимандритъ совершилъ чинъ «возношенія панагіи», монахи пропѣли молитву, очаровавъ паломниковъ соловецкимъ напѣвомъ: «Достойно есть». При выходѣ изъ столовой я обратился къ одному изъ молодыхъ монаховъ съ вопросомъ: «всегда ли архимандритъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ братіей?» «Часто обѣдаетъ», отвѣтилъ онъ.

Послѣ трапезы паломникамъ предложили познакомиться съ ризницею Соловецкаго монастыря. Въ ожиданіи прихода архимандрита столпились около дверей ризницы. Сюда же подошли и о. Ин—оръ съ о. А—іемъ. Поздоровались.

«Какъ почивали, отцы и братія» спрашиваетъ о. И. «Спасибо», говорятъ паломники, спали отлично. Подходитъ о. архимандритъ. Это приземистый съ энергичнымъ лицомъ и маленькими выразительными глазами, типичный русскій крестьянинъ. Его манеры и способъ обращенія изобличаютъ его происхожденіе, но въ глазахъ виденъ умъ, а въ походкѣ и въ характерной чертѣ между бровями несокрушимая энергія. Это человѣкъ дѣла—дитя угрюмаго сѣвера. Онъ монахамъ поблажки не даетъ и поддерживаетъ строгую дисциплину. Монахи его боятся, но и уважаютъ; они избрали его своимъ начальникомъ за его выдающійся умъ, необыкновенную энергію и прекрасное знаніе монастыря и всѣхъ его порядковъ, такъ какъ архимандритъ началъ свою карьеру съ трудниковъ и прошелъ всѣ послушанія.

Вмѣстѣ съ архимандритомъ мы отправились въ ризницу. Народъ въ ризницу, пока мы тамъ были, не пускали, такъ что тамъ было совершенно свободно. Ризница большая и очень богатая; порядокъ здѣсь образцовый. Въ шкафахъ, съ лѣвой стороны, откуда мы начали обзоръ ризницы, обратили на себя наше вниманіе роскошныя митры, осыпанные крупнымъ, стариннымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; золотые, массивные кресты, шпаги, оставленные англичанами, во время осады монастыря. Разсматривали старинныя, рукописныя книги; но послѣднихъ въ ризницѣ теперь мало, такъ какъ большинство отослано въ Казанскую Академію. Особенное вниманіе паломниковъ обратили на себя нѣкоторые изъ вещей, принадлежащихъ первымъ знаменитымъ насельникамъ обители. Долго и подробно разсматривались и царскія грамоты, дарованныя Соловецкому монастырю на вѣчное владѣніе Соловецкими островами. Здѣсь же въ ризницѣ вывѣшаны таблицы съ именами всѣхъ бывшихъ въ монастырѣ игуменовъ и архимандритовъ. Теперешній архимандритъ по счету 28-ой; онъ въ монастырѣ съ 80 года; 23 іюня 1895 года избранъ Соловецкимъ братствомъ въ настоятели.

Изъ ризницы о. И. и о. А. отправились къ архимандриту; остальные паломники разбрелись кто въ гостиницу, кто на берегъ моря до 3 часовъ, когда предполагалось отправиться въ скитъ. Нѣкоторые изъ паломниковъ изъ ризницы зашли въ библіотеку. Библіотека—не богата. Старинныя рукописи, какъ уже замѣчено, увезены въ Казанскую Академію, новыхъ книгъ выписывается мало; есть нѣсколько журналовъ и газетъ, но ихъ читать монахамъ не даютъ, особенно строго преслѣдуютъ за чтеніе газетъ иноковъ.

Въ гостиницѣ, между тѣмъ, спѣвались наши паломники. Н. П. старался, выбиваясь изъ силъ и горячась, наладить хоръ для пѣнія всенощной и обѣдни, которыя предполагали паломники совершить на слѣдующій день. Н. П., какъ знатокъ своего дѣла, не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь и постоять за святую Русь: спѣть все нотное и стройно. Но, какъ на грѣхъ, нотъ нѣтъ. Пришлось пѣть по памяти. Къ счастію, большинство паломниковъ были любители пѣнія, и дѣло, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, наладилось. П—ъ, чувствуя, вѣроятно, какъ на него съ высоты Кремлевскихъ холмовъ, смотритъ Москва, не посрамилъ земли русской и превзошелъ себя. Изъ окна гостиницы далеко по удивленному монастырю разносилось стройное пѣніе, среди котораго рѣзко выдѣлялся звонкій, вибрирующій голосъ П—на.

VIII.

Къ подъѣзду гостинницы, между тѣмъ, уже подали линейки съ подростками кучерами на козлахъ. Паломники размѣстились и лошади тронулись. Всѣ старались закутаться въ плащи, или поглубже засѣсть въ линейку, чтобы хоть немного избавиться отъ страшной Соловецкой пыли. Не успѣли отъѣхать нѣсколькихъ шаговъ, какъ случился маленькій, курьезный инцидентъ. Одинъ изъ паломниковъ (Г. В. З), только что устроившійся, вдругъ вскочилъ, схватился за картузъ и ругаетъ кого-то. «Что такое» спраши-

ваютъ его солнцейники. Оказалось, что онъ сдѣлался жертвою неблаговоспитанности чаекъ, стаями летающихъ надъ монастыремъ. Это здѣсь часто случается. Ѣхали мы въ пустынь, служившую мѣстомъ обитанія одного изъ первооснователей обители—пр. Савватія. Отъ Савватіевой пустыни до монастыря 12 верстъ. Дорога лѣсомъ и ничего новаго сравнительно съ дорогою въ Макарьевскую пустынь не представляетъ. Тотъ же убогій, словно вымершій лѣсъ, тѣ же громадные морскіе камни повсюду, то же обиліе небольшихъ озёръ, выглядывающихъ по обѣ стороны дороги изъ зеленой чащи лѣса, также часто виднѣются большіе красные кресты, памятники историческихъ событій, случившихся на островѣ; изрѣдка встрѣчаются богомольцы, толпами возвращающіеся изъ скитовъ.

Солнце въ зенитѣ. Жарко. Короткія тѣни деревьевъ не скрываютъ дорогу отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Наконецъ, столбъ пыли остановился, паломники зачихали и стали выбираться изъ линеекъ (экипажа, кстати сказать, пріучающаго держать ухо востро, иначе какъ разъ вылетишь)—мы въ Савватіевой пустыни. Такъ и представляется сейчасъ этотъ уединенный уголокъ. Вотъ обнесенный изгородью небольшой фруктовый садикъ, гдѣ ничего почти не растетъ; далѣе маленькая церковь, направо отъ нея—поросшее зеленью озеро, въ воды котораго смотрится окружающій его лѣсъ; налѣво—монашескій корпусъ. Прежде всего мы, конечно, отправились въ церковь, гдѣ о. Анастасій, при пѣніи нашего хора, отслужилъ молебенъ; архимандритъ любезно предложилъ паломникамъ чаю, а въ ожиданіи чая мы взяли у него разрѣшеніе половить въ озерѣ рыбы и покататься на лодкахъ и разсыпались по окрестности кто съ удочками, кто на лодкѣ по озеру, ровная поверхность котораго ярко искрилась на солнцѣ. Рыбы въ озерѣ оказалось такъ много, что наши рыболовы едва успѣвали вытаскивать ее и, вообще, были очень довольны: среди нихъ царило большое оживленіе. Правда, тутъ случилось было маленькое несчастіе съ однимъ изъ паломни-

ковъ: онъ, замечтавшись, провалился въ озеро по поясъ, но эта невольная ванна не измѣнила его благодушнаго настроенія и весь инцидентъ исчерпался смѣхомъ.

Между тѣмъ, чай былъ готовъ, онъ былъ сервированъ въ братскихъ келіяхъ, примыкавшихъ прямо къ церкви. На столѣ, покрытомъ простою, суровою скатертью, возвышался гигантскихъ размѣровъ старинный самоваръ, около котораго мы и размѣстились. За столомъ, во время чая, прислуживалъ добродушнаго вида монахъ, занимавшій насъ разсказами о своемъ житьѣ-бытьѣ. Ему было, что разсказать: онъ былъ и въ Іерусалимѣ, и на Аѳонѣ, и во многихъ другихъ городахъ, а теперь, вотъ уже 15 лѣтъ, живетъ безвыѣздно здѣсь среди этого непроходимаго лѣса, живетъ вмѣстѣ съ звѣрями. Только здѣсь, въ этомъ лѣсу, онъ нашелъ покой своей измученной душѣ послѣ долгой, бурно-проведенной жизни. «Рай тутъ у насъ, говорилъ онъ, тишина, спокойствіе, не то, что у васъ тамъ, на міру-то. Правда, вотъ солнышко къ намъ рѣдко заглядываетъ, сначала скучно безъ него было, тоскливо таково, а теперь привыкъ, такъ и ничего; не замѣчаешь, какъ и время-то бѣжитъ, то за работой, то за молитвой:—хорошо у насъ тутъ».

Послѣ Савватіевской пустыни—намъ предстояло познакомиться съ Сѣкирною горою, на которой помѣщается скитъ и Соловецкій маякъ. Туда мы и поѣхали, простившись съ мирною пустынью и ея добродушными обитателями.

Дорога обычная. Шибко бѣгутъ съ горы на гору сытыя монастырскія лошади по неровной дорогѣ, извивающейся среди лѣса. Сквозь стройныя и невысокія сосны и ели, въ глубинѣ лѣса, по временамъ виднѣются красные кресты. Изрѣдка попадаются навстрѣчу толпы богомольцевъ: они поспѣшно сторонятся на край дороги и закрываются отъ пыли, густымъ облакомъ сопровождающей насъ всю дорогу. Вотъ и Сѣкирный скитъ, онъ находится недалеко отъ Савватіевой пустыни на узкой и высокой горѣ, возвышающейся болѣе, чѣмъ на 50 саженъ надъ уровнемъ

моря. На самую гору въѣхать нельзя: пришлось взбираться пѣшкомъ по узкой дорожкѣ. На вершинѣ горы пріютилась церковь и домъ съ братскими келіями. Надъ церковію же, на высотѣ 410 футовъ находится маякъ, въ немъ горятъ 16 керосиновыхъ лампъ въ темныя осеннія ночи, освѣщая почти на сто верстъ кругомъ путь кораблямъ и пароходамъ.

Знакомство съ Сѣкирною горою мы начали съ осмотра храма Вознесенія, гдѣ отслужили молебенъ. Изъ храма мы по узенькой лѣстницѣ поднялись на вершину маяка. Отсюда открывается одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ на Соловецкіе острова. Долго оставались паломники на маякѣ, пораженные развернувшеюся предъ ними грандіозною картиною и любовались ею. Дѣйствительно, картина безподобна. Подъ нашими ногами, гдѣ-то далеко отъ насъ, развертывалась очаровательная панорама, на заднемъ планѣ которой красиво вырисовывался своими массивными стѣнами и многочисленными куполами Соловецкій монастырь, у ногъ его плескалось море, сливавшееся вдали съ безпредѣльнымъ, голубымъ небомъ. По бокамъ виднѣются всѣ Соловецкіе острова, утопающіе въ зелени лѣсомъ и обрамленные серебристою каймою моря; по лѣсу въ разныхъ направленіяхъ бѣгутъ правильныя линіи дорогъ, изъ зеленой чащи его тамъ и здѣсь выглядываютъ, словно сотни глазъ, безчисленныя озера, разбросанныя по всему Соловецкому острову (болѣе 400). И все это залито яркими лучами солнца, свѣтившаго съ самой средины неба. Этой картинѣ недоставало только жизни и движенія. Безконечная равнина моря утомляла глазъ; лѣсъ, въ которомъ не было видно ни одного живого существа, казался погруженнымъ въ глубокій сонъ; блѣдно-голубое небо равнодушно и безстрастно смотрѣло на землю.

Здѣсь на маякѣ мы узнали, почему гора эта называется Сѣкирною. Существуетъ въ монастырѣ преданіе, что на этой самой горѣ ангелы «высѣкли» жену крестьянина, который хотѣлъ поселиться на Соловецкихъ островахъ во-

преки желанію его первыхъ насельниковъ. Жена крестьянина разсказала объ этомъ мужу, послѣ чего тотъ и ушолъ съ острова; съ тѣхъ поръ эта гора и называется «Сѣкирною» [1]).

Поэтически-мечтательно настроенные сходили мы съ маяка Сѣкирной горы. Кто-то предложилъ спѣть. Эта мысль нашла горячій отголосокъ среди паломниковъ и скоро съ средины Сѣкирной горы понеслись надъ удивленнымъ лѣсомъ стройные звуки. Архимандритъ попросилъ спѣть: «Вѣрою русской свободна, незыблима наша держава».— Паломники поспѣшили исполнить просьбу любезнаго хозяина и далеко среди мертвой тишины лѣса разнеслись звучные стихи гимна св. Владиміра.

Было уже поздно, когда мы возвратились въ монастырь, но долго еще не хотѣлось ложиться спать. Вечеръ былъ чудно-хорошъ. Стоявшая въ теченіе цѣлаго дня довольно сильная жара спала и въ воздухѣ повѣяло живительною свѣжестью. Солнце зашло и на землю тихо спустилась бѣлая ночь. Если вы не видали бѣлой ночи, то вы не составите о ней представленія; надо видѣть, пережить эту своеобразную сѣверную ночь, чтобы представить себѣ ея неподдающуюся описанію, неуловимую красоту. Чайки, надоѣдавшія цѣлый день своимъ рѣзкимъ крикомъ, теперь успокоились. Мы вышли на террасу гостинницы. Море тихо плескалось о берегъ, словно хотѣло о чемъ-то разсказать и не находило словъ; какъ-то невольно прислушивались всѣ къ его плеску и, обращаясь другъ къ другу, спрашивали, о чемъ оно говоритъ?

Предъ нами высятся грандіозныя стѣны монастыря, направо виднѣется Біологическая станція, повсюду большіе деревянные кресты. А вдали виднѣется лѣсъ: стройныя сосны и ели и небольшія коренастыя березы, на которыхъ еще только распускается листва. Тишина мертвая. Вотъ,

---

[1]) Въ часовнѣ, находящейся у подножія горы, есть даже картина изображающая женщину между двумя ангелами съ бичами.

раздался гулъ голосовъ запоздавшихъ богомольцевъ, возвращающихся изъ какого-то скита, и затѣмъ снова все смолкло. Разговоръ не клеится: словно слова оскорбляютъ тишину. Жутко. Но становится даже страшно, когда подумаешь, что будетъ въ этомъ сѣверномъ уголкѣ зимою, когда разбушевавшійся вѣтеръ съ дикимъ ревомъ пронесется надъ островами, придавленными желѣзною рукою дѣдушки-мороза, если здѣсь чувствуется жутко и неуютно въ роскошную лѣтнюю ночь случайно забредшему сюда путнику.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня монахъ ходилъ по каридору и звонилъ, будя паломниковъ къ службѣ. Скоро отъ гостинницы потянулась къ монастырю вереница богомольцевъ. Сегодня мы встали ранѣе обыкновеннаго; сегодня «мы» служимъ обѣдню; утро холодное, мрачно и угрюмо смотритъ монастырь; съ высоты колокольни несется жалобный, молящій звонъ колокола. Наконецъ мы въ соборѣ. Обѣдню служило исключительно наше духовенство во главѣ съ отцомъ инспекторомъ. Пѣли мы сами. При этомъ дѣло не обошлось безъ волненій. Н. П—чу, управлявшему хоромъ, не хотѣлось сконфузить нашъ хоръ предъ монахами, которые съ нетерпѣніемъ ждали, когда мы запоемъ, и въ то же время трудно было, конечно, устроить порядочный хоръ экспромптомъ. Но все обошлось благополучно. Торжественность богослуженія, необычайность обстановки, приподнятое настроеніе сдѣлали свое дѣло; всѣ какъ то невольно воодушевились и хоръ вышелъ, говорятъ, весьма стройный. Особенно стройно вышла нотная херувимская, удивившая монаховъ, изъ которыхъ многіе никогда ничего нотнаго не слыхали, такъ какъ въ монастырѣ пѣть по нотамъ не полагается. Во время обѣдни храмъ былъ переполненъ молящимися. За причастнымъ стихомъ, о. Анастасій съ воодушевленіемъ произнесъ проповѣдь о значеніи монастырей вообще и Соловецкаго въ особенности для религіозно-нравственной жизни края и предрекалъ монастырю славное будущее. Эта проповѣдь, какъ нельзя бо-

лѣе отвѣчавшая общему настроенію паломниковъ, произвела на многихъ очень сильное впечатлѣніе. Нѣкоторые плакали. Особенно внимательно слушали монахи Соловецкіе, которымъ рѣдко приходится слушать съ церковной каѳедры живую, прочувствованную рѣчь; у нихъ, обыкновенно, если и произносятся проповѣди, то по книгѣ. По окончаніи обѣдни мы опять своимъ соборомъ отслужили предъ мощами преп. Зосимы и Савватія торжественный молебенъ. Послѣ полудня въ этотъ день отходилъ изъ Соловковъ пароходъ на Сумскій Посадъ, въ виду этого тѣ изъ богомольцевъ, которымъ предстояло отправиться въ морское плаваніе и проститься съ монастыремъ, гдѣ они въ тиши уединенія, въ дали отъ шумнаго міра, провели, быть можетъ, нѣсколько отрадныхъ и счастливыхъ минутъ и гдѣ запаслись силами для новыхъ плаваній и по бурному житейскому морю, молились особенно горячо. На глазахъ многихъ крестьянъ виднѣлись слезы; молитва перерывалась вздохами и изъ глубины души почти вслухъ вырывались слова: преподобные, батюшки, спасите насъ грѣшныхъ; не оставь насъ угодникъ Божій и т. п. Наконецъ, мы запѣли въ послѣдній разъ тропарь преподобнымъ: «На отоцѣ океана моря»... и богомольцы, какъ одинъ человѣкъ, пали ницъ.

Послѣ обѣдни насъ пригласили закусить къ о. настоятелю монастыря—Іоанникію. Онъ занимаетъ довольно большое помѣщеніе, убранное съ необыкновенною простотою. Въ небольшой гостинной стоитъ книжный шкафъ, гдѣ виднѣются нѣсколько цѣнныхъ сочиненій, свидѣтельствующихъ о довольно высокомъ умственномъ уровнѣ ихъ хозяина. По стѣнамъ висятъ виды Соловецкихъ острововъ и темные портреты іерарховъ русской церкви. Пока мы разсматривали портреты, подошелъ и самъ о. архимандритъ, любезно пригласившій насъ въ столовую позавтракать «чѣмъ Богъ послалъ». Въ столовой былъ красиво сервированъ длинный столъ. Паломники, обѣдавшіе уже два дня въ общей монастырской трапезѣ, позавтракали съ удовольствіемъ у

о. архимандрита, гдѣ подавалась великолѣпная рыба, особенно изъ тѣхъ породъ, которыя преимущественно ловятся здѣсь въ самомъ монастырѣ. За завтракомъ о. архимандритъ разсказывалъ о житьѣ-бытьѣ Соловецкихъ монаховъ, между прочимъ. «У насъ время терять не любятъ, а всегда всѣ заняты; одни поютъ и прислуживаютъ въ церкви, другіе—разрабатываютъ землю, третьи—ловятъ рыбу, ходятъ за скотомъ, работаютъ въ мастерскихъ зимою, у насъ все свое; рѣдко, рѣдко приходится что-нибудь покупать въ Архангельскѣ, все дѣлаемъ для себя сами. Поэтому и приходится трудиться съ ранняго утра и до поздняго вечера: иначе нельзя. Вѣдь природа-то у насъ не мать, а мачеха, земля-то камень голый вездѣ. Ржи у насъ совсѣмъ не родится. Растутъ только рѣпа, рѣдька, картофель, морковь, капуста и больше ничего, да и это-то завести сколькихъ трудовъ стоило. Особенно трудно выращивать овощи, которыя приходится защищать отъ разрушительнаго дѣйствія сѣверныхъ вѣтровъ. А зима у насъ бываетъ почти девять мѣсяцевъ: тогда почти всякая жизнь у насъ прекращается и сидимъ мы здѣсь, какъ медвѣди въ берлогѣ, да молимся Богу. Народъ насъ зимою не посѣщаетъ; развѣ только иногда эскимосы забредутъ къ намъ на лыжахъ; да это случается рѣдко, такъ и живемъ одни со звѣрями».

Во время завтрака пришелъ къ о. архимандриту капитанъ пріѣхавшаго утромъ съ мурманскаго берега парохода. Отъ него мы узнали, къ великому огорченію М. И—ча, что такой большой компаніи, какъ наша, найти лошадей отъ Сумскаго посада до Повѣнца, совершенно нельзя разсчитывать, слѣдовательно, надо ѣхать обратно на Вологду. Разговоръ какъ-то перешелъ на исторію монастыря. О. архимандритъ оказалось хорошо знаетъ исторію своего монастыря, которую онъ хочетъ писать и въ настоящее время изучаетъ по хранящимся въ монастырской библіотекѣ рукописямъ. Онъ увѣрялъ насъ, что среди Соловецкихъ монаховъ никакого бунта никогда не было, въ томъ же бунтѣ, который извѣстенъ подъ именемъ Соловецкаго

бунта, монахи коренные, мѣстные, никакого участія не принимали. Къ такому убѣжденію онъ пришелъ, по его словамъ, на основаніи изученія историческихъ памятниковъ. Во всякомъ случаѣ, если о. архимандритъ напишетъ исторію своего монастыря, то она, безъ сомнѣнія, будетъ очень интересна.

«А откуда получилъ названіе вашъ островъ?» поинтересовался кто-то изъ нашихъ паломниковъ.

На этотъ вопросъ о. архимандритъ отказался отвѣтить, такъ какъ рѣшить его невозможно. Есть два предположенія, говорилъ онъ, или отъ слова соловей,—но это совершенно непонятно, или отъ слова соль, но и это тоже мало вѣроятно.

Поблагодаривъ любезнаго хозяина, мы вмѣстѣ съ нимъ отправились обозрѣвать острова и скиты. Въ этотъ разъ предполагалось посѣтить уединенный Анзерскій скитъ, находящійся на островѣ того же имени. Туда мы и поѣхали по окончаніи завтрака у о. архимандрита.

Послѣ завтрака у любезнаго настоятеля монастыря мы отправились на Анзерскій островъ. Время было довольно раннее, не болѣе десяти часовъ утра, но солнце уже въ зенитѣ и палитъ. Тѣмъ не менѣе настоятель совѣтуетъ захватывать съ собою теплую одежду; ѣдемъ мы далеко и можемъ опоздать, а погода здѣсь неровная, часто послѣ очень жаркаго дня наступаетъ холодная, почти морозная ночь, самъ онъ беретъ съ собою зимнюю, теплую шубу, безъ которой обычно, даже среди лѣта, не выѣзжаетъ на острова.

Отъ монастыря до Анзеръ считается около двадцати верстъ: 14 верстъ на лошадяхъ, а потомъ около пяти съ половиною на карбасахъ по морю, по морскому проливу, который отдѣляетъ Анзерскій островъ отъ Бѣломорскаго или собственно Соловецкаго.

Быстро побѣжали небольшія монастырскія лошади по знакомымъ уже намъ мѣстамъ, и черезъ часъ съ небольшимъ мы у берега моря, у «Реболды», какъ называется

здѣсь мѣсто, откуда перевозятъ паломниковъ на Анзерскій островъ. Здѣсь устроенъ домъ, гдѣ живутъ иноки, занимающіеся перевозкою богомольцевъ и ловлею рыбы. Ихъ настоятель о. И., опытный рыболовъ, встрѣтилъ насъ дружественно на берегу и сказалъ, что сейчасъ приготовятъ для насъ карбасы.

Въ ожиданіи карбасовъ мы разбрелись по берегу моря, стараясь увидать хоть часть тѣхъ морскихъ диковинокъ, о которыхъ такъ много говорилось въ нашемъ печатномъ путеводителѣ (г-на Островскаго). Но наши поиски были напрасны. У нашихъ ногъ плескалось море, сѣрыя волны набѣгали на громадные камни, которыми былъ усѣянъ берегъ, глухо ударялись о нихъ и быстро бѣжали назадъ, а навстрѣчу имъ къ прибрежнымъ камнямъ бѣжали другія волны, онѣ сталкивались съ первыми и разсыпались цѣлымъ дождемъ серебристыхъ брызгъ, и море пѣнилось и шумѣло, иногда волнѣ удавалось взбѣжать на вершину большого камня, тогда она торжествующе бурлила и быстро скатывалась внизъ, а вдали отъ берега море было торжественно-спокойно, оно казалось думало глубокую думу, набѣгало на солнце облако—море хмурилось и моментально темнѣло, но облако прошло, и море снова просвѣтлѣло и снова погрузилось въ свою вѣковѣчную думу. Но диковинокъ морскихъ мы не видали: прибрежное морское дно покрыто камнями и ползучею травою, но ни красивыхъ раковинъ, ни рѣдкихъ рыбъ не видно въ прозрачной морской водѣ. Мы долго стояли на берегу и любовались игрою прибрежныхъ морскихъ волнъ, но не красотою вообще Бѣлаго моря. Тотъ, кто имѣлъ возможность сравнить Бѣлое море съ морями южнаго воднаго бассейна, знаетъ, что по сравненію съ ними Бѣлое море не красиво и не гостепріимно; его воды не ласкаютъ взоръ, какъ бирюзовыя и изъ синя-темныя воды Архипелага и Средиземнаго моря, и не манятъ въ свою таинственную глубь, подобно водамъ Чернаго моря: Бѣлое море сѣро и однообразно, какъ скудна и однообразна русская природа сѣвера.

Между тѣмъ карбасы были готовы: одинъ небольшой, устланный краснымъ сукномъ и съ флагомъ Соловецкаго монастыря, для о. настоятеля, о. и—ра, и другихъ духовныхъ лицъ; другой громадный въ шесть паръ веселъ—для насъ. Дружно взялись трудники-матросы (на нашемъ карбасѣ ихъ было 12 человѣкъ) за весла, и мы бойко поплыли впередъ, но не черезъ проливъ, а вдоль него, чтобы по дорогѣ къ Анзерамъ посмотрѣть на Троицкую спасательную станцію и Кирилловскія рыболовныя тони, такъ что намъ пришлось сдѣлать болѣе 10 верстъ по водѣ. Сначала море было совершенно спокойно, но вотъ побѣжали во всѣ стороны бѣлые гребешки, и нашу лодку начало равномѣрно покачивать взадъ и впередъ; казалось лодка сама собою прыгаетъ съ волны на волну, но когда кому-то изъ нашихъ вздумалось смѣнить матроса, то онъ чрезъ минутъ 15-ть сознался, что грести во время волненія дѣло далеко не легкое: нужно имѣть желѣзные мускулы, какими, повидимому, и обладали наши матросы, равномѣрно взмахивавшіе длинными веслами. Но и имъ трудно было подвигать впередъ большую громоздкую лодку, и наша лодка отстала отъ настоятельской, которая, какъ скорлупка, ныряла въ волнахъ. Разговоръ, само собою разумѣется, вертѣлся около моря. Говорили намъ на берегу, что тутъ водятся тюлени, моржи, семга и другая рыба, и мы внимательно всматривались въ прозрачныя волны, но ничего не было видно, наконецъ кто-то увидалъ высовывающагося изъ воды тюленя; стали смотрѣть и оказалось, что это ныряетъ чайка. Наконецъ, когда отъѣхали довольно далеко отъ берега, дѣйствительно показался тюлень—одинъ, другой, третій, вѣроятно, цѣлое стадо; они высовывали свою круглую голову съ сонными глазами на поверхность воды и тотчасъ снова погружались въ воду. Иногда изъ воды высовывалась страшная голова моржа, словно съ удивленіемъ смотрѣла на смѣлую лодку и скоро скрывалась подъ водою. Надъ нами съ пронзительнымъ, непріятнымъ крикомъ по временамъ пролетали чайки; пролетятъ—и снова

все смолкнетъ, только мѣрные удары веселъ о воду нарушаютъ сонную тишину, которая царитъ сейчасъ здѣсь. М. Ив—ичъ, по обыкновенію, волнуется: ему кажется, что тюлени опрокинутъ нашу лодку, и мы всѣ пойдемъ ко дну. Напрасно матросъ убѣждаетъ его, что тюлени, хотя и могли бы опрокинуть лодку, близко къ ней не подойдутъ и потому совершенно безопасны, М. И—ичъ мысленно прощается со свѣтомъ, развлекая своею нервностью товарищей, начинающихъ впадать въ грустно-тоскливое настроеніе—первый признакъ приближающейся морской болѣзни. Но до Троицкой спасательной станціи уже не далеко. Виднѣется берегъ, на которомъ возвышается маякъ, а около него раскинулись постройки и приспособленія для спасенія утопающихъ, преимущественно—поморовъ рыболововъ, застигнутыхъ врасплохъ на своихъ утлыхъ лодкахъ разсвирѣпѣвшимъ моремъ, разбивающимъ вдребезги ихъ примитивныя суда. Мы сошли по какимъ-то доскамъ, брошеннымъ на воду и образующимъ родъ моста, на берегъ, покрытый какими-то рыболовными сѣтями особаго устройства, именно, приспособленными для ловли большихъ рыбъ. Берегъ пустынный и мрачный, кругомъ виднѣется одно только угрюмое, слегка волнующееся море, на которомъ кое-гдѣ бѣлѣются лодки поморовъ, широко, словно крылья, раскинувшія паруса и дожидающіяся попутнаго вѣтра.

На берегу насъ встрѣтилъ монахъ угрюмаго вида, показалъ намъ различные спасательные приборы и объяснилъ назначеніе зданій. Здѣсь мы узнали, что лодка, ѣхавшая впереди съ о. настоятелемъ и другими духовными особами, была на спасательной станціи и отправилась далѣе на Кирилловскія тони, куда о. настоятель просилъ и насъ пріѣхать и откуда всѣ вмѣстѣ мы должны были отправиться въ Анзерскій Голгоѳо-Распятскій скитъ, главная цѣль нашего сегоднешняго путешествія. Извѣстіе, что надо ѣхать еще дальше, сильно не понравилось нашимъ, довольно таки утомившимся, гребцамъ; и дѣйствительно

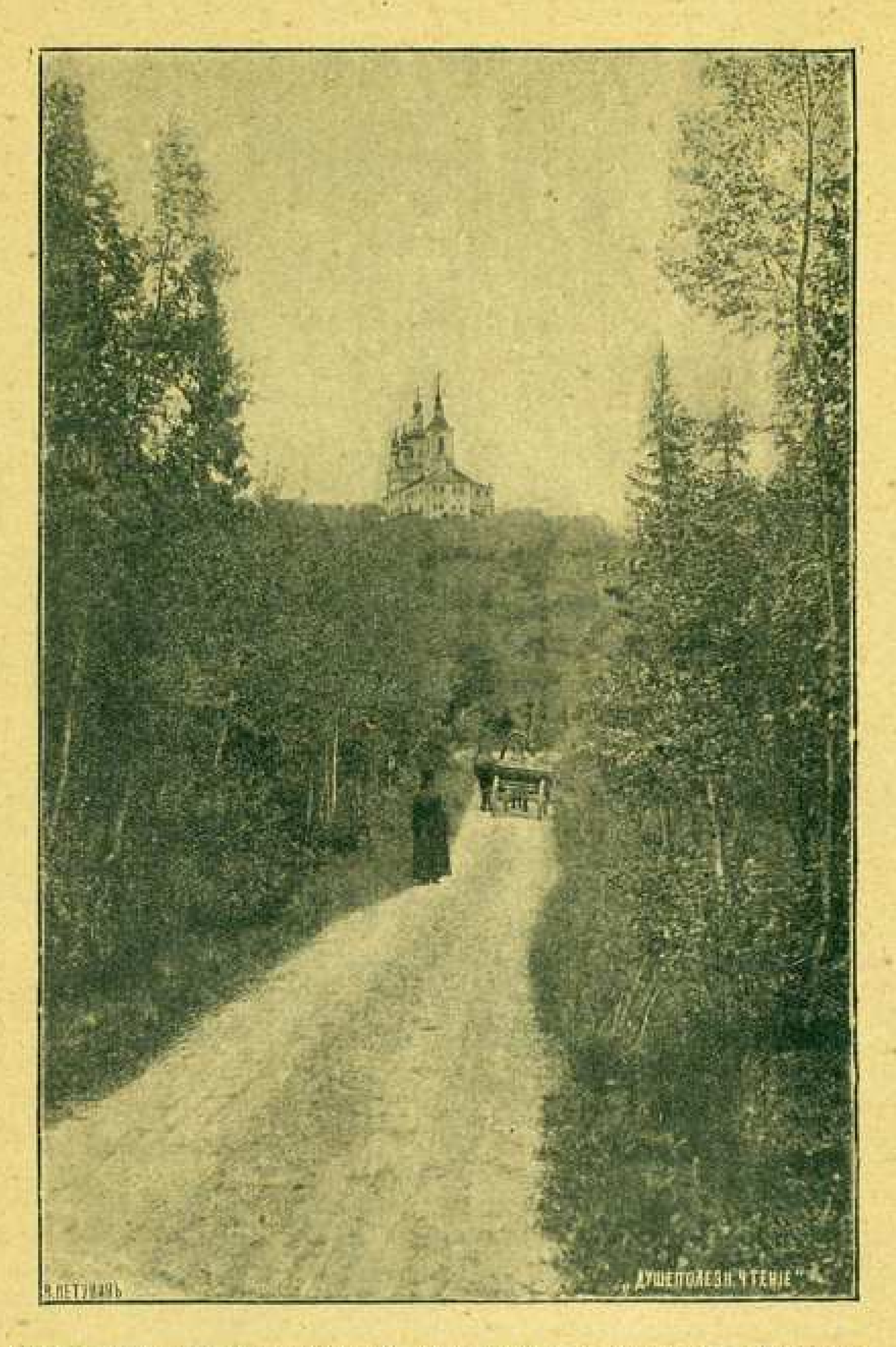
нельзя было заставлять ихъ грести на протяженіи цѣлыхъ пятнадцати верстъ. Поэтому мы рѣшили отпустить гребцовъ, а сами отправились пѣшкомъ по острову прямо въ Голгоѳо-Распятскому скиту.

Дорога одна. Она идетъ по лѣсу, если можно назвать лѣсомъ ту убогую растительность, какую мы встрѣтили здѣсь: низкая, часто ползущая по землѣ береза, да невысокая, тонкая ель; больше ничего. Кругомъ все дико и непріютно и кромѣ того изрядно холодно: словно мы попали сразу въ какую-нибудь другую страну даже по сравненію съ самимъ Соловецкимъ островомъ. Въ самомъ дѣлѣ, 2 часа дня, солнце еще высоко, а мы чуть-чуть не замерзаемъ, такъ какъ почти никто изъ насъ (кромѣ, кажется, благоразумнаго М. Ив—ча) не послушался добраго совѣта настоятеля и не запасся теплою одеждою, а въ сторонѣ отъ дороги, въ лѣсу лежитъ даже снѣгъ, настоящій бѣлый снѣгъ. Можно себѣ представить наше изумленіе, когда мы увидали въ концѣ іюня снѣгъ; имъ тотчасъ же воспользовались, чтобы согрѣться и дорогой «играли въ снѣжки».

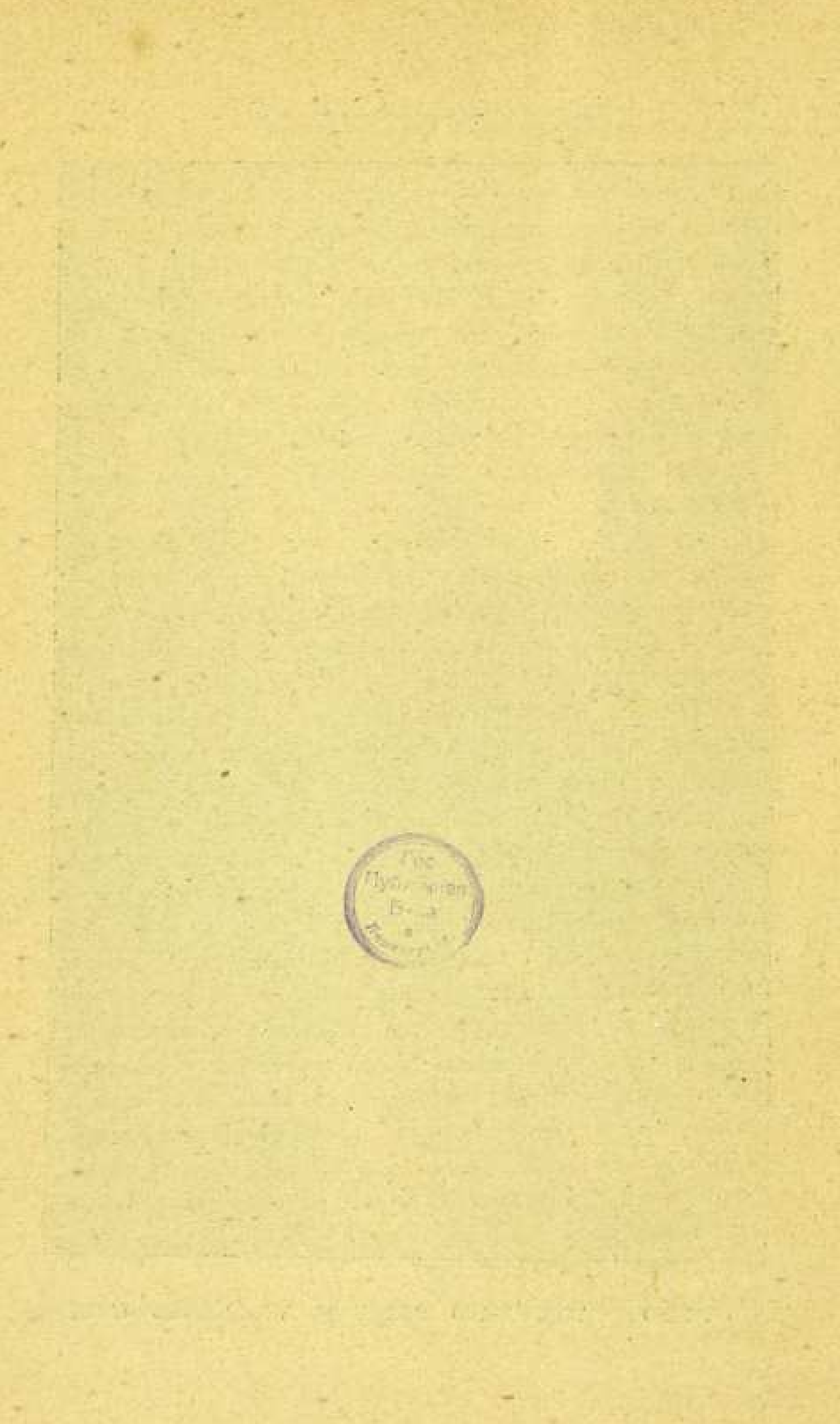
Скоро предъ нами показались признаки жилья: воздѣланный огородъ, на которомъ произрастали какіе-то злаки, проторенная дорожка на крутой горѣ, гдѣ виднѣлись какія то постройки. Мы поднялись на самую вершину горы и здѣсь узнали, что это и есть Спасо Голгоѳскій скитъ или Голгоѳо-Распятскій, какъ его здѣсь называютъ. Этотъ скитъ основанъ недавно о. Іисусомъ—Соловецкимъ монахомъ. О. Іисусъ живетъ сейчасъ въ скиту и написалъ для него уставъ, самый строгій на всемъ Соловецкомъ островѣ. Согласно этому уставу запрещается употреблять въ пищу коровье молоко, масло, даже рыбу, не говоря уже о винѣ. Монахи строгіе вегетаріанцы: они питаются одними только овощами. Кромѣ того, монахамъ запрещается имѣть какую бы то ни было собственность и держать отроковъ, но они должны ежедневно читать въ своихъ келіяхъ по пяти каѳизмъ и 500 молитвъ Іисусовыхъ

и дѣлать 300 поклоновъ. Женщины въ скитъ, по уставу Іисуса, не допускаются. Самъ Іисусъ подаетъ во всемъ примѣръ исполненія устава, но иноковъ въ скиту немного: суровость устава, продолжающаяся почти круглый годъ зима, необыкновенная изолированность скита отъ всего окружающаго міра—не располагаютъ селиться здѣсь. Паломники заходятъ сюда рѣдко, особенно въ то время, когда море со всѣхъ сторонъ оковываетъ, словно желѣзнымъ кольцомъ, острова; когда прекращается навигація, тогда только лисицы да олени посѣщаютъ иноковъ, заходя подъ ихъ гостепріимный кровъ за кускомъ хлѣба, въ чемъ никогда не получаютъ отказа.

Иноки Голгоѳо Распятскаго скита, въ то время, какъ мы подошли къ нему, всѣ были въ сборѣ. Они были предупреждены, что пріѣдетъ ихъ архимандритъ съ другимъ архимандритомъ отъ Троицы, котораго всѣ они почему-то считали намѣстникомъ Лавры и не хотѣли вѣрить будто этотъ архимандритъ—только нашъ инспекторъ—и ждали ихъ. Наконецъ раздался колокольный звонъ: пріѣхали наши отцы. О. А—сій отслужилъ молебенъ въ церкви, непосредственно примыкающей къ корпусу братіи и замѣчательной тѣмъ, что весь иконостасъ и вся церковь были расписаны самими иноками монастыря—и это сразу было замѣтно; на живописи, какъ и на всемъ здѣсь, лежитъ своеобразный отпечатокъ Соловецкаго монастыря. Послѣ молебна многіе купили на память раскрашенные виды святой Голгоѳской горы и затѣмъ поднялись на колокольню, откуда, какъ и съ Сѣкирной горы, открывается довольно красивый видъ. Голгоѳская гора имѣетъ 600 слишкомъ футовъ вышины и съ нея, какъ съ Сѣкирной горы видны всѣ Соловецкіе острова, изрѣзанные дорогами и усѣянные озерами, и далеко-далеко темно-сѣрое море, сливающееся съ горизонтомъ. Но эта картина, подобно виду съ Сѣкирной горы, не радуетъ душу; отъ нея вѣетъ холодомъ сѣверной зимы; она сурова и однообразна, она не способна ласкать взоръ, но зато можетъ

ВИДЪ ГОЛГОѲО-РАСПЯТСКАГО СКИТА НА АНЗЕРСКОМЪ ОСТРОВѢ.

закалять, сосредоточивать, самоуглублять духъ, возбуждать энергію, чѣмъ такъ богаты иноки Соловецкаго монастыря.

Когда мы спустились съ колокольни, откуда смотрѣли на острова, намъ предложили пройти въ корпусъ братіи и здѣсь угостили чаемъ, что было вполнѣ кстати, такъ какъ холодъ давалъ себя чувствовать довольно сильно. Необыкновенно большихъ размѣровъ самоваръ, самой старинной конструкціи, пыхтѣлъ на столѣ, возлѣ него суетился о. И., стараясь угостить всѣхъ: онъ бѣгалъ взадъ и впередъ и урывками разсказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, отвѣчая на наши вопросы. Слава Богу, говорилъ онъ, живемъ мы хорошо, молимся каждый день Богу, работаемъ, сколько по силамъ, только вотъ холодно у насъ— это правда; топимъ печи мы круглый годъ и зимой и лѣтомъ, да и снѣгъ-то у насъ лежитъ круглый годъ почти; за то и спокойно здѣсь: какъ подуетъ холодкомъ съ моря, да поднимется вьюга, разбушуется мятель — и занесетъ насъ такъ, что къ намъ ни пути, ни дороги не будетъ, и живемъ мы девять мѣсяцевъ, не видя лица человѣческаго, даже съ горы-то невозможно спуститься, всю какъ есть снѣгомъ заноситъ, только и выйдешь развѣ одинъ разъ въ день—воду принести, а то сидишь въ своей келліи— Богу молишься, да работаешь.

Было поздно, когда мы прощались съ Голгоѳо-Распятскимъ скитомъ. Оставайтесь здѣсь, говорилъ о. настоятель, обращаясь къ студентамъ, мы сейчасъ и постригли бы васъ; вотъ это славно было бы, оставайтесь въ самомъ дѣлѣ, ну хоть вы В. П—ичъ, поддакивалъ о. Ин—оръ, я самъ остался бы здѣсь, если бы могъ. Да, вѣроятно, когда-нибудь и поселюсь на Соловкахъ, если Богъ дастъ: очень хорошо здѣсь. Ну, Алеша К—зовъ, давайте пострижемъ васъ въ монахи, и останетесь жить здѣсь — идетъ? — Но Алеши уже и слѣдъ простылъ.

Коляски дожидались насъ у подножья горы. Среди горы, когда мы остановились, чтобы подождать отставшихъ пут-

никовъ, о. настоятель предложилъ намъ что-нибудь спѣть. Его предложеніе нашло горячій откликъ въ торжественно-настроенныхъ обстановкой и всѣми впечатлѣніями дня молодыхъ сердцахъ, и чрезъ нѣсколько минутъ сонная тишина пустыни была разбужена стройными звуками гимна: Девять вѣковъ миновало... Все, что открывалось предъ нами съ горы—пустынный, одинокій, заброшенный среди далекаго моря островъ, усѣянный храмами и крестами олицетворящій торжество христіанства—служило какъ бы живою иллюстраціею къ словамъ свящ. гимна, и это соотвѣтствіе между словами и окружающихъ воодушевляло исполнителей; казалось, что вся природа прониклась тѣми же чувствами, какія выражаются въ гимнѣ, на душѣ становилось свѣтло и отрадно, а на глазахъ нѣкоторыхъ исполнителей навертывались слезы. Затѣмъ, спѣли: «Боже, царя храни», еще нѣсколько гимновъ и отправились далѣе къ тому мѣсту, гдѣ дожидались насъ экипажи. Дорогою снова разговаривали съ о. Настоятелемъ о Соловкахъ, объ ихъ теперешнемъ положеніи и исторіи. О. Настоятель самъ изучаетъ исторію Соловецкаго монастыря по оставшимся въ монастырѣ рукописямъ и живо заинтересованъ ею. Особенно воодушевляется, когда упоминаютъ о Соловецкомъ бунтѣ. Никогда Соловецкіе монахи не бунтовали, говоритъ онъ, къ такому выводу я пришелъ на основаніи изученія рукописей, хранящихся до сихъ поръ въ библіотекѣ нашего монастыря. Монахи Соловецкіе всегда оставались вѣрными царю и церкви, а если и было волненіе въ Соловецкомъ монастырѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, то виноваты въ этомъ не монахи, а разные бродяги-пришельцы, которые спрятались отъ преслѣдованій въ монастыри и захватили въ свои руки власть, монахи же коренные,—Соловецкіе никогда не были солидарны съ ними. Громкій звонъ на небольшой колокольнѣ Анзерскаго скита извѣстилъ насъ о томъ, что мы приближаемся къ нему. И дѣйствительно, скоро изъ-за горы показалась небольшая церковь, совершенно затерявшаяся, вмѣстѣ съ при-

мыкающимъ къ ней монашескимъ корпусомъ, въ горной впадинѣ.

Анзерскій скитъ — небольшой и производитъ грустное впечатлѣніе на зрителя скудостью окружающей его природы, онъ выглядываетъ необыкновенно тоскливо; кажется, что это остатки какого-нибудь разореннаго и заброшеннаго хозяйства; несмотря на все трудолюбіе монаховъ, огородъ, разведенный предъ церковію скита, почти совершенно пустъ. Иноки не несутъ здѣсь особаго послушанія и все свободное время проводятъ въ молитвѣ, чтеніи псалмовъ и духовномъ созерцаніи.

Послѣ молебна, который отслужилъ о. А—сій въ Анзерскомъ скитѣ при пѣніи студенческаго хора, насъ пригласили въ трапезную, гдѣ угостили простымъ, но сытнымъ обѣдомъ.

Послѣ обѣда сердечно простившись съ насельниками скита мы отправились домой, на Соловецкій островъ, размѣстились въ своихъ линейкахъ спинами другъ къ другу и поѣхали. Снова — море. Насъ встрѣтили здѣсь отдохнувшіе гребцы съ отцомъ И. во главѣ, распоряжавэшэмя приготовленіемъ лодокъ для почетныхъ гостей.

Было совершенно свѣтло, когда мы сѣли въ лодки. «А все-таки часовъ семь есть теперь», замѣтилъ о. И—оръ. Кто-то изъ участниковъ экспедиціи вынулъ часы и посмотрѣлъ: оказалось ко всеобщему удивленію 11 часовъ, но солнце было высоко надъ горизонтомъ и свѣтло, какъ днемъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ мы плыли все далѣе и далѣе проливомъ, солнце быстро стало спускаться и безъ четверти въ 12 ть оно утонуло въ морѣ, золотя своими лучами всю поверхность моря съ правой стороны отъ нашей лодки. Картина захода солнца на Бѣломъ морѣ необыкновенно живописна и глубоко врѣзалась въ память всѣмъ участникамъ путешествія на Анзерскій островъ. Спустя полчаса, только что мы вышли на берегъ около Реболды, солнце снова заблестѣло надъ горизонтомъ съ лѣвой стороны отъ насъ и позолотило другую половину моря.

Эта быстрая смѣна заката восходомъ тѣмъ болѣе поразила насъ, что за все время былъ совершенно дневной свѣтъ, была бѣлая ночь. Около двухъ часовъ ночи мы вернулись въ Соловецкій монастырь, погруженный въ глубокій сонъ.

Слѣдующій день былъ днемъ нашего отъѣзда изъ Соловецкаго монастыря. Пароходъ «Соловецкій» долженъ былъ въ 11 часовъ утра сняться съ якаря. Собственно говоря, онъ долженъ бы былъ по расписанію итти наканунѣ, но о. Архимандритъ хотѣлъ оказать намъ послѣднюю любезность—дать возможность побывать на Анзерскомъ островѣ и потому отложилъ на день отплытіе парохода. Намъ оставалось познакомиться еще съ Муксальмскимъ островомъ, гдѣ находится монастырская ферма; просить задержать пароходъ еще на день было не удобно тѣмъ болѣе, что паломникамъ, пріѣхавшимъ ранѣе насъ въ Соловки, было непріятно изъ-за насъ оставаться на два лишнихъ дня, но и намъ въ свою очередь не хотѣлось уѣзжать изъ Соловокъ не посмотрѣвши всего—это прекрасно пойметъ тотъ, кому приходилось путешествовать по далекимъ и чужимъ странамъ и кого тяготило непріятное чувство боязни не пропустить чего-нибудь, заслуживающаго вниманія, новаго и интереснаго; хоть одинъ еще лишній видочекъ увидать, говорилъ, намъ почтенный коллега, М. Ив—овичъ, какъ нельзя лучше выражая этимъ обыкновенно одолѣвающую путешественниковъ жажду новыхъ впечатлѣній и ревнивое отношеніе къ нимъ. И намъ не хотѣлось уѣзжать изъ далекаго Соловецкаго монастыря, не побывавъ на Муксальмѣ: «кто знаетъ, приведется ли когда нибудь еще быть тамъ далеко на сѣверѣ и попасть въ Соловецкій монастырь»—думали многіе про себя, а можетъ быть на Муксальмскомъ островѣ есть что нибудь новое и интересное. Правда въ нашемъ печатномъ путеводителѣ мы читали, что на Муксальмѣ, кромѣ довольно благоустроенной молочной фермы, нѣтъ ничего особеннаго, но русскій, какъ извѣстно, глазамъ не вѣритъ, поэтому мы рѣшили еще наканунѣ, когда возвращались изъ Анзер-

скаго скита, непремѣнно посѣтить Муксальмскій островъ и осмотрѣть ферму до отхода парохода, для чего встать въ пять часовъ утра.

Спустя три часа по пріѣздѣ изъ Анзерскаго скита, только что настоящій крѣпкій сонъ сталъ было забирать, насъ разбудили, чтобы ѣхать на Муксальму. Экипажи были готовы. В. Павловичъ ходилъ по нумерамъ и помогалъ молодымъ паломникамъ, къ тому же утомившимся путешествіемъ предшествующаго дня, освободиться отъ желѣзныхъ объятій Морфея. Но обаяніе сна было такъ велико, что изъ подъ власти Морфея не всѣмъ удалось освободиться даже при помощи Владиміра Павловича. Нѣкоторые предпочли темныя грезы ночи и сладкую дрему подъ теплымъ одѣяломъ свѣжей утренней прогулкѣ, обѣщавшей новыя впечатлѣнія — въ жизни это часто случается — и остались. Другіе наскоро одѣлись, умылись и вышли на крыльцо гостинницы.

Что было раннее утро—это можно только замѣтить по небольшому туману, убѣгавшему отъ святого озера къ лѣсу по мѣрѣ того какъ солнце, поднявшееся почти къ срединѣ неба, накаляло воздухъ. Изъ-за стѣны монастыря неслись монотонные, заунывные звуки, призывавшіе богомольцевъ къ богослуженію. По тропинкѣ отъ гостинницы къ монастырю вереницею тянулись богомольцы и быстро одинъ за другимъ скрывались за темными воротами монастыря.

До Муксальмы—десять верстъ. Дорога уже отчасти намъ знакомая, такъ какъ идетъ мимо хижины св. Филиппа. Между островами Соловецкимъ и Муксальмскимъ—проливъ около версты длиною, но намъ не пришлось въ этотъ разъ утруждать гребцовъ, такъ какъ этотъ проливъ забросанъ морскими камнями, на которыхъ сдѣлана прекрасная дорога, ничѣмъ не отличающаяся отъ дороги по лѣсу. Это плотина—гигантское сооруженіе рукъ человѣческихъ, о чемъ мы уже говорили (см. гл. VII). Былъ приложенъ и видъ этой удивительной плотины, или «Ка-

меннаго моста, соединяющаго Соловецкій островъ съ Муксаломскимъ».

Монастырская молочная ферма, про которую намъ много разсказывали въ монастырѣ и которую совѣтовали посмотрѣть, какъ образецъ благоустройства, въ дѣйствительности не представляетъ ничего особеннаго. Это обыкновенная ферма помѣщика средней руки изъ степной губерніи и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть названа образцовою. Правда, скотъ здѣсь (коровъ около полутораста головъ, кромѣ того есть лошади) очень крупныхъ размѣровъ: находили, что здѣшняя двухгодовалая телка больше самой большой коровы нашей средней полосы — и это, быть можетъ, правда; но на то этотъ скотъ и Холмогорскій. Что же касается собственно благоустройства фермы, то тутъ больше претензій на благоустройства, чѣмъ дѣйствительныхъ удобствъ: ферма не можетъ похвастаться особенною чистотою, а это—главное. Фермою завѣдуютъ иноки-скотоводы, у нихъ здѣсь небольшой домъ и при немъ церковь. Если вообще Соловецкіе иноки простецы, то Муксальмскіе иноки простецы по преимуществу; мы съ интересомъ выслушали ихъ разсказы о нравахъ и образѣ жизни скота, съ которымъ они прекрасно познакомились и сдружились. При иноческихъ келліяхъ—молочная, гдѣ братія занимается выдѣлкою масла, сыра, творогу и т. д. Въ 8 часовъ мы уже вернулись назадъ, въ Соловецкій монастырь. До отхода парохода оставалось три часа, но въ 10 часовъ предполагался напутственный молебенъ у раки преподобныхъ для отъѣзжающихъ, такъ что въ нашемъ распоряженіи оставалось всего только два часа. Пользуясь этимъ временемъ, мы бѣгло осмотрѣли монастырскія мастерскія, докъ, нѣкоторыя изъ монашескихъ келій. Были въ мастерскихъ—иконописной, столярной, слесарной, сапожной и другихъ, но время было неблагопріятно для осмотра: мастерскія въ полномъ ходу зимою, лѣтомъ же большинство иноковъ занимается работою подъ открытымъ небомъ. Въ производствѣ нѣкото-

рыхъ вещей, требующихъ главнымъ образомъ труда и усидчивости, Соловецкіе иноки достигаютъ поразительныхъ результатовъ. То же надо сказать и про кораблестроительную дѣятельность иноковъ. У нихъ прекрасный докъ, гдѣ они сами, безъ помощи спеціалистовъ, чинятъ суда и строятъ новыя; но здѣсь «неумѣнье» обходится имъ не дешево. Недавно одинъ пароходъ, выстроенный монахами, потерпѣлъ аварію, только что выйдя въ море; на починку его потребовалась громадная сумма, но знающіе люди увѣряютъ, что судно опять будетъ негодно для плаванія, если монахи не пригласятъ умѣлыхъ людей. Въ прежнее и сравнительно недавнее время въ Соловецкомъ монастырѣ были свои смолокуренные, кирпичные, гончарные и другіе заводы, вообще иноки ничего не покупали, такъ какъ у нихъ все было свое. Теперь—нѣкоторыхъ заводовъ нѣтъ совсѣмъ, и иноки вынуждены многое покупать въ Архангельскѣ.

Посѣтили мы и келліи нѣсколькихъ иноковъ. Всѣ они устроены по одному образцу: длинныя и узкія, пропитаны запахомъ ладана и деревяннаго масла; въ переднемъ углу, сплошь уставленномъ иконами различной величины, теплится лампадка, внизу аналой съ евангеліемъ. Пытались было мы отъ одного старца-схимонаха, къ которому зашли въ келлію, услышать слово назиданія, но напрасно. Занятый, вѣроятно, внутреннимъ самосозерцаніемъ, старецъ на всѣ наши вопросы отвѣчалъ: «милости прошу, спасибо, что навѣстили»—и только.

Торжественный напутственный молебенъ предъ раками преподобныхъ Зосимы и Савватія совершалъ самъ о. настоятель. Мы еще разъ пѣли. Въ церковь собрались всѣ отъѣзжающіе паломники и горячо молились о спасеніи въ предстоящемъ плаваніи по морю и вообще о благополучномъ плаваніи по житейскому морю, на которомъ нерѣдки бури и много подводныхъ камней, по словамъ Ин—ора, который, «почувствовавъ какъ бы какой-то таинственный голосъ въ себѣ», послѣ молебна сказалъ глубоко прочув-

ствованное прощальное слово о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія уносятъ съ собою паломники изъ Соловецкаго монастыря. Слушатели плакали, да и онъ самъ едва удерживался отъ слезъ.

Послѣ молебна простились съ отцомъ Настоятелемъ, чрезвычайно радушно принявшемъ паломниковъ. Онъ благословилъ насъ иконами. Прощаніе было трогательно. Послѣ взаимнаго выраженія благопожеланій и благодарности, студенты по предложенію о. И—ора дружно спѣли о. настоятелю: «многая лѣта» и пожелали процвѣтанія монастырю.

Когда пришли мы на пароходъ, онъ былъ полонъ богомольцами, отправлявшимися на родину. Наши «безплатные мѣста» во второмъ классѣ, гдѣ мы ѣхали въ Соловки, оказались случайно проданными, и намъ пришлось размѣститься на верхней палубѣ третьяго класса. Правда воздухъ здѣсь совершенно невыносимъ, а обстановка въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи такова, что одинъ видъ ея вызываетъ приступы морской болѣзни, но дѣлать было нечего, и намъ пришлось, какъ говорятъ, подчиниться обстоятельствамъ, хотя обстоятельства въ большинствѣ случаевъ бываютъ живыми людьми. На палубѣ 3 класса господствовало необычайное оживленіе: стоялъ гулъ разговаривавшихъ голосовъ. Но вотъ раздалась команда капитана—и все смолкло. Параходъ заскрипѣлъ и сталъ медленно отчаливать отъ берега, паломники сняли шапки и дружно громко запѣли величаніе Соловецкимъ Угодникамъ, звуки котораго разнеслись далеко по окрестности. Смѣшанныя чувства волновали грудь: чувство радости наполняло сердце при мысли, что ѣдешь изъ этой дикой, угрюмой и неприютно-холодной страны со скудною природою на родину, «гдѣ солнце краше и весна теплѣй»; но съ другой стороны, было грустно разставаться съ тихою, уединенною обителью и ея добрыми и простыми насельниками, этими великими молитвенниками земли Русской, полными нравственной энергіи и силы, торжествующими надъ самою природою и посылающими всюду лучи духовнаго свѣта и тепла...

Обратный путь изъ Соловковъ не представлялъ чего-нибудь особенно интереснаго. Дорога была уже знакомая, а море по прежнему бушевало. Послѣдвій разъ мелькнули вдали крыши монастырскихъ зданій, и насъ окружило безконечное, сѣрое водное пространство. Одинъ взглядъ на море въ связи съ воспоминаніями о перенесенныхъ здѣсь испытаніяхъ возбуждалъ въ сердцѣ инстиктивный ужасъ. Правда море пока спокойно: но спокойствіе его ненадежно, тѣмъ болѣе, что подымается холодный вѣтеръ, и по водѣ забѣгали бѣленькіе гребешки. Недобрый знакъ! Дѣйствительно, къ вечеру все море сполошилось. Оно ходило горами, какъ щепку толкая пароходъ взадъ и впередъ. Громадныя волны, набѣгая другъ на друга, сталкивались и разсыпались милліонами серебристыхъ брызгъ. Иногда волны, какъ будто вступали въ единоборство и долго кружились на одномъ мѣстѣ, образуя водоворотъ, затѣмъ съ шумомъ разбѣгались въ разныя стороны. Но всего интереснѣе было смотрѣть на то, какъ волны сталкиваясь одна съ другою, или, ударяясь о пароходъ, взвивались кверху и разсыпались затѣмъ серебристымъ дождемъ. Потемнѣвшее море смотрѣло мрачно и угрюмо и, казалось, было готово поглотить пароходъ. Скоро качка начала укладывать пассажировъ по койкамъ, диванамъ и даже по палубѣ парохода; появились и другіе симптомы морской болѣзни. Качка продолжалась до самаго Архангельска и произвела такое сильное впечатлѣніе, что человѣка 3—4 изъ нашей компаніи отказались ѣхать съ нами далѣе, боясь качки на Ладожскомъ озерѣ, которое считается очень неспокойнымъ.

Въ Архангельскъ пріѣхали часовъ около 10-ти, поѣздъ же въ Ярославль уходитъ одинъ разъ въ день—въ 7 часовъ утра, слѣдовательно, опоздали; пришлось еще сутки провести въ Архангельскѣ. Съ достопримѣчательностями города мы познакомились уже, поджидая Соловецкаго парохода, смотрѣть больше было нечего; а самъ городъ — чистенькій, однообразный, небольшой, ничего особеннаго не представляетъ. Красавица Двина, широко, подобно морю,

раскинувшаяся подъ городомъ — то же не радовала насъ. Смотрѣть не хотѣлось на воду, послѣ пережитой на морѣ во время ночи качки. Съ водою ассоціировались непріятныя воспоминанія.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня перебрались на маленькомъ пароходикѣ на другую сторону Двины къ лѣтнему вокзалу Архангельско-Ярославской ж. дороги, находящемуся за рѣкою вблизи города. Лѣтнимъ этотъ вокзалъ называется потому, что въ зимнее время поѣзда въ Архангельскъ доходятъ только до станціи Исакогорки, находящейся верстахъ въ 10-ти отъ Архангельска. Путешествіе по желѣзной дорогѣ намъ мало улыбалось: надо было сдѣлать болѣе 1½ тысячи верстъ. Билеты взяли до Петербурга черезъ Вологду, Ярославль, Рыбинскъ и Бологое. Особенно непріятно будетъ, думали мы, ѣхать по Архангельской дорогѣ, которая идетъ по совершенно пустынной мѣстности и, какъ говорили, черепашьимъ шагомъ. Дорога до Вологды узкоколейная и сначала оправдала было свою репутацію. Поѣздъ тронулся, полчаса спустя послѣ срока. Параллельно линіи желѣзной дороги идетъ другая дорога, на которую наложены другъ подлѣ друга толстые аршина въ полтора длиною столбы. Это сдѣлано для того, чтобы во время постройки дороги не проваливалась нога въ вязкую почву тайги. Проѣхали верстъ пять-шесть. Вдругъ поѣздъ ѣдетъ обратно. Что за оказія? Оказывается, что-то машинистъ забылъ на станціи. Ну порядки! Къ первой станціи Исакогорки пріѣхали съ опозданіемъ ровно на часъ. Стали гадать: пріѣдемъ ли мы такъ когда-нибудь въ Вологду-то. Однако дальше поѣздъ пошелъ очень ходко и не заставлялъ на себя больше жаловаться. Дорога необыкновенно пустынная. Почти до самой Вологды у станцій ни одной деревни. По обѣ стороны дороги громадный почти мачтовый лѣсъ. Деревья, словно сторожевые великаны, стоятъ, не шелохнутся; въ лѣсу незамѣтно никакихъ признаковъ жизни. Одна станція отъ другой отстоятъ на громадномъ разстояніи, а между ними одинъ лѣсъ. Станціонныя зданія

выстроены оригинально: они двухъэтажныя, узкія, въ видѣ какихъ-то виллъ и всѣ похожи другъ на друга. Названія самыя странныя (Нядома, Шоусма и т. п.). Около каждой станціи лавка, а больше ничего. Народу было въ поѣздѣ немного, и мы расположились всѣ вмѣстѣ довольно удобно, какъ только можно расположиться въ вагонѣ третьяго класса. О. инспекторъ и о. Анастасій, разумѣется, ѣхали вмѣстѣ съ нами. Вопросъ о питаніи, по обычаю, какъ почти во все время пути, былъ больнымъ. Въ Архангельскѣ не успѣли купить провизіи. Питаться въ буфетахъ— не по карману, а въ лавочкахъ на нашу компанію нечего было покупать; поэтому больше пробавлялись чайкомъ, какъ подобаетъ настоящимъ паломникамъ. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня безъ остановки проѣхали мимо Вологды и отсюда уже по знакомой дорогѣ направились къ Ярославлю, куда пріѣхали подъ вечеръ. Волжскій красавецъ показался издали, блестя крестами и главами своихъ многочисленныхъ церквей подъ яркими лучами потухающаго солнца. Особенно красива была Волга, когда мы переправлялись черезъ нее. На водѣ догорали послѣдніе лучи солнца; тамъ и здѣсь мелькали огненныя точки: это—отраженіе электрическихъ огней на пароходахъ, бороздившихъ рѣку во всѣхъ направленіяхъ.

Изъ Ярославля поѣздъ отправляется въ Петербургъ черезъ Рыбинскъ и Бологое утромъ. Пришлось переночевать. Паломники разбрелись. Кто ушелъ къ знакомымъ въ городѣ; кто—въ номеръ, большинство же ночевало на вокзалѣ, комфортабельно расположившись на деревянныхъ лавкахъ и подложивъ подъ голову кулакъ или шапку. Утромъ 27-го числа выѣхали изъ Ярославля, а въ полдень были уже въ Рыбинскѣ. Пользуясь двухъчасовой остановкой поѣзда осмотрѣли городъ. Вокзалъ громадный. За нимъ непосредственно небольшой, но уютный садикъ, гдѣ растутъ лопухи чуть не въ человѣческій ростъ. На лавочкахъ сидятъ съ книжечками рыбинцы; но читаютъ, кажется, меньше, чѣмъ посматриваютъ на прохожихъ. Городъ боль-

шой, по крайней мѣрѣ, не менѣе Вологды. Дома большею частію каменные, двухъэтажные. Много учебныхъ заведеній. Мы посѣтили большой Рыбинскій соборъ. Были на набережной. Волга здѣсь не широка, но вся запружена судами; Рыбинскъ, главнымъ образомъ, городъ торговый.

Путь отъ Рыбинска до Петербурга прошелъ незамѣтно. Поѣздъ шелъ быстро. Наружи все время моросилъ дождикъ. Въ вагонахъ занимались то чтеніемъ, то бесѣдами съ пасажирами. Наконецъ, замелькали безчисленныя трубы заводовъ; показались дачи. Мы пріѣхали въ Сѣверную столицу. Въ виду того, что на слѣдующій день на Валаамѣ храмовой праздникъ въ честь Сергія и Германа, мы, не медля ни минуты, направились къ Невской пристани и сѣли на пароходъ, отходящій черезъ часъ на Валаамъ въ 10 часовъ утра. Предъ отходомъ иноками Валаамскаго подворья былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго пароходъ сталъ сниматься съ якоря. На пристани цѣлая толпа народу махаетъ платками и шляпами. Пускай, пускай отъ свѣту, кричитъ толстый финнъ, капитанъ парохода на толпящуюся на палубѣ публику, не засти, пускай.

Іюньскій знойный день занимается надъ столицею; съ берега доносится колокольный звонъ по случаю праздника; по Невѣ взадъ и впередъ снуютъ пароходики. Лавируя между ними, нашъ небольшой «Александръ II-й» быстро бѣжитъ впередъ по темной водѣ Невы мимо громадныхъ многоэтажныхъ фабричныхъ зданій, за которыми вереницею потянулись дачи. Нева не широка, но полноводна. Она ежедневно вливаетъ въ море до 340 кубическихъ саженъ воды. Ѣхать по ней пришлось довольно долго до впаденія ея въ Ладожское озеро. Наконецъ, показался вдали укрѣпленный Шлиссельбургъ, древній Орѣшекъ, раскусить который удалось Петру Великому. Когда мы подъѣхали къ нему, то встрѣтили необычайную картину, которая, быть можетъ, никогда не изгладится изъ нашей памяти. Недалеко отъ пристани стоялъ пароходъ, сплошь усѣянный народомъ. На мостикѣ стоялъ священникъ и, размахивая

въ тактъ руками, запѣвалъ священныя пѣсни. Масса съ необыкновеннымъ энтузiазмомъ подхватывала ихъ и составляла одинъ мощный хоръ, пѣнiе котораго далеко разносилось по морю. Повидимому, это была загородная поѣздка, организованная однимъ изъ петербургскихъ религiозно-просвѣтительныхъ обществъ. Завидѣвъ насъ, всѣ стали махать платками и шляпами. Мы отвѣчали имъ тѣмъ же. Вскорѣ однако нашъ пароходъ повернулъ въ сторону, и дивное видѣнiе исчезло. Но долго еще намъ представлялся этотъ пароходъ усѣянный народомъ и вдохновенный священникъ, одушевлявшiй своихъ спутниковъ и какъ бы парившiй надъ ними... Въѣхавъ въ Ладожское озеро, мы нашли его совершенно спокойнымъ, вопреки всѣмъ предсказанiямъ. Солнце весело играло на свѣтло-голубыхъ водахъ. Многiе изъ нашихъ паломниковъ, при въѣздѣ въ озеро, малодушно попрятались было по койкамъ, но скоро снова показались на палубѣ, откуда въ прекрасный теплый день чу́дно было смотрѣть на разстилавшееся кругомъ безбрежное пространство воды. Ладожское озеро очень велико, и многiя моря, вродѣ Мраморнаго или Мертваго, вѣроятно, менѣе его, но оно имѣетъ прѣсную воду, почему и сохранило названiе озера.

Время переѣзда по Ладожскому озеру прошло скоро и незамѣтно. Пароходъ финскiй и вся прислуга на немъ финская, почти ничего не понимающая по-русски, вслѣдствiе чего выходило не мало недоразумѣнiй съ пасажирами; но за то мы учились у финновъ говорить по-фински и заучили нѣсколько словъ, пригодившихся намъ во время поѣздки на Иматру. Пасажиры были преимущественно богомольцы, отправлявшiеся на Валаамскiй праздникъ изъ Петербурга. Но какая разница между пасажирами ѣхавшими въ Соловки для богомолья и здѣшними. Не говоря уже о томъ, что тамъ преобладали простые крестьяне, а здѣсь были, большею частiю, горожане, громадная разница между тѣми и другими была въ настроенiи. Тамъ на Соловецкомъ пароходѣ не было даже буфета;

пасажиры тамъ пѣли или проводили время въ разговорахъ душеспасительнаго содержанія; здѣсь, наоборотъ, проводили время очень весело. Нѣкоторые купцы изъ Петербурга ѣхали на Валаамъ, какъ они говорили, на мѣсяцъ-другой «протрезвиться» и, зная строгость монашескихъ уставовъ, въ послѣдній разъ старались насладиться благами міра. Мы расположились во второмъ классѣ, занявъ всю общую каюту его. Но быть больше приходилось на палубѣ, такъ какъ, по уставу парохода, ѣсть свою пищу или пить свой чай нельзя въ каютахъ перваго и второго классовъ.

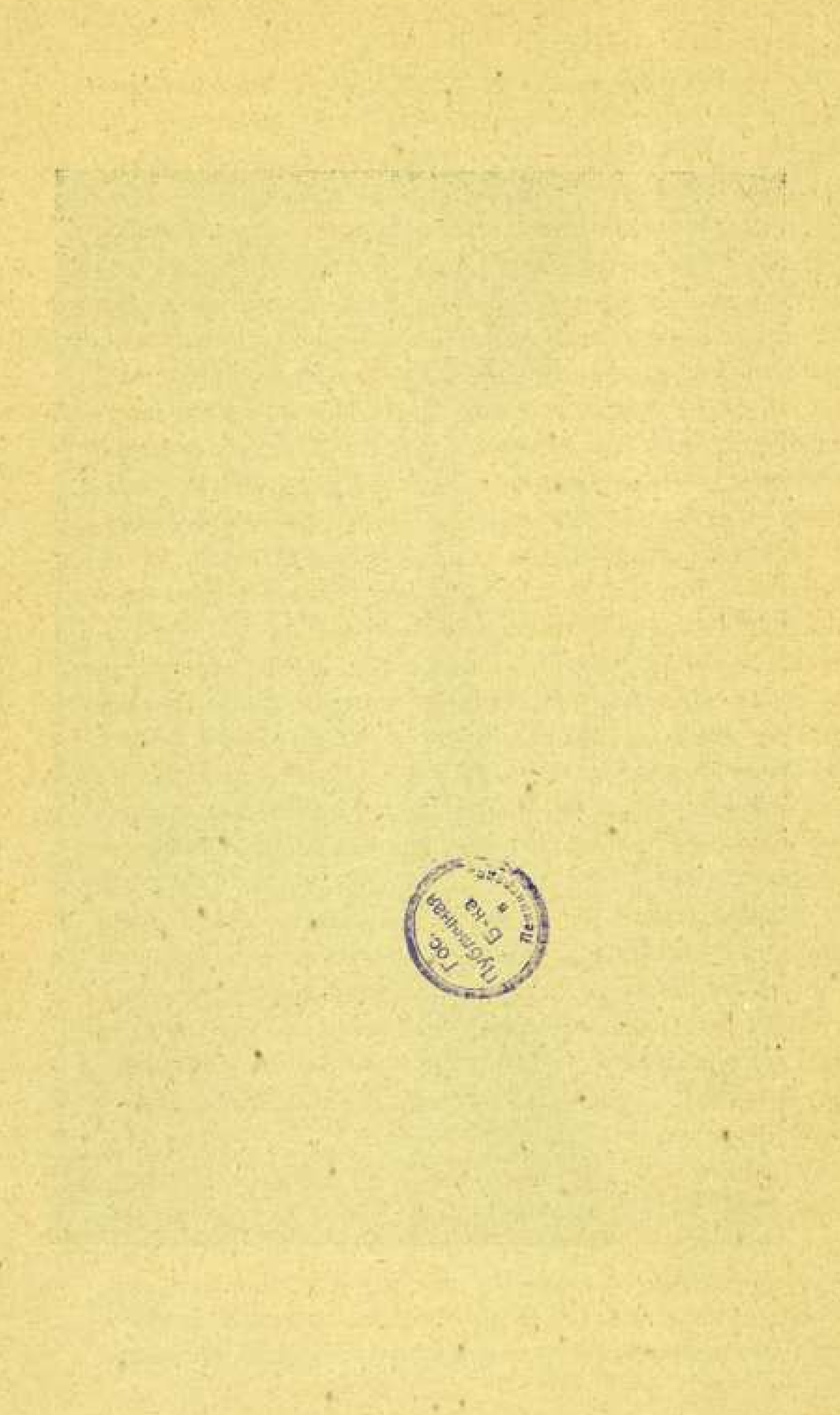
Обыкновенно, пароходъ въ тотъ же день приходитъ на Валаамъ, въ который онъ вышелъ изъ Петербурга; но въ виду сильныхъ лѣтнихъ тумановъ плаваніе ночью по озеру очень скалистому и имѣющему крайне различную глубину считается опаснымъ. Поэтому часовъ около 11-ти вечера нашъ пароходъ остановился на ночлегъ около Коневецкаго острова, на которомъ находится Коневскій древній монастырь. Въ немъ мы и ночевали, въ прекрасныхъ, отведенныхъ намъ монахами, номерахъ. Въ Коневцѣ такая же суровая, дикая, но и величественная природа, какъ на Валаамѣ и вообще въ Финляндіи, тѣ же громадные скалы, тотъ же роскошный лѣсъ. Луна золотистымъ, блѣднымъ свѣтомъ заливала всю окрестность; ночь была такая чудная и теплая, что, несмотря на всю усталость, мы рискуя заблудиться, отправились въ лѣсъ, гдѣ находится конь-камень (камень, похожій на коня), на которомъ въ древнія языческія времена приносились кровавыя жертвы.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня, отслушавъ въ Коневецкомъ монастырѣ утреню, мы снова сѣли на пароходъ, который направился къ Валааму, до котораго оставалось 3—4 часа пути. Озеро попрежнему было спокойно. Съ лѣвой стороны виднѣлись высокіе скалистые берега, покрытые чудною растительностью.

Около десяти часовъ пароходъ началъ входить въ монастырскій заливъ; показались изъ-за лѣсу золотыя главы часовни Николая Чудотворца и за нею на горѣ цѣлый

ВЪѢЗДЪ ВЪ МОНАСТЫРСКУЮ БУХТУ.

рядъ главъ и построекъ самого монастыря. Еще четверть часа, и мы на дивномъ островѣ, въ той обители мира, о которой такъ много говорятъ и пишутъ наши паломники. Поистинѣ—это тихій, уютной уголокъ Ладожскаго моря. Среди безконечной водной стихіи, почти всегда шумной и грозной, возвышается цѣлый рядъ мелкихъ островов, покрытыхъ разнообразною зеленью, украшенныхъ часовнями и скитами. Живописно и пестро, какъ причудливые оазисы, выглядываютъ изъ воды эти незначительныя точки материка. Онѣ то поднимаются высокою гранитною скалой и представляютъ какъ бы мрачныя гигантскія стѣны, нерѣдко достигающія двадцати и болѣе саженъ надъ поверхностію воды, то идутъ вверхъ крутымъ или пологимъ скатомъ, то низменны, красиво изрѣзаны бухтами и заливами. Рѣзво играютъ сердитыя волны, постоянно ударяясь о твердые гранитные берега Валаамскаго архипелага, но онѣ безсильны и слабы сдвинуть ихъ съ своего мѣста и очистить для себя просторъ. Вотъ, глядишь, несется бѣлый водяной валъ, за ними другой, третій и т. д., съ шумомъ и ревомъ бросаются они къ скалистому берегу, но скоро отступаютъ отъ него, какъ бы сраженные исполинскою мощью, и теряютъ свою силу, разбиваясь въ воздухѣ мелкою цвѣтною дробью.

Столько столѣтій продолжается эта грозная борьба суши и моря, а Валаамскій архипелагъ все также непоколебимъ и также побѣдоносно выглядитъ среди водной массы сердитаго озера. Такъ и кажется, что сама природа употребила всѣ усилія, чтобы изъ своихъ нѣдръ создать прочное, могучее поселеніе для мирныхъ отшельниковъ знаменитой обители.

Въ началѣ 10 часа утра мы были уже на пристани. Было 28-е іюля—день памяти Свв. Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ. Величественно смотрѣла на насъ съ высокаго берега обитель, окруженная со всѣхъ сторонъ цѣлыми рощами дубовъ, березъ, сосенъ, пихтъ и клена. На набережной встрѣтила насъ веселая празднич-

ная толпа, оживленно разговаривавшая между собою. Это были большею частію корелы и финны, — ближайшіе сосѣди Валаамскаго острова. Они приплыли сюда на своихъ маленькихъ чаликахъ не столько за тѣмъ, чтобы помолиться и раздѣлить съ отшельниками церковный праздникъ, сколько погулять, полюбоваться живописной природой и посмотрѣть на богатыхъ Петербуржцевъ. Впрочемъ среди кореловъ было много и благочестивыхъ людей, которые съ живою вѣрою и пламенною любовью обращались къ преподобнымъ угодникамъ, искали въ обители тѣлеснаго и душевнаго облегченія.

Поднявшись на вершину скитской горы, мы направились къ большому бѣлому зданію монастырской гостиницы. Но здѣсь для насъ не оказалось мѣста. Гостиница къ этому времени настолько была переполнена богомольцами, что съ трудомъ можно было занять одну небольшую комнатку для дорожнаго багажа. Инокъ-гостинникъ посовѣтовалъ намъ обратиться къ о. игумену, который могъ пріютить насъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ.

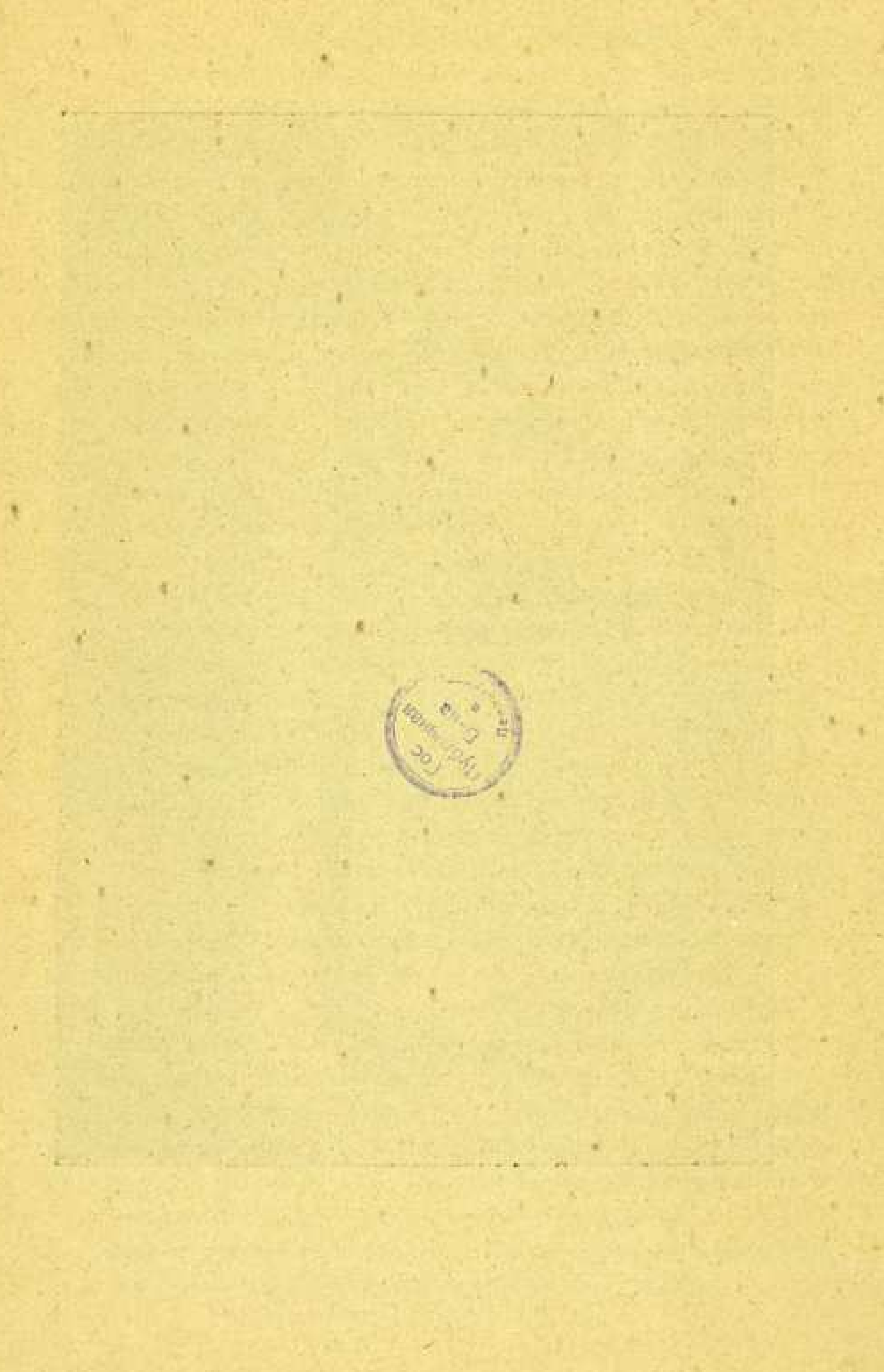
Въ верхнемъ Преображенскомъ храмѣ оканчивалась въ это время праздничная литургія, которую совершалъ соборнѣ съ братіею преосвященный Николай, архіеп. Финляндскій. Всѣ поспѣшили къ службѣ. Величественный храмъ древне-греческой архитектуры съ полукруглою алтарною абсидою и высокою готическою колокольнею надъ папертію, сразу обратившій на себя наше вниманіе своею грандіозностію, еще болѣе поражаетъ удобствами внутренняго устройства и красотою отдѣлки.

Наибольшая приспособленность къ цѣлямъ, простота и художественность,—вотъ главныя отличительныя качества, характеризующія внутреннюю архитектуру храма.

Едва мы переступили чрезъ порогъ храма, какъ насъ встрѣтило протяжное своеобразное монастырское пѣніе, отчасти напоминавшее намъ соловецкое. Подобно послѣднему, оно дышетъ искреннимъ религіознымъ чувствомъ и полною непосредственностію, что придаетъ ему какую-то особенную силу и выразительность.

ВАЛААМСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Какъ и во всѣхъ большихъ монастыряхъ, въ Валаамской обители существуютъ свои традиціи относительно пѣнія, отъ которыхъ иноки стараются не отступать безъ крайней необходимости. Мы видѣли нѣсколько правилъ, записанныхъ на табличкѣ, вывѣшенной въ углу праваго клироса, гдѣ строго опредѣляется составъ хора, выборъ пѣснопѣній и поведеніе поющихъ. Хоръ состоитъ изъ иноковъ и мальчиковъ-послушниковъ, но послѣдніе, весьма интересно, поютъ только альтами. Дискантъ, какъ ближе всего напоминающій женскій голосъ, по завѣщанію игумена Дамаскина, устраненъ совершенно. Партесное пѣніе входитъ въ программу только въ видѣ исключенія, какъ это случилось и въ настоящее время. Ради торжественнаго праздника и какъ бы въ угоду изысканнымъ вкусамъ петербуржцевъ, нѣкорыя литургійныя молитвословія,—напр., «херувимская», «милость мира»... и др. были исполнены по партеснымъ тетрадкамъ подъ управленіемъ случайно прибывшаго на Валаамъ одного любителя и знатока пѣнія.

На отходѣ обѣдни мы были приглашены къ монастырской трапезѣ. Спѣшно пробирались богомольцы въ длинную свѣтлую комнату, суетливо толкались, лѣзли впередъ, желая заблаговременно занять мѣсто за монашескимъ столомъ, убраннымъ по праздничному. Два-три инока, стоявшіе у двери, едва успѣвали поддерживать порядокъ и классифицировать подходящихъ. Мы послѣдовали за другими.— Пробилъ послѣдній звонокъ къ трапезѣ. На колокольнѣ загудѣли колокола. Изъ соборнаго храма въ торжественной процессіи слѣдовали въ столовую архіепископъ Николай, все духовенство и почетные гости.

Въ ожиданіи священнослужителей въ трапезной было тихо, кое-гдѣ раздававшіеся разговоры теперь замолкли. Иноки и богомольцы встали со своихъ мѣстъ и внимательно смотрѣли по направленію къ двери, откуда доносилось протяжное пѣніе праздничнаго тропаря. Скоро показались и сами пѣвцы. Минуя небольшой коридоръ, они первыми сошли въ трапезу и также трогательно и протяжно запѣли

псаломъ: «Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой и благословлю имя Твое во вѣки и въ вѣкъ вѣка». Всѣ обратились къ иконостасу, гдѣ помѣщены изображенія Спасителя и Богоматери. За клиросными шелъ чередной іеромонахъ, сопровождаемый іеродіакономъ и благоговѣйно несъ на панагіарѣ просфору Пр. Богородицы.

Наконецъ, вечеря была готова; всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ; готовы были, кажется, и руки начать своя обычныя операціи. Но монастырскій уставъ, воспитывая инока и пріучая его къ терпѣнію и воздержности, не позволялъ преждевременно поднять ложку. Ждали звонка и благословенія предсѣдателя, послѣ которыхъ можно было снять ручникъ и воспользоваться монастырскимъ угощеніемъ. На этотъ разъ на настоятельскомъ мѣстѣ сидѣлъ высокопреосвященный Николай, который ѣлъ на ряду съ прочими деревянной ложкой и изъ общей миски. Валаамская трапеза во многомъ напоминаетъ Соловецкую, но столько же и отличается отъ этой послѣдней. Представьте себѣ длинную свѣтлую комнату. Колонны, поддерживающія сводъ, дѣлятъ ее на два продольныхъ неѳа (корабля).

На восточной сторонѣ устроенъ иконостасъ, который вѣнчается полукруглой картиной Тайной вечери. Въ простѣнкахъ, между окнами, написаны иконы преподобныхъ Сергія и Германа и другихъ святыхъ,—подражателей богоугодной жизни Валаамскихъ чудотворцевъ. А среди нихъ изображенъ св. благовѣрный Александръ Невскій, какъ стражъ и защитникъ святого мѣста. Въ центрѣ возвышается небольшая каѳедра для чтеца, надъ которой спускается съ потолка украшенная хрустальными подвѣсками люстра. Три длинные ряда столовъ идутъ вдоль стѣнъ и между колоннами. На восточной сторонѣ они пересѣкаются такъ называемымъ столомъ старшихъ или предсѣдательствующихъ.

Какою простотою и невзыскательностію, пожалуй, даже и бѣдностію вѣетъ отъ всего убранства монастырской трапезной. Столовая посуда и содержимое въ ней во многомъ

уступаютъ богатству нашихъ центральныхъ монастырей. Эта обстановка вѣрнѣе переноситъ васъ куда-то далеко, въ какое-нибудь бѣднѣйшее общежитіе начала или половины прошедшаго столѣтія. Глубокая глиняная тарелка монастырскаго издѣлія, деревянная ложка, порція чернаго, а въ праздники и пшеничнаго хлѣба,—накрытые сверху ручникомъ (длиннымъ полотенцемъ),—вотъ всегдашніе приборы на каждаго брата. Посрединѣ стола, между двухъ деревянныхъ солонокъ, помѣщается металлическая чаша съ квасомъ и ковшомъ. (Это единственный напитокъ, который допускается за столомъ). Передній столъ на востокѣ и столы по правую сторону трапезы занимаютъ старшіе, на прочихъ мѣстахъ садятся послушники и богомольцы. Въ трапезѣ царитъ глубокое молчаніе, только какой то глухой подземный стукъ деревянной посуды, звонокъ и заунывные тоны чтеца пролога нарушаютъ общую тишину. Порядокъ во всемъ образцовый. По звонку первосѣдящаго выходитъ изъ-за стола низшая братія и приноситъ изъ поварни кушанья. Иноки идутъ неспѣшно, стараясь по возможности блюсти порядокъ и тишину. Мѣняя кушанье, они произносятъ молитву: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ»;—«Аминь» отвѣчаетъ имъ старшій братъ и отдаетъ прежнее блюдо.

Столъ Валаамской братіи состоитъ изъ нѣсколькихъ кушаньевъ разнаго рода, не больше, впрочемъ, четырехъ. Поданы были холодное, два горячихъ и каша. Блюда приготовлены какъ-то своеобразно, по монастырски, безъ особенныхъ приправъ. Жареной рыбы на Валаамской трапезѣ никогда не бываетъ.

Трапеза продолжалась довольно долго. Наконецъ, раздались три удара въ звонокъ: обѣдъ окончился. Трапезующіе, крестясь, встали со своихъ мѣстъ и запѣли благодарственныя молитвы. Іеродіаконъ въ это время разносилъ на блюдѣ раздробленную на части просфору въ честь Пречистой. По окончаніи трапезы къ преосвященному подошелъ сѣдой инокъ, облеченный въ длинный фартукъ, и

просилъ прощенія въ недостаткахъ, допущенныхъ имъ въ приготовленіи стола. Благословивъ старца-повара, архипастырь сердечно благодарилъ братію за угощеніе.

Послѣ обѣдни мы благодушествовали на новой квартирѣ, куда и перенесли изъ гостиницы свои походныя постели. Уютная комнатка монастырской канцеляріи служила намъ спальней, столовой и кабинетомъ. «Въ тѣснотѣ—не въ обидѣ»..,—удобно и хорошо устроились мы въ этомъ помѣщеніи. Полъ почти сплошь былъ устланъ небольшими братскими матрацами, которые принесъ сюда бѣлокурый инокъ. Желающіе отдохнуть располагали свободой, перекатываясь съ одной постели на другую. За небольшими столиками въ углахъ и около оконъ примастились писатели. Пользуясь готовыми канцелярскими припасами, они жадно заносили въ свои книжки путевыя замѣтки. Узкая изломанная дорожка между матрацами вела къ нашей трапезѣ. Добрая «мамаша», окруженная своими помощниками, давно хлопотала здѣсь около самоварчика, устраивая утѣшеніе по своему уставу. Ну, вотъ появились на столѣ и бублики. Это были крутые десятикопѣечные хлѣбцы, которые мы покупали въ монастырской поварнѣ. Лучше всякаго звонка собрали они студентовъ на трапезу. Началась мирная бесѣда. Всѣ оживленно разговаривали, ломали хлѣбцы, дѣлились впечатлѣніями и частенько подставляли къ общей мамашѣ пустые стаканчики.

Недолго, однако, пришлось благодушествовать и въ этой совершенно, кажется, изолированной комнатѣ монастырской канцеляріи. Строгости валаамскаго благочинія— скоро проникли и на второй этажъ братскаго корпуса. Въ двери вдругъ появился послушникъ и сдѣлалъ резонное замѣчаніе за несоблюденіе одного изъ правилъ монашескаго общежитія. «Развѣ вы не читали инструкцію, говорилъ онъ, которая прибита во входѣ и которую должны соблюдать всѣ богомольцы-паломники». Послѣ нѣкоторыхъ объясненій инокъ ушелъ.., дверь захлопнулась.

Неожиданное появленіе ревнителя монастырскаго по-

рядка невольно смутило всѣхъ и разстроило нашу бесѣду. Оставивъ бублики и чай, разсуждали по поводу происшедшаго. Нѣкоторые изъ товарищей заинтересовались указанной монахомъ инструкціей и пошли ко сходу. Маленькая печатная табличка на финскомъ и русскомъ нарѣчіяхъ передавала слѣдующія правила:

1) «Безъ особаго благословенія не ходить въ лѣсъ, въ пустыни, скиты, въ монастырскія келіи. Изъ живущихъ въ монастырѣ никогда не принимать къ себѣ въ келіи, имъ не давать и отъ нихъ ничего не брать, ни подъ какимъ предлогомъ.

2) «Не оказывать никому здѣсь частныя благотворенія, а доброхотное свободное приношеніе полагать въ общую кружку на пользу св. обители, такъ какъ, по правиламъ общежитія, никто изъ живущихъ въ монастырѣ не имѣетъ права пріобрѣтать отдѣльной собственности.

3) «Привозимыя въ монастырь письма и посылки на имя проживающихъ въ немъ отдавать монастырскому начальству, для передачи по принадлежности.

4) «Не стрѣлять на островѣ изъ огнестрѣльныхъ орудій, не бить звѣрей и птицъ, не ловить рыбы, не портить лѣсу и не курить табаку.

5) «Ничего не писать на стѣнахъ и стеклахъ гостиннаго дома и не бросать огня на удобосгораемыя вещи».

За исполненіемъ этихъ правилъ слѣдили особые надзиратели изъ трудниковъ. Они ходили близъ монастырскихъ зданій, въ лѣсу, въ саду, однимъ словомъ встрѣчались всюду, гдѣ только находились богомольцы, и зорко слѣдили за ихъ поведеніемъ.

День склонялся къ вечеру. До всенощной оставалось какихъ-нибудь два-полтора часа. Погода стояла прекрасная. Травка обсыхала послѣ небольшого дождичка. Въ воздухѣ пахло свѣжею зеленью. Вся природа какъ будто хотѣла обновиться и убраться по праздничному. Всюда мелькали яркіе костюмы богомольцевъ. Они двигались по направленію къ берегу и сливались въ какое-то

пестрое цвѣтное полотно. У пристани въ это время пыхтѣлъ маленькій пароходикъ давно готовый отплыть съ желающими къ ближайшимъ островамъ Валаамскаго архипелага. Но вотъ раздался свистокъ, за нимъ другой, третій. Пароходикъ отчалилъ отъ пристани, потянувъ за собою большую ладью съ богомольцами. Мы плыли по монастырскому заливу. Чудныя картины открывались съ моря, ласкали и манили наши взоры. Слѣва, какъ исполины, стояли высокія скалы гранита, гордо поднимая надъ водою свои острыя вершины. А справа у подножія скитской горы, зеленой полосой раскинулся монастырскій садъ. Онъ разводился въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ на особомъ насыпномъ грунтѣ, сдѣланномъ трудолюбіемъ иноковъ. Красиво пробѣгали узкія дорожки среди густой зелени сада; то они прямо тянулись вдоль берега, то желтой змѣйкой взбирались на гору и утопали въ глухой чащѣ сосенъ и пихтъ. Немного дальше за садомъ предъ нами открылось большое трехъэтажное зданіе монастырской водокачки и многихъ другихъ хозяйственныхъ заведеній. Въ верхней части помѣщенъ паровой двигатель, который поднимаетъ озерную воду, мелетъ муку, пилитъ лѣсъ, приводитъ въ дѣйствіе токарные станки, на которыхъ выдѣлываютъ рѣзныя и металлическія издѣлія. Здѣсь же устроены: братская баня, прачечная и кузница въ нижнемъ этажѣ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ устройство водопровода. Машина поднимаетъ воду изъ колодезя вверхъ болѣе чѣмъ на 45 саженъ, доставляя въ часъ слишкомъ 20 сороковыхъ бочекъ. Колодезь выбитъ при помощи пороха въ гранитной скалѣ и сообщается съ озеромъ трубою, которая проложена на пять аршинъ ниже поверхности озера и принимаетъ воду не у берега, а на разстояніи четырехъ аршинъ отъ него.

Быстро и рѣзво, какъ бы играя, разсѣкалъ глубокія воды маленькій пароходикъ, приближаясь къ Никольскому острову. Наконецъ затормозилъ и сталъ подвигаться къ пристани. Всѣ обнажили головы и крестились—на трапѣ

пѣли въ это время тропарь святителю. Не прошло и пяти минутъ, какъ мы были на материкѣ. Какой незначительной точкой выглядитъ изъ воды этотъ маленькій островокъ. Его безъ труда можно измѣрить однимъ взглядомъ. На вершинѣ Никольскаго холма когда-то стояла высокая часовня-маякъ. На ея кровлѣ былъ устроенъ стеклянный фонарь, который въ темныя осеннія ночи указывалъ путь къ монастырю и былъ далеко виденъ съ озера. Вмѣсто нея теперь воздвигнутъ прекрасный многоглавый храмъ византійско-готической архитектуры. Внѣшняя и внутренняя отдѣлка поражаютъ изяществомъ и богатствомъ. Иконостасъ вызолоченъ сплошь, искусной мелкой рѣзьбы; мѣстныя иконы неподражаемаго греческаго письма по золотому фону. За лѣвымъ клиросомъ въ рѣзной нишѣ подъ балдахиномъ находится храмовая святыня скита—рѣзной образъ Мирликійскаго чудотворца. Это обычное изображеніе святителя. Онъ въ полномъ архіерейскомъ одѣяніи, въ лѣвой рукѣ у него церковь, а въ правой—мечъ.

Отслушавъ молебенъ предъ мѣстною святыней скита, мы поспѣшили къ пристани. Снова засвистѣлъ и зашумѣлъ пароходикъ. Проплывъ почти въ виду монастыря, онъ повернулъ направо и, ловко лавируя между извилистыми берегами узкаго пролива, скоро присталъ къ убогой деревянной пристани Всѣхсвятскаго острова. Что ни мѣсто, то новые и новые виды. Кругомъ густой хвойный лѣсъ. Скитскихъ построекъ совсѣмъ незамѣтно. Только плохо набитая дорожка приводитъ васъ отъ пристани къ этой тихой пустынной обители. Первой показалась небольшая часовня въ память крестныхъ страданій Спасителя, а затѣмъ и зданія скита. Восемь братскихъ домиковъ и нѣсколько башенъ, соединенныхъ оградою, окружаютъ двухъэтажный храмъ, увѣнчанный вызолоченными главами и крестами. Нижняя теплая церковь Всѣхъ Святыхъ по своей внутренней обстановкѣ и убранству напоминаетъ богомольцу о смиренномъ шествіи Святыхъ къ небу, трогаетъ его душу и располагаетъ ее къ теплой покаянной

молитвѣ. Въ ней всюду мрачно и неуютно. Утварь скромная, иконостасъ и клиросы темнаго цвѣта, отдѣланы подъ орѣхъ.

Напротивъ, верхняя церковь въ честь Безплотныхъ Силъ—церковь славы. Ослѣпительно сіяютъ богатая утварь и золотой иконостасъ при обильномъ освѣщеніи оконъ. Цѣнныя ризы искрятся на солнцѣ безчисленными огнями. Въ куполѣ Господь Саваоѳъ среди сонма свѣтлыхъ безплотныхъ ангеловъ. Поистинѣ царство Царя славы!

Пошелъ довольно частый дождичекъ, когда мы допѣвали на волѣ подъ небеснымъ покровомъ молебенъ, который служило соборне наше духовенство во главѣ съ о. Анастасіемъ. Перемѣнная погода заставила торопиться, и чрезъ четверть часа мы уже были на монастырскомъ островѣ. Предстоящій праздникъ Первоверховныхъ Апостоловъ собралъ на Валаамъ новыя сотни паломниковъ. Вскорѣ раздался густой благовѣстъ ко всенощной. Островъ замѣтно пустѣлъ. Всѣ направились къ Преображенскому храму.

Всенощная, выполненная по строгому Валаамскому уставу, была торжественна и продолжительна, и произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Когда мы вышли изъ церкви, мы застали еще чудный сѣверный вечеръ. Картины валаамской природы въ это время невообразимо пріятны и достойны кисти художника. Разсматривая ихъ, забываешь мірскую суету и невольно погружаешься въ какую-то тихую созерцательную радость. Съ какимъ удовольствіемъ мы провели этотъ рѣдкій вечеръ на лонѣ Валаамскаго острова. Гуляли по крутому обрыву скитской горы, около монастырскихъ зданій, спускались къ набережной, разсматривали гранитныя часовни, высокую лѣстницу съ пристани, заходили въ садъ и удивлялись искусству и трудолюбію такихъ по виду сѣрыхъ и малообразованныхъ иноковъ.

Монастырскія зданія расположены тѣснымъ кольцомъ на вершинѣ скитской горы. Два четыреугольника двухъ-этажныхъ каменныхъ корпусовъ окружаютъ главный Преображенскій храмъ.

На южной сторонѣ внѣшняго четыреугольника св. ворота, а надъ ними устроена церковь свв. апостоловъ Петра и Павла. Ворота внутренняго четыреугольника ведутъ на монастырскій дворъ. На правой сторонѣ двора величественный храмъ Преображенія, а подъ нимъ церковь свв. Сергія и Германа. Чудотворцы почиваютъ въ глубокой ложбинѣ большой гранитной скалы между двумя средними столбами праваго нефа пещерной церкви.

По лѣвую сторону двора—кельи о. настоятеля, трапеза, аптека, ризница и братскія кельи. — Это внутренній четыреугольникъ. Во внѣшнемъ четыреугольникѣ: царскія кельи, кельи о. намѣстника, архивъ, больница. При ней церковь Живоначальной Троицы и Живоносный источникъ Пресвятой Богородицы. Затѣмъ канцелярія, просфорня и библіотека.

Съ сѣверной стороны къ монастырю прилегаетъ братское кладбище. Густая тѣнь вѣковыхъ кленовъ и сосенъ покрываетъ могилки смиренныхъ подвижниковъ. Надъ ними нѣтъ дорогихъ монументовъ, ихъ украшаетъ деревянный крестъ, небольшая плита или круглые камешки—самородки. Эпитафіи интересны и поучительны. Кромѣ краткой біографіи нѣкоторыя изъ надписей подробно описываютъ подвиги и послушанія, которые прошелъ усопшій братъ, другія разсказываютъ объ искушеніяхъ, съ которыми онъ успѣшно боролся на землѣ. Одинъ могильный курганъ не безъ цѣли, кажется, рѣзко выдѣляетъ большая гранитная (каменная) плита. Это мѣсто погребенія Шведскаго короля Магнуса II Смека. По монастырскому преданію король былъ принесенъ къ острову сильнымъ вихремъ. Онъ долго безнадежно плавалъ на корабельной доскѣ по бурнымъ водамъ разъярившагося озера. И только св. островъ сохранилъ жизнь монарху. Въ благодарность за спасеніе Магнусъ остался на Валаамѣ, принялъ схиму и умеръ чрезъ три дня послѣ постриженія. Немудрая муза воспѣла исторію этого событія на могильномъ камнѣ. Тамъ читаемъ:

«На семъ мѣстѣ тѣло погребено,
Въ 1311-мъ году землѣ оно предано,

Магнуса, Шведскаго короля,
Который святое крещеніе воспрія,
При крещеніи Григоріемъ нарѣченъ.
Въ Швеціи онъ 1336 году рожденъ,
Въ 1360 года на престолъ возведенъ,
Великую силу имѣя и оною ополченъ,
Двоекратно на Россію воевалъ.
И о прекращеніи войны клятву давалъ,
Но, преступивъ клятву, паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился.
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось.
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился.
Три дня и три ночи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами къ берегу сего монастыря управленъ,
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ,
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ.
Потомъ на мѣсто царскія діадимы,
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Проживъ три дня, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался» *).

29-е Іюня.

29-е іюня — день памяти первоверховныхъ апостоловъ на Валаамѣ празднуется особенно торжественно. По давнему обычаю торжество началось большимъ крестнымъ ходомъ. Мы попали въ толпу, когда процессія проходила у западныхъ воротъ. Здѣсь съ пригорка она открывалась намъ во всемъ блескѣ. Громадная толпа, можетъ быть, не въ одну тысячу человѣкъ, колыхаясь, какъ большая морская волна, быстро неслась впередъ. Въ густой массѣ трудно было разобрать, что дѣлается.

Толпа валила стихійно, какъ будто охваченная паникой. Обгоняя другъ друга, спотыкаясь и толкая, богомольцы

---

*) Эпитафія буквально скопирована съ камня.

неудержимо стремились впередъ. Впрочемъ, для многихъ изъ нихъ (напр., финновъ и кореловъ) это было совершенно невиданное зрѣлище. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали какъ разъ къ тому вѣроисповѣданію, которое исключаетъ всякія церковныя процессіи и торжества. Намъ послѣ одинъ монахъ разсказывалъ, что значительная часть ихъ только для того и пріѣзжаетъ на эти дни, чтобы полюбоваться на невиданное зрѣлище и подышать въ совершенно новой для нихъ атмосферѣ. А толпы богомольцевъ все двигались. Пестрые костюмы, какъ цвѣты на лугу, ярко блестѣли на солнцѣ. Предъ глазами поминутно мелькали то русская свитка, то финскій пиджакъ, то какой-нибудь своеобразный корельскій женскій уборъ. Вотъ уже почти противъ насъ и самая процессія. Среди густой пестрой толпы она кажется желтой узкой полосой. Золоченыя ризы иконъ и хоругвей едва блестятъ въ пыльномъ туманѣ. Даже свѣчи горятъ какимъ-то тусклымъ огнемъ. А въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть владыка, видна лишь сплошная масса. Слышно пѣніе. Вотъ противъ воротъ процессія остановилась. Толпа становится все гуще и постепенно затихаетъ. Владыка «воздвизаетъ» крестъ. До насъ доносятся дрожащія ноты престарѣлаго протодьякона: «Господу помолимся»... Едва замѣтно промелькнетъ надъ головой крестъ, поднимаемый владыкой, и снова все приходитъ въ движеніе... Толпа заколыхалась; руки поднялись для крестнаго знаменія, сотни головъ закланялись; процессія двинулась впередъ.

10 часовъ. Къ обѣднѣ уже отзвонили. Главный соборъ, гдѣ служитъ архіерей, набитъ-биткомъ. Мы едва пробрались, вѣрнѣе протискались впередъ. Пѣли партесное. Это по случаю большого праздника. Служилъ финляндскій владыка архіеп. Николай съ соборомъ многочисленнаго духовенства. По стѣнамъ весь соборъ почти занимали монахи. Часто встрѣчались и схимники. Ихъ безпомощно-старческій видъ, изможденныя черты лица, взглядъ чуждый для сего міра и эти длинныя траурныя одежды съ бѣлыми

изображеніями распятія и беззубаго черепа производили сильное впечатлѣніе. Мы обратили особенное вниманіе на одного изъ нихъ. Онъ стоялъ около настоятельскаго мѣста, повидимому, совершенно безучастный ко всему и всецѣло погруженный въ себя. Мы долго слѣдили за нимъ. Помнится, въ продолженіе болѣе получаса онъ ни разу не перекрестился. Мимо него проходили богомольцы. Одни съ благоговѣніемъ посматривали на этого человѣка «не отъ міра сего», другіе съ выраженіемъ страха на лицѣ косились на страшныя одежды, на зіяющіе глаза черепа... Отъ него вѣяло смертью... А кругомъ такъ ярко блестѣла жизнь... Въ большія окна солнце лило свои лучи. Мелодично неслось пѣніе. Кругомъ горѣли свѣтильники, и сквозь прозрачные дымные столбы ладона, какъ живая, рисовалась прекрасная живопись на иконахъ. Дѣйствительно, живопись на иконахъ поразительна! Здѣсь — ни одного мрачнаго штриха, ни одной темной тѣни. Соборъ отдѣланъ заново. Всѣ живописныя работы производились самими монахами. И дѣйствительно, ихъ эстетическому вкусу нужно отдать справедливость. Они не гонялись за реализмомъ, за драматизмомъ сюжетовъ; у нихъ нѣтъ и попытки сколько-нибудь антропоморфировать религіозно-художественныя темы. Пусть иногда даже получается крайность изъ-за этого. Напр., на большой картинѣ «Сошествія Св. Духа» всѣ апостолы изображены какими-то ангелоподобными юношами... Но за то сколько самаго свѣтлаго идеализма въ этихъ исполненныхъ неземной чистоты и святости изображеніяхъ! Какой нѣжностью и мягкостью вѣетъ отъ этихъ сіяющихъ ликовъ! И весь соборъ своимъ какъ бы ликующимъ видомъ, и эти пестрѣющія всюду розовыя краски самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ и тоновъ такъ пріятно ласкаютъ вашъ взоръ, что вамъ хочется любоваться дольше и дольше... Но насъ занималъ одинъ вопросъ: откуда у Валаамскихъ монаховъ, удаленныхъ отъ міра и часто совершенно не знающихъ, что такое міръ, откуда могъ развиться такой свѣтлый идеалистическій

вкусъ? Сказалось ли въ немъ западное влiянiе—«фряжскiй стиль», слѣды котораго можно находить по всему нашему сѣверо-западу (въ одной часовнѣ Соловецкаго монастыря мы встрѣтили даже нѣсколько копiй съ Рафаэлевскихъ картинъ); или онъ обязанъ роскошнымъ красотамъ валаамской природы, воспитавшимъ такое тонкое эстетическое чутье у монаховъ. Особенно насъ поразила одна картина — на лѣвой стѣнѣ храма, изображающая Рождество Христово. Младенецъ-Спаситель лежитъ въ ясляхъ. Около яслей стоятъ пастухи. А Пресвятая Дѣва, низко-низко наклонившись къ Младенцу, съ самою беззавѣтной материнской любовью смотритъ на своего Сына. Этотъ взглядъ ея и поза—поразительны. Въ нихъ столько вложено чувства, выражено такое глубокое понимание сюжета, столько чувствуется нѣжности и въ то же время серьезной задумчивости, когда материнскiй взглядъ въ милыхъ чертахъ малютки, кажется, хочетъ прочитать всю Его будущую исторiю!!. Мы рѣдко встрѣчали такiя произведенiя искусства, гдѣ бы такъ гармонично объединялась и религiозная, и эстетическая сторона.

Обѣдня кончилась. Поломники-богомольцы, «гуляющiе» корелы и вся монастырская братiя отправилась непосредственно въ трапезную. Знакомая уже намъ трапезная была полна, когда мы вошли. Странно было смотрѣть на это море монашескихъ клобуковъ. Обѣдъ еще не начинался. Дожидались владыки. Скоро владыка пришелъ и благословилъ трапезу. Впереди около настоятельскаго стола прозвенѣлъ колокольчикъ, и изъ дверей, ведущихъ въ кухню, появилась толпа трудниковъ съ кушаньями. Какъ и наканунѣ, по случаю большого праздника за столомъ было велiе утѣшенiе. Столъ былъ здоровый, но не гастрономичный; подобные обѣды можно встрѣчать у нашихъ зажиточныхъ крестьянъ. Для архiерея и простого монаха меню было одинаковое. За обѣдомъ въ качествѣ синаксаря читалась проповѣдь св. Дмитрiя Ростовскаго на день свв. апостоловъ Петра и Павла. Выходя изъ трапез-

ной и благословляя на пути братію, владыка просилъ позвать келаря. Послѣдній, ветхій деньми сѣдовласый старичекъ, съ чистымъ бѣлымъ фартукомъ, робко вышелъ изъ монастырской кухни и еще разъ услыхалъ благодарность изъ устъ владыки за угощеніе — благодарность за одно лишь исполненіе своихъ обязанностей! Скромный монахъ былъ чрезвычайно тронутъ столь благосклоннымъ вниманіемъ владыки.

Праздничной трапезой торжество оканчивалось. Нужно было предпринимать что нибудь новое. Выйдя изъ трапезной, мы стояли въ недоумѣніи. «А что теперь у васъ богомольцы дѣлаютъ?»—спросили мы у стоявшаго вблизи монаха.

— «По скитамъ ѣздятъ», отвѣчалъ тотъ; «а корелы, да финны отправятся по домамъ. Сейчасъ они поѣдутъ. Видите, къ пристани вонъ пошли толпы. Тамъ на своихъ лодкахъ они отправятся домой. Не хотите ли посмотрѣть: видъ очень красивый, особенно съ колокольни». — «Да, хорошо бы», согласились мы.— «Пойдемте, я сейчасъ принесу ключи», сказалъ монахъ.— Мы поднялись на колокольню. Колокольня очень высокая. Видъ открывается восхитительный. Видна значительная часть острововъ, покрытая лѣсами и маленькими озерами, видны кресты и главы скитовъ и часовенъ, видны гранитныя скалы, мрачно выглядывающія изъ воды, и тихая гладь Ладожскаго озера, подернутая легкой блѣдной пеленой и уходящая куда-то далеко-далеко, гдѣ для Валаама край свѣта, гдѣ небо сливается съ землей.

Слова монаха, дѣйствительно, оправдались. Къ пристани подходили толпы все больше и больше. Слышно было, какъ съ шумнымъ лопотаньемъ на непонятномъ языкѣ разсаживалась эта пестрая разношерстная толпа на громадныхъ самодѣльныхъ оригинальной конструкціи лодкахъ. Въ иную набивалось до ста человѣкъ и больше. Вотъ, наконецъ, отчаливаютъ. Одна за другой то тихо, плавно, то вперегонки выплывали лодки. Гребцы-женщины, ловко

владѣющія веслами, представляли зрѣлище мало-видaнное. Вотъ лодки уже противъ насъ. Мы смотримъ въ бинокль. Какая это живая, пестрая картина! Сколько красокъ и разнообразія въ этихъ непритязательныхъ костюмахъ! Какія оживленныя лица! Но они проѣзжаютъ все дальше и дальше. Только и видно, какъ весла, освѣщенныя солнцемъ, переливаютъ серебромъ... Вотъ уже и послѣднія лодки далеко отъ насъ. Едва слышатся послѣдніе звуки, и все исчезаетъ вдали...

3 часа дня. Насъ снова приглашаютъ въ окрестности Валаама. Маленькая поломническая флотилія уже готова. Ее составляютъ пароходикъ небольшой, красивенькій, почти игрушечнаго вида, и двѣ большихъ баржи. На пароходѣ усѣлись духовныя лица, на баржахъ остальные богомольцы; мы занимали корму одной изъ баржъ. Пароходъ скоро засвистѣлъ, и мы отправились. Проливъ, которымъ мы ѣхали, представлялъ чудную картину. По обоимъ берегамъ сплошной стѣной шли скалы. Бурый гранитъ то тянулся ровной, какъ будто искусственно отдѣланной набережной, то вдругъ подымался уступами, съ воздушной легкостью паря надъ бездной, то угрожающе выдвигался впередъ скалами, которыя издали напоминали нахмуренныя брови какого-то дремлющаго великана. Волна парохода тихо подбѣгала къ этому граниту, ударялась и разсыпалась мелкими брызгами. А вверху его по обоимъ берегамъ шелъ лѣсъ. Онъ не такъ могучъ и дикъ, какъ, напр., лѣса нашей сѣверной полосы, но онъ и не похожъ на раздѣланныя аллеи нашихъ дачъ, парковъ и имѣній.— Въ немъ есть и то, и другое. Но всего интереснѣе въ разстилающейся картинѣ было одно—весь лѣсъ росъ почти на голыхъ скалахъ. Всѣхъ путниковъ это невольно поражало. На чемъ же онъ растетъ, чѣмъ питается, какъ же стоитъ этотъ лѣсъ, такъ весело тянущійся къ яркому солнечному небу, спрашивали мы другъ друга... А въ одномъ мѣстѣ пришлось видѣть (мы проѣзжали у самаго берега) маленькую сосенку, которая стояла на совершенно голой

скалѣ. Длинные, тонкіе бѣлые корни неровными изгибами тянулись во всѣ стороны внизъ по скалѣ, какъ будто ища себѣ опоры. Земли не было видно почти ничего; но сосенка цвѣла, и ея молодая жизнь изумрудомъ блестѣла на солнцѣ.

Между тѣмъ мы двигались все дальше. Незамѣтно, какъ нырнули подъ висячій мостъ, соединяющій два островныхъ берега. Этотъ неожиданный тоннель—живой свидѣтель техническаго искусства монаховъ—пріятно поразилъ всѣхъ. Вскорѣ показался и Коневскій скитъ. Это маленькая отрасль Коневецкаго монастыря. Небольшой Коневскій скитокъ занимаетъ очень красивое мѣстечко. Кругомъ масса зелени, вдали видны озера. Мы взошли въ церковь, помолились, приложились къ святынѣ. Радушные монахи не знали, чѣмъ насъ занять. Проходя мостомъ, они предложили полюбоваться на прирученныхъ рыбъ. Монахъ бросалъ имъ хлѣбъ, на который тѣ съ жадностью бросались. Чрезъ нѣсколько минутъ рыбы набралось такое множество, что казалось, въ озеркѣ было больше рыбы, чѣмъ воды. Отъ Коневскаго скита мы прошли къ домику арх. Дамаскина. На Валаамѣ этотъ бывшій настоятель пользуется всеобщей извѣстностью, и имя его чтится съ особеннымъ уваженіемъ. Онъ 42 года управлялъ монастыремъ, и за это время не осталось, кажется, маленькаго уголка земли на Валаамѣ, гдѣ бы ни сказалась его заботливая рука и замѣчательный административный умъ. Это былъ разсчетливый, умный хозяинъ—практикъ, умѣвшій создать великое почти изъ ничего. Сады, водопроводы, маленькіе заводы, разныя ремесла и проч.—все это обязано своимъ существованіемъ единственно о. Дамаскину. И теперь надъ этимъ цвѣтущимъ хозяйствомъ вѣетъ его же тѣнь — перваго устроителя, вдохновляя немногихъ продолжателей его дѣла. Но о. Дамаскинъ извѣстенъ и своею подвижнически-созерцательною жизнію. За своими хозяйственными заботами онъ не забывалъ единаго на потребу. Уединенный домикъ на Коневскомъ

скиту былъ любимымъ мѣстечкомъ его отшельничества. Домикъ, сравнительно съ другими монастырскими помѣщеніями и келіями,—большой. Въ немъ 4—5 комнатъ, увѣшанныхъ картинами и портретами. Самая дальняя комната — молельня бывшаго настоятеля. Она настолько мала, что въ ней едва возможно быть одному. Въ слѣдующей комнатѣ ближе къ выходу находится гробъ. Онъ служилъ для о. Дамаскина наглядынымъ и всегдашнимъ напоминаніемъ: «Помни послѣдняя твоя»... Гробъ не настоящій, а простая стѣнная лавка, сдѣланная ящикомъ, верхняя доска котораго подымается. Нѣкоторые изъ нашихъ пробовали полежать въ этомъ импровизованномъ гробу-постели о. настоятеля. Тепе́рь въ домикѣ о. Дамаскина никто не живетъ. Вся обстановка, отъ картинъ до послѣдняго стула, говоритъ о чрезвычайно простой и строгой жизни ея знаменитаго хозяина.

Въ домикѣ Дамаскина нашимъ чичероне былъ одинъ схимникъ. Схимникъ — очень простой на видъ монахъ, одѣтый въ старый казинетовый подрясникъ и даже безъ обычныхъ схимническихъ изображеній. Изможденная желтая физіономія и безстрастный взглядъ говоритъ о подвигахъ. Объясненія онъ давалъ кратко, отмѣчая только существенное. Во всей фигурѣ схимника и словахъ чувствовалась убѣжденность, внушавшая невольное уваженіе къ нему. Показывая намъ комнату, гдѣ находится гробъ Дамаскина, онъ вдругъ какъ будто между прочимъ намъ замѣтилъ: «вотъ здѣсь и часу нельзя одному пробыть,— такъ начнетъ дверьми хлопать»... — «Какъ хлопать? Кто хлопать? — переспросили мы, совершенно не понимая, о чемъ идетъ рѣчь. — «Какъ кто? Бѣсы. Ихъ сюда много налетаетъ.. Каждую ночь... Какъ только услышатъ, что люди здѣсь молятся, сейчасъ и налетятъ»...

— «А вы видали ихъ?» спросили мы.

— Какъ же, видалъ.

— Въ какомъ же видѣ они налетаютъ къ вамъ?

— «А въ разномъ видѣ. Больше все въ видѣ малень-

кихъ ангелочковъ»... Нужно замѣтить, что схимникъ старался избѣгать слова «бѣсъ», замѣняя его мѣстоименіемъ. — «Только бойся обмануться этимъ явленіемъ, продолжалъ схимникъ, ты только возрадуешься ангелочкамъ... Только ты вздумаешь сказать: «благодарю Тебя, Господи, Боже мой, что ты не оставляешь меня, а посылаешь ангеловъ Своихъ»... Только ты скажешь это, а они тебѣ такъ вотъ на грудочку и сядутъ,—при этомъ схимникъ медлительнымъ жестомъ указалъ на грудь. — Зато противъ «нихъ» хорошее средство есть — духовныя книги. Духовными книгами всегда можно прогнать ихъ».

— Но отчего же мы, живущіе въ міру, никогда не видимъ ихъ? спросилъ схимника одинъ студентъ.

— А вы читали житіе св. Антонія, описанное св. Аѳанасіемъ?

— Читалъ.

— Помните, что тамъ говорится объ этомъ. Помните, что діаволъ сказалъ Святому на такой же вопросъ? Что намъ заботиться о тѣхъ, которые живутъ въ міру: они уже наши! Они носятъ насъ въ себѣ и на себѣ и не видятъ. А вотъ нужно бороться съ тѣми, которые намъ не поддаются; къ нимъ-то мы и являемся... Понялъ?.. заключилъ схимникъ.

Совопросникъ умолкъ, и мы, смущенные, продолжали путь дальше къ хозяйственнымъ постройкамъ. Пріѣхали къ коровнику. Осмотрѣли коровникъ громадный—въ два этажа. Въ нижнемъ интересно отдѣленіе паровой водокачки; рядомъ въ сосѣдней комнатѣ находится акварій для искусственнаго разведенія рыбъ. Обѣ комнаты темны, такъ что едва можно было что разобрать. Въ акваріи намъ показывали разные приборы искусственнаго разведенія рыбъ. Къ сожалѣнію, мы были какъ разъ въ то время, когда ни акварій, ни водокачка не дѣйствовали, а говорятъ, изъ этого акварія каждой весной выпускаютъ въ монастырскіе проливы до 40 тысячъ рыбокъ. Мы перешли въ коровникъ. Коровъ не было. Въ коровникѣ замѣчательно

чисто. Полъ устроенъ скатомъ для лучшей очистки. Среди самаго двора во всю громадную длину тянутся рельсы для перевозки теплой воды. Очень интересно устройство яслей. Они устроены надъ поломъ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, откуда прямо въ ясли сверху ссыпается сѣно или солома. Объѣдки изъ яслей механически скатываются внизъ подъ ноги коровѣ. Тутъ же въ ясляхъ устроенъ маленькій водоемъ для питья. Мы перешли на верхній этажъ, гдѣ хранится кормъ. Немного его лежало только въ углу, такъ что весь громадный свѣтлый залъ, отполированный соломой, просто блестѣлъ своей чистотой. Рядомъ съ коровникомъ находится громадный не то погребъ, не то подвалъ. Внутренность его глубоко выложена плитнякомъ. На днѣ видна была грязная вода и слышался запахъ испортившейся старой капусты. Когда мы справлялись о назначеніи этого помѣщенія, то оказалось, что въ немъ прессуютъ кормъ скотинѣ. Кормъ состоитъ главнымъ образомъ изъ капусты, посыпанной солью, рубленой соломы и другихъ продуктовъ Валаамской флоры.

Обратно пріѣхали въ монастырь часовъ въ 5½. Чтобы не тратить время даромъ, рѣшили сходить на лѣтній молочный дворъ. Туда шли пѣшкомъ версты 3—4 по прекрасно устроенной дорогѣ. Прогулка сосновымъ лѣсомъ въ ясный іюньскій вечеръ была истиннымъ наслажденіемъ. Дышалось всѣмъ легко, всѣ чувствовали себя хорошо. Пришли. Молочный дворъ построенъ на самомъ берегу озера. Дома стоятъ на гранитѣ, который, постепенно понижаясь, уходитъ легкимъ скатомъ въ озеро. Здѣсь насъ хорошо угостили монастырскимъ молокомъ и масломъ съ хлѣбомъ. Такого прекраснаго масла рѣдко кто изъ насъ пробовалъ. Всѣ питались съ увлеченіемъ, свойственнымъ путникамъ. Послѣ вечерняго завтрака одна часть осталась немного покататься на лодкѣ, другая отправилась домой. Первымъ не пришлось раскаяваться въ своей затѣѣ. Прелесть, что это было за катанье! На ветхой лодченкѣ мы отъѣхали довольно далеко отъ берега. Обогнувши малень-

кую часовеньку, по случаю половодья стоявшую въ водѣ, мы было соблазнялись желаньемъ пуститься далѣе въ странствованіе. Но заходившее солнце остановило насъ. Тихо съ небесъ опускался лѣтній вечеръ. Зеркальная гладь неподвижно стеклянныхъ водъ была очаровательна, а въ вечернемъ чуть влажномъ воздухѣ чувствовалось такъ хорошо, что мы невольно пришли въ повышенное настроеніе. Являлись даже какіе-то восторженные порывы. Хотѣлось пѣть, играть, почти мальчишески дурачиться... и мы, бородатыя дѣти, кончили тѣмъ, что начали забавляться эхомъ, разносившимъ каждый нашъ крикъ далеко, далеко по горамъ, по лѣсамъ и островнымъ озерамъ. Солнце уже давно зашло, когда мы воротились домой.

Утромъ 30-го предполагалось посѣтить монастырскія мастерскія и библіотеку. Изъ мастерскихъ намъ пришлось побывать только въ иконописной. Иконописная—маленькая, но работа идетъ хорошо. Какъ извѣстно, кисти монастырскихъ художниковъ принадлежитъ вся живопись монастыря и всѣхъ скитовъ. Хорошо также работаетъ фотографія: имѣется множество очень красивыхъ и хорошо исполненныхъ видовъ. Библіотека насъ поразила своею обширностію и разносторонностью книжнаго матеріала. Не говоря уже о богатствѣ чисто ученой литературы, оказалось, на Валаамѣ имѣется Тургеневъ. Интересно бы знать, проходитъ ли по страничкамъ его произведеній чей-либо любопытный взоръ. Вся библіотека представляетъ видъ чрезвычайно благоустроенный. Нигдѣ ни пылинки, ни пятнышка. Разставленныя по отдѣламъ книги мирно покоятся въ стеклянныхъ шкафахъ, раздражая алчные инстинкты ученыхъ посѣтителей. Только часто ли дерзновенная рука нарушаетъ ихъ мирный покой?..

Послѣ трапезы въ монастырской столовой мы отправились путешествовать по скитамъ. Съ нами на нынѣшній разъ ѣхалъ преосвященный финляндскій Николай. Этотъ замѣчательный по своимъ достоинствамъ и особенно по своей добротѣ и доступности владыка, прибывшій впервые

на храмовой валаамскій праздникъ, съ неменьшимъ интересомъ, чѣмъ и мы, путешествовалъ по монастырскимъ скитамъ. Благодаря его обществу, путешествіе на нынѣшній разъ носило особенно строгій характеръ. Глубоко религіозный самъ, владыка сумѣлъ создать такое же настроеніе и среди своихъ спутниковъ. Предъ отъѣздомъ онъ предложилъ помолиться, и пассажиры пропѣли нѣсколько священныхъ пѣснопѣній и въ честь Валаамскихъ чудотворцевъ. Пароходъ отошелъ отъ пристани. Быстро завертѣлся винтъ, захлопали лопасти, и нашъ игрушка-пароходъ полетѣлъ стрѣлой. Мы проѣзжали мимо часовни св. Николая.—«Господа, пропоемте тропарь въ честь Святителя», обратился къ намъ владыка и самъ запѣлъ. Звучный сильный голосъ былъ подхваченъ нашимъ импровизованнымъ хоромъ, и подъ мѣрное хлопанье винта раздалось пѣніе. То же владыка повторялъ при видѣ каждой часовни, каждаго скита и даже простого креста. У скита преп. Александра Свирскаго мы спѣли нѣсколько пѣснопѣній преподобному. Стоя обратившись къ обители, мы хорошо осмотрѣли островъ. Александро-Свирскій островъ и скитъ, кажется, самое красивое мѣстечко Валаама. Съ озера онъ представляется громадной высокой скалой, увѣнчанной шапкой лѣса. Со стороны пристани скала подымается рядомъ уступовъ, тянущихся въ горизонтальномъ направленіи одинъ надъ другимъ. Самый скитъ расположенъ на верху скалы. Навстрѣчу владыки собралась вся монастырская братія. Поднявшись немного въ гору, мы взошли на первый уступъ. По нему идетъ дорожка, переходящая затѣмъ на другой уступъ. Съ одной стороны дорожки отвѣсной стѣной возвышалась гора, съ другой шелъ обрывъ, за которымъ открывалась чудная перспектива озера. Въ щеляхъ между гранитомъ и по краямъ берегового обрыва росли сосны. Мѣстами сдѣланы лавочки для любителей природы. Около пещеры Александра Свирскаго паломники остановились и помолились. Пещера очень узкая, темная и глубокая. Въ

самомъ устьѣ ея икона съ горящей свѣчей. Вслѣдъ за владыкой мы всѣ по одному посѣтили это отшельническое мѣсто. Надъ пещерой подымается громадный деревянный крестъ. Сюда къ кресту, прислоненному къ скалѣ, въ пещеру преподобнаго ежедневно приходитъ молиться схимникъ. Онъ самъ встрѣтилъ владыку. Престарѣлый, сгорбленный—онъ выраженіемъ лица и разговоромъ производилъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Все въ немъ было такъ мило, такъ задушевно просто и ласково, что мы съ живымъ вниманіемъ смотрѣли на него.

— А давно ли ты живешь здѣсь, отче? спросилъ владыка у схимника.

— Пять лѣтъ, отвѣчалъ тотъ.

— Трудно, чай, тебѣ на старости то лѣтъ здѣсь? А? Зимой то...

— Ничего, Богъ милостивъ...

— Отче, а изъ міру-то къ тебѣ пріѣзжаютъ?

— Бываютъ. Бываютъ иногда, да рѣдко...

— А хорошо у тебя, показывая на разстилающуюся гладь озера, замѣтилъ преосвященный.

— Да, хорошо, отвѣтилъ схимникъ, и все лицо его освѣтилось улыбкой.

— Ну, Богъ тебя благословитъ! Прощай отче!.. — Мы двинулись дальше. Скоро пришли въ самый скитъ. Небольшая деревянная церковь русско-византійскаго стиля довольно красива. Во внутренней отдѣлкѣ отличается простотой. Во всемъ храмѣ (кромѣ утвари) нѣтъ ничего металлическаго: все сдѣлано изъ кипариса. Отслужили молебенъ. Раньше на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится церковь, была часовня. Это и было первое мѣсто подвижническихъ трудовъ пр. Александра, бывшаго первымъ обитателемъ острова «Стараго Валаама». Около церкви находится также могила преподобнаго. Говорятъ, онъ выкопалъ ее собственными руками для постояннаго памятованія о смерти. На днѣ ея мы увидѣли нѣсколько мѣдныхъ копѣекъ — приношенія усердныхъ посѣтителей; а рядомъ

съ могилой поставленъ крестъ. Дальнѣйшій путь мы продолжали уже съ другой пристани, до которой съ $^1/_4$ версты шли пѣшкомъ. Дорогой мнѣ удалось перекинуться нѣсколькими фразами съ однимъ монахомъ. Оказалось, что въ скиту всего 8 человѣкъ; служба бываетъ однажды въ недѣлю, но зато непрерывно читается Псалтирь; монахи никогда не ѣдятъ молочнаго, питаясь одними овощами, климатъ у нихъ не совсѣмъ благопріятный, житье у нихъ трудное и т. п. «У насъ скоро соскучиваются, недѣли не проживаютъ», говорилъ онъ мнѣ на прощаніе.

Пароходъ просвисталъ уже въ 3-й разъ. Теперь нашъ путь лежалъ къ Ильинскому скиту. Съ пѣніемъ тропаря мы тихо выѣхали изъ красивой бухты. Дорогой обмѣнивались впечатлѣніями, созерцали водяные виды, пѣли. Но вотъ и Ильинскій скитъ. Колокольный звонъ привѣтствовалъ прибытіе владыки, отвѣтомъ которому было наше пѣніе. Отправились въ церковь. На пути зашли къ колодезю выпить св. воды; потомъ мимо сада поднялись въ скитъ. Скитъ маленькій, но очень красивый. Со внѣ и снаружи особенно замѣчательны рѣзная отдѣлка, какою украшенъ весь скитъ. Весь иконостасъ сдѣланъ руками самихъ монаховъ. Отслужили молебенъ св. пророку Иліи. Затѣмъ гуляли по аллеѣ влѣво отъ скита. Сосновая аллея всѣхъ насъ приводила въ восхищеніе. Да, хорошо бы здѣсь пожить, подышать свѣжимъ сосновымъ воздухомъ, хорошо бы здѣсь вдали отъ разстраивающей нервы и притупляющей чувства житейской толкотни успокоиться немного, уравновѣситься душевно, привести въ порядокъ свой немногосложный духовный багажъ... Ахъ, какъ бы хорошо было посылать сюда разныхъ неврастениковъ, душевно-больныхъ и всѣхъ истрепанныхъ жизнью. Тихая обстановка мирнаго счастливаго гигіеническаго уголка было бы лучшей для нихъ санаторіей. — Іоанно-Предтечевскій скитъ былъ самымъ послѣднимъ пунктомъ нашего путешествія. Это самый строгій подвижническій скитъ на Валаамѣ. Сюда никогда не пускаютъ жен-

щинъ. Монахи не ѣдятъ даже рыбы. Устроителемъ этого скита былъ извѣстный уже намъ настоятель о. Дамаскинъ. Въ Предтечевскомъ скиту двѣ церкви — лѣтняя и зимняя. Въ зимней, такъ называемой пещерной, мраморный полъ и подоконники и очень хорошей работы живопись. Въ лѣтней имѣются очень древнія иконы, при чемъ особенно замѣчательна икона Пр. Богородицы съ написаннымъ на ней акаѳистомъ. Въ скиту много схимниковъ. Послѣ молебна въ той и другой церкви владыка посѣтилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Особенно просилъ его объ этомъ одинъ старенькій, но очень живой схимникъ. Несмотря на свою старость, онъ такъ и вертѣлся вокругъ преосвященнаго, то забѣгая впередъ, то смиренно выгибаясь, то бѣгая вокругъ него. Его узкое лицо, отъ улыбки сдѣлавшееся еще уже, такъ и передергивалось въ какой-то нервной игрѣ. Говорилъ онъ быстро, смѣло, не дожидаясь разспросовъ: какъ будто онъ молчалъ все время и вдругъ ему разрѣшили поговорить.

— Зайдите ко мнѣ, владыко святый, молилъ схимникъ, увиваясь около преосвященнаго.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ! Гдѣ же твоя келія?

— Она тамъ.. я сейчасъ.... Далеконько она немножко... На самомъ берегу... Но, ничего... Такъ и сыпалъ онъ обрывки фразъ.

— А сколько лѣтъ ты въ схимѣ? спросилъ преосвященный.

— 8 лѣтъ. Я давно уже... И все на этомъ острову.

— А это ты что ли проложилъ дорожку? Въ храмъ то часто ходишь?

— Какъ же, какъ же, владыко! Постоянно хожу. Зимой неудобно: много труда разгребать снѣгъ, а хожу. Вотъ и домикъ мой! Посѣтите, владыко!..

Преосвященный и схимникъ взошли въ домикъ; нѣкоторые изъ нашихъ тоже заглянули. Всего двѣ комнаты. Одна маленькая, — чрезвычайно маленькая; на аналоѣ толстая книга. Въ другой комнатѣ — немножко больше — лавка,

столъ — вотъ и все убранство. На гвоздѣ висѣло схимническое одѣяніе. Въ сторонѣ убогое ложе. Въ углу лежалъ маленькій запыленный самоварчикъ. Владыка благословилъ скромную обитель.

— А какъ же ты за водой ходишь, спросилъ онъ у схимника: неужели самъ?

— Самъ. Каждый день хожу, а то и пропущу. А иногда веревочкой... когда трудно очень ходить бываетъ.

Дѣйствительно, лѣстница была крутая: ступеней больше полсотни. Нужно большое терпѣніе, чтобы каждый день взбираться и спускаться по ней.

— Ну, прощай, отче! Богъ тебя благословитъ! Подвизайся! Владыка пошелъ далѣе къ другому схимнику, но и прежній издали продолжалъ слѣдовать за владыкой.

Мы проходили мимо одной схимнической хижины. Около нея стоялъ хозяинъ, поджидая гостей. Онъ одѣтъ былъ лучше перваго схимника. На лицѣ было начертано строгое безмолвіе, и вся фигура изобличала степенность и важность. Предъ владыкой онъ держался спокойно съ самообладаніемъ. Вообще, схимникъ выглядывалъ какимъ-то мудрецомъ, съ философскимъ спокойствіемъ взиравшимъ на міръ.

— Какъ тебѣ имя, святой отецъ? благословляя спросилъ владыка.

— Антоній...

— Въ память Антонія Великаго или Римлянина?

— Римлянина...

— Новгородскій, значитъ?

— Новгородскій...

— А это что же у тебя, отче? Могилку что ли выкопалъ?

— Могилку, святый владыко.

— Это хорошо! Нужно помнить о смерти. А вамъ особенно нужно! Лучше не согрѣшишь. И мыслей нехорошихъ не бываетъ...

Дѣйствительно, въ сторонѣ отъ келіи былъ насыпанъ бугорокъ, изъ-подъ котораго виднѣлись доски. Очевидно,

была выкопана могила, потомъ заложена досками, а сверху засыпана пескомъ.

— Что же, ты самъ засыпалъ ее? спросилъ преосвященный.

— Да, засыпалъ...

— Вотъ такъ то и лучше. А то, знаешь, соблазнъ бываетъ изъ-за этого! Да, другіе въ искушеніе входятъ. Ну, хорошо, хорошо! Богъ тебя благословитъ! Молись, отче святый! Помолись и о насъ грѣшныхъ! Прости!..

Поговоривъ еще немного, владыка пошелъ дальше. Старецъ, проводивъ взглядомъ гостей, пошелъ къ себѣ въ хижину.

Почти на берегу, среди роскошнаго лѣса, сквозь который просвѣчивали далекія перспективы сверкающаго озера, мы встрѣтили еще схимника. Онъ былъ старъ и сѣдъ. Владыка ласково привѣтствовалъ его.

— Давно ли живешь здѣсь, отче, спросилъ онъ его.

— Лѣтъ 12.

— А имя твое какое? Какъ звать-то тебя?

— Паисіемъ...

— А въ малой-то схимѣ?

Схимникъ молчитъ и недоумѣвающе посматриваетъ по сторонамъ...

— Въ малой-то схимѣ, говорю? а?.. Когда постригали? переспросилъ преосвященный.

Схимникъ молчитъ, очевидно забылъ.

— Павелъ,—вдругъ кто-то подсказываетъ изъ толпы.

— Павелъ, Павелъ, — порывисто повторяетъ вслѣдъ схимникъ.

— Что, видно старенекъ, отче? Сколько тебѣ лѣтъ?

— 78... 89... 89.

Мы съ недоумѣніемъ глядѣли на старца; а онъ метался, не зная, какое выбрать число. Наконецъ, онъ нашелъ желанную цифру—80, 80,—вдругъ быстро заговорилъ онъ...

— Да, старенекъ ты! Ну, благословитъ тебя Богъ! И за мірскихъ помолись, да и за меня отче!.. Прощай!..

Мы разстались съ престарѣлымъ инокомъ и отправились на пароходъ. Насъ провожала монастырская братія и тотъ очень живой старичекъ-схимникъ, котораго мы встрѣтили вначалѣ. Идя съ нами, онъ давалъ разные совѣты, напр., чаще читать молитву Іисусову, въ самомъ чтеніи которой онъ видѣлъ таинственно-благодатное дѣйствіе. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ получили отъ него черненькіе гладенькіе камешки, употребляемые скитникомъ во время молитвы. Камешки служили ему въ качествѣ четокъ. Съ этимъ же назначеніемъ онъ далъ ихъ и намъ... Пришли мы на пароходъ. Преосвященный благословлялъ послѣдній разъ провожавшихъ. Подъ звонъ колоколовъ и съ пѣніемъ тропаря мы двинулись въ обратный путь. Наше паломническое путешествіе заканчивалось. Назавтра мы собирались покинуть гостепріимный островъ. Естественно было помянуть добрымъ словомъ и помолится о томъ, кому, главнымъ образомъ, Валаамъ и всѣ его скиты обязаны своимъ благоустройствомъ.

Я говорю о настоятелѣ-игуменѣ Дамаскинѣ. Нашъ путь лежалъ невдалекѣ отъ мѣста его погребенія и мы, путеводимые владыкой, завернули туда. Въ храмѣ, около алтаря котораго похороненъ знаменитый игуменъ, служили панихиду, которую затѣмъ окончили на могилѣ. На могилѣ красуется гранитный полированный крестъ въ 3 аршина высоты, на двойномъ изъ краснаго и чернаго Валаамскаго гранита пьедесталѣ. Вокругъ креста рѣшетка. Могила содержится хорошо. Общій видъ красивый. Все такъ чисто и опрятно. Видно, что Валаамскіе иноки свято чтутъ память своего знаменитаго настоятеля...

I.

Утромъ 1-го іюля мы въ послѣдній разъ приложились къ мощамъ Валаамскихъ чудотворцевъ (напутственный и вмѣстѣ благодарственный молебенъ былъ отслуженъ наканунѣ) и отъ души поблагодарили о. игумена за удоб-

ства и вниманіе, какими мы пользовались подъ гостепріимнымъ кровомъ Валаамской обители. Въ полчаса седьмого утра всѣ были уже на пристани и при громогласномъ стройномъ пѣніи величанія Валаамскимъ угодникамъ, отплыли на монастырскомъ пароходикѣ по направленію къ Сердоболю. Взоры всѣхъ паломниковъ обращены были къ тихому пристанищу труда и молитвы, которое мы оставляли. Величественная картина монастыря, залитаго яркими лучами утренняго солнца, грандіозные изъ бураго гранита берега, то отвѣсные и обнаженные отъ всякой растительности, то нѣсколько пологіе и подчасъ уступами спускающіеся къ водѣ, покрытые сплошь роскошнымъ лѣсомъ изъ сосны, пихты, лиственницы, ели и березы, — давали богатую пищу эстетическому чувству и заставляли долго, не отрываясь любоваться собой. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ первое время разговоръ между пассажирами плохо вязался, — въ большинствѣ случаевъ слышались только отрывочные восторженные возгласы по адресу чудной панорамы острова. Масса полученныхъ на Валаамѣ новыхъ необычныхъ впечатлѣній наполняли и волновали душу каждаго. Приходила на память строгость царящаго тамъ монастырскаго устава, простирающагося въ нѣкоторой степени даже на паломниковъ (разумѣемъ запрещеніе курить на островѣ, пить вино, выходить изъ гостиницы позже 10-ти часовъ вечера и т. п.); живо рисовались образы истощенныхъ подвигами физическаго труда, поста и молитвы престарѣлыхъ схимниковъ, ихъ простота, граничащая подчасъ съ дѣтской наивностью, и ихъ безграничная любовь къ людямъ; вызывало изумленіе, необыкновенное трудолюбіе монаховъ, сказывающееся въ устройствѣ и отдѣлкѣ церквей и часовенъ, заведеніи образцовыхъ мастерскихъ, въ обработкѣ полей, проведеніи дорогъ, культивировкѣ деревьевъ, разбивкѣ цвѣтниковъ и т. п.

Въ виду такого настроенія паломниковъ, какъ нельзя болѣе кстати пришлось предложеніе Высокопреосвященнаго Николая пропѣть хвалебный гимнъ Валааму: «О чудный островъ Валаамъ» и т. д.

Главными исполнителями гимна были монахи, служившіе на пароходѣ, среди нихъ оказался и самъ авторъ гимна. Это — среднихъ лѣтъ, невзрачный на видъ, но съ умнымъ и нѣсколько суровымъ выраженіемъ лица послушникъ, по образованію — окончившій курсъ уѣзднаго училища.

Между тѣмъ, какъ мы еще продолжали любоваться уходящимъ вдаль Валаамомъ и постепенно открывающеюся перспективой необъятнаго Ладожскаго озера, — предупредительные монахи приготовили намъ на палубѣ чай и закуску изъ хлѣба и масла, которыми мы и незамедлили воспользоваться. Всѣ чувствовали себя очень бодро и весело, чему не мало содѣйствовало полное, и, надо сказать, очень рѣдко случающееся спокойствіе озера. На далекое разстояніе вода представляла изъ себя гладкую, будто отшлифованную зеркальную поверхность, и только пароходъ, почти безшумно разсѣкавшій ее, производилъ не глубокія, вѣеромъ расходящіяся въ стороны волны. Отъ времени до времени на поверхности воды появлялись головы тюленей, съ изумленіемъ осматривавшихъ непрошеныхъ гостей и быстро скрывавшихся въ родную имъ стихію.

Завязавшійся мало-по-малу разговоръ теперь уже вращался вокругъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ мы направлялись, т.-е. Финляндіи, водопада Иматры, особенностей финскаго языка, состоянія православія въ Финляндіи и т. п. Обо всемъ этомъ намъ пришлось выслушать не мало интересныхъ разсказовъ и замѣчаній отъ высокопреосвященнѣйшаго Николая. Увлеченные интереснымъ разговоромъ, мы незамѣтно приблизились къ Сердоболю. Нашъ пароходъ вошелъ въ узкій проливъ, который, углубляясь въ берегъ, подходитъ къ самому городу. Здѣсь онъ замѣтно расширяется и образуетъ очень удобную бухту, окруженную кольцомъ высокихъ скалистыхъ горъ. Среди бухты коегдѣ высятся небольшіе островки, служащіе пристанищемъ для рыболововъ. На берегу уже противъ пристани мы въ первый разъ увидѣли чухонскіе домики. Это—невзрачныя

въ два окна хижины, покрытыя тесомъ. Самая пристань чрезвычайно проста по устройству и, вмѣсто мола, защищена со стороны озера невысокою бревенчатою стѣною.

Въ то время, какъ пароходъ тихо подчаливалъ къ берегу, глаза всѣхъ естественно устремились по направленію къ городу. Къ сожалѣнію, со стороны пристани видна была только его сѣверо-восточная сторона, красиво раскинувшаяся по склону украшенной зеленью горы. Вниманіе паломниковъ, привлекла прежде всего православная церковь, единственная въ городѣ. Небольшая, бѣлая съ пятью синими главами, она по своей архитектурѣ ничѣмъ не отличалась отъ нашихъ обыкновенныхъ деревенскихъ церквей, но намъ въ высшей степени пріятно было видѣть этотъ православный храмъ въ городѣ, гдѣ громадное большинство жителей принадлежитъ къ иному вѣроисповѣданію.

Чѣмъ-то роднымъ и дорогимъ сердцу повѣяло на насъ отъ этой православной святыни, и мы съ особеннымъ чувствомъ пропѣли тропарь и величаніе Святит. Николаю (въ честь котораго построенъ храмъ), когда пароходъ поравнялся съ церковью.

На пристани мы простились съ провожавшими насъ отцомъ казначеемъ и другими иноками Валаамской обители и двинулись въ гору, по направленію къ дачѣ высокопреосвященнѣйшаго Николая, благосклонно пригласившаго насъ отдохнуть у него до отхода поѣзда. По городу намъ пришлось пройти всего двѣ улицы. Одна изъ нихъ спускается къ самой пристани, а другая идетъ перпендикулярно первой. Судя по этимъ улицамъ и тѣмъ, въ какія намъ пришлось только заглянуть, Сердоболь—довольно опрятный городъ и производитъ пріятное впечатлѣніе внѣшней благоустроенности и планомѣрности.

Нашею путеводительницею по городу была мѣстная интеллигентная дама, Елизавета Григорьевна Молдакова, пріѣхавшая вмѣстѣ съ нами отъ Валаама. Дорогой она предложила намъ осмотрѣть, какъ достопримѣчательность города, принадлежащій ея теткѣ этнографическій музей.

Несмотря на крайній недостатокъ времени, мы съ удовольствіемъ приняли ея предложеніе и послѣ нисколько не раскаявались въ этомъ. Музей, который мы посѣтили, не изобилуетъ какими-либо историческими или другими рѣдкостями, но представляетъ большой интересъ съ той стороны, что развертываетъ предъ глазами зрителя полную картину жизни кореловъ съ ихъ домами, костюмами, земледѣльческими орудіями, рыболовными и звѣроловными принадлежностями и т. п. Можно пожалѣть, что такихъ музеевъ очень мало, чтобы не сказать совсѣмъ нѣтъ, въ Россіи. Наши музеи наполнены въ большинствѣ случаевъ историческими рѣдкостями, по которымъ до нѣкоторой степени можно изучать прошлую жизнь русскихъ людей, но нельзя составить никакого представленія о настоящей ихъ жизни, а между тѣмъ многимъ городскимъ жителямъ очень и очень не мѣшало бы, хотя бы при помощи музеевъ, ближе познакомиться, напр., съ домашнимъ бытомъ и обстановкой деревенскихъ обывателей въ различныхъ мѣстахъ нашего обширнаго государства.

Основателемъ названнаго музея считается докторъ философіи—Оскаръ Форстрѣмъ, бывшій лекторъ Сердобольской учительской семинаріи и нынѣшній ректоръ Ювяскюльскаго лицея. Музей имѣетъ два отдѣленія, помѣщенныя въ разныхъ мѣстахъ города. Мы успѣли осмотрѣть собственно одно изъ нихъ, называемое «Корельской избой» (Karjalan tupa). Въ нее ведетъ небольшая входная дверь съ высокимъ порогомъ (куппузъ). Прямо противъ двери бросается въ глаза значительной величины черная доска съ написаннымъ на ней привѣтствіемъ каждому посѣтителю дома. Вотъ текстъ этого привѣтствія:

«Terve, terve tultuasi
Tanne pienehen tupahan
Matalaisehe majahan
Honkaisehen huonehesen
Petajäisehen pesähän!»

Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ:

«Здравствуй, здравствуй ты, явившись
Въ эту маленькую избу
Въ эту низкую постройку
Здѣсь въ еловое жилище
И въ сосновое строенье».

Привѣтствіе это заимствовано изъ 21-й пѣсни Калевалы (народная финская эпопея, состоящая изъ 50 пѣсенъ). Такъ въ послѣдней «хозяйка на Похьолѣ, та старушка въ Саріолѣ» привѣтствуетъ пріѣхавшаго къ ней жениха ея дочери.

Влѣво отъ входной двери устроена большая печь, изъ которой дымъ выходитъ прямо въ избу и отсюда уже—наружу чрезъ особо устроенное для этого отверстіе въ потолкѣ (räppänä). Отверстіе это, когда печь не топится, обыкновенно закрывается деревянною дверкою, подпираемою простою палкою.

Во всей избѣ имѣется всего лишь два маленькихъ окна въ одно стекло съ деревянными задвижными внутренними ставнями. Вдоль стѣнъ расположены широкія лавки (penkki). У одной изъ лавокъ стоитъ деревянный столъ (pöyta) со шкапомъ, а у стола съ внутренней стороны избы—деревянная скамья съ двумя ножками (rahis), образованными изъ двухъ суковъ дерева, другой же конецъ скамьи безъ ножекъ опирается на лавку. Въ углу избы на противоположной лѣвой сторонѣ отъ двери помѣщается ткацкій станокъ (kangaspuut) со всѣми принадлежностями. По внѣшнему виду и по конструкціи онъ напоминаетъ малороссійскія «верстати», только нѣсколько пониже послѣднихъ. Около печи устроенъ голбецъ (kolpitsa), — нѣчто вродѣ большого ларя. Голбецъ у кореловъ служитъ мѣстомъ сохраненія съѣстныхъ продуктовъ, слѣдовательно, назначеніе его тоже, что и такъ называемаго у русскихъ крестьянъ «коника», или малороссійскаго «молошныка». Отличается онъ отъ послѣднихъ лишь тѣмъ, что его крышка служитъ вмѣстѣ и входомъ въ подполье. Чрезъ всю избу подъ потолкомъ тянутся жерди (ovvet), на которыхъ ко-

релы и финны обыкновенно сушатъ лучину и вѣшаютъ платки, полотенца, одежду и т. п. Для той же цѣли вбиты въ стѣнахъ и деревянные гвозди. Съ потолка или, лучше сказать, съ одной изъ жердей свѣшивается дѣтская люлька (katkyt, vitmi), сдѣланная изъ тонкой драни и по своей формѣ напоминающая корыто. У очага стоитъ фигура молодой женщины, наряженная въ древне-корельскій костюмъ. Она изображаетъ хозяйку дома въ моментъ «стряпанья», на что указываетъ какъ деревянная ложка (puulusekka) въ ея рукахъ, такъ и котелокъ приподнятый надъ очагомъ на своеобразномъ желѣзномъ приборѣ, при помощи котораго котелокъ можно установить на желаемую высоту. За столомъ сидитъ хозяинъ и играетъ на «kannel» (музыкальный инструментъ родъ цитры). Такихъ kannel въ музеѣ имѣется нѣсколько экземпляровъ различнаго колибра. Кромѣ указанныхъ двухъ фигуръ находятся еще манекены: гусляръ съ длинными волосами, гуслями въ рукахъ и трубкой во рту; мужчины и женщины среднихъ лѣтъ, старухи и молодыя дѣвушки. Всѣ фигуры сдѣланы весьма изящно и одѣты въ древнія Сердобольскія одежды. Къ углу печки прикрѣплена «tschikka» или «rahko», въ которую вставляется лучина для освѣщенія избы. Такая же tschikka (нужно читать—чикка) на высокой подставкѣ стоитъ на полу, а чикка пониже ставится на столѣ. Имѣется въ музеѣ и множество предметовъ изъ домашняго обихода, приготовленныхъ именно въ томъ видѣ, какъ они обыкновенно употребляются у кореловъ. Здѣсь можно видѣть, напр.: приборъ для наматыванія нитокъ на цѣвки, пастушьи рога (paimen torvi) изъ бересты и рога, деревянныя ступы (2 экземпляра) съ пестами для толченія овса, ячменя и пр., деревянныя тарелки наподобіе церковнаго дискоса, ковшики, лыжи, мялка для льна, коллекціи современныхъ и древнихъ мужскихъ и женскихъ одеждъ и украшеній и т. п. Имѣется въ музеѣ и нѣсколько экземпляровъ древнихъ ружей или писчалей (pischali), мечей, бердышей (pertuschka), луковъ и самострѣловъ съ желѣзными при-

способленіями для натягиванія тетивы. Обращаютъ, наконецъ, на себя вниманіе два деревянныхъ четырегранныхъ бруса съ помѣтками, замѣняющими календарь, и нѣкоторые предметы для колдованія и другихъ суевѣрныхъ дѣйствій.

Послѣ осмотра музея мы были приглашены Елизаветой Григорьевной въ домъ ея родственницы Елизаветы Ивановны Галлонбладъ—посмотрѣть картины, оригиналы лучшихъ шведскихъ художниковъ [1]). Здѣсь помимо чисто эстетическаго удовольствія, мы встрѣтили весьма любезный и радушный пріемъ. Однако недостатокъ времени побудилъ насъ сократить случайный визитъ. Послѣ бѣглаго осмотра дѣйствительно замѣчательныхъ художественныхъ произведеній, мы поспѣшили на дачу «Хюмпеля» къ высокопреосвященнѣйшему архіепископу Николаю.

Мѣстность отъ Сердоболя до Хюмпеля (около 2-хъ верстъ) мало интересна. Встрѣчающіяся кое-гдѣ захудалыя рощицы и мелкій кустарникъ, правда до нѣкоторой степени оживляютъ ее, но не сообщаютъ ей обычной финляндскимъ видамъ красоты. Но зато дача занимаетъ такой чудесный уголокъ, какіе не часто встрѣчаются и въ Финляндіи. Она стоитъ на берегу огромнаго пятиверстнаго озера, окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими гранитными горами. Позади нея возвышается красивый холмъ, покрытый огромными соснами; прямо предъ нею разстилается озеро, а на скатѣ противоположнаго берега живописно раскинулась небольшая деревушка. Главный домъ, предназначенный для помѣщенія владыки, построенъ чрезвычайно легко и изящно; онъ окруженъ цвѣтниками и оранжереями и имѣетъ великолѣпную террасу, выходящую на озеро.

Высокопреосвященный Николай встрѣтилъ насъ какъ самый радушный и предупредительный хозяинъ. Преподавъ каждому изъ насъ свое архипастырское благословеніе, онъ пригласилъ насъ чувствовать себя какъ дома, и въ этихъ словахъ было столько задушевной искренности, что мы

---

[1]) Картины эти въ свое время будутъ пожертвованы городу.

тотчасъ же забыли всякія стѣсненія и почувствовали себя, дѣйствительно, какъ въ родномъ домѣ. Прежде всего мы поспѣшили познакомиться съ внутреннимъ расположеніемъ комнатъ. Домъ, какъ оказалось, снабженъ большими удобствами и отличается роскошью отдѣлки. Онъ очень мало походитъ на обыкновенныя архіерейскія дачи, отъ которыхъ вѣетъ почти всегда стариной и неуютностію: онъ построенъ въ совершенно новомъ стилѣ и носитъ на себѣ печать рѣдкаго вкуса и знанія строительной техники. (Дача эта, какъ намъ говорили, пожертвована была первому архіепископу Финляндскому высокопреосвященному Антонію однимъ сердобольскимъ семействомъ, обращеннымъ имъ въ православіе и до сихъ поръ питающимъ къ нему самыя глубокія чувства уваженія и признательности). Особенно хороша домовая церковь, которая положительно ослѣпляетъ бѣлизною пола и стѣнъ, обиліемъ свѣта и изяществомъ иконостаса.

Когда мы окончили осмотръ и выразили свое удовольствіе владыкѣ по поводу видѣннаго, онъ предложилъ продолжать обозрѣніе Хюмпеля далѣе и предварительно посовѣтовалъ сходить искупаться въ озерѣ. Предложеніе это было принято почти съ восторгомъ. Снабженные полотенцами и простынями, мы подъ руководствомъ келейника «Вячеслава» и «брата Петра» весело направились къ берегу. Озеро оказалось достаточно глубокимъ, вода—теплой, и купанье вышло превосходное. Бодрые и веселые возвратились мы къ давно ожидавшему насъ самовару и съ особеннымъ удовольствіемъ занялись чаепитіемъ. При этомъ насъ всѣхъ заинтересовалъ поданый къ чаю финляндскій хлѣбъ «лейпа». Это — тонкія, блинообразныя и совершенно сухія прѣсныя лепешки, испеченныя изъ смѣси гречневой и пшеничной муки и приправленныя душистымъ перцемъ. Нѣкоторымъ этотъ хлѣбъ такъ понравился, что они захватили по ломтику съ цѣлію научить печь его своихъ домашнихъ. Послѣ чаю, воспользовавшись свободнымъ временемъ, мы взобрались на одинъ

изъ береговыхъ выступовъ и долго любовались чудными окрестностями Хюмпеля. Увлеченные созерцаніемъ волшебной картины, мы долго не замѣчали палящихъ лучей солнца и пота, градомъ катившагося съ нашихъ лицъ. Человѣка два изъ нашего общества, умѣющіе немного рисовать, тѣмъ временемъ вооружились карандашами и наскоро въ своихъ записныхъ книжкахъ набросали эскизы особенно понравившихся имъ видовъ. Налюбовавшись вдоволь красотами природы, мы раздѣлились на нѣсколько группъ и отправились въ разныя стороны: одни разсыпались у опушки лѣса полакомиться только что появившейся тамъ земляникой, другіе прошли въ лѣсъ, третьи захотѣли осмотрѣть небольшой, но красивый цвѣтничекъ, четвертые заинтересовались надворными постройками, а остальные медленнымъ шагомъ направились къ дому. Спустя нѣкоторое время, сперва на дворѣ, а затѣмъ у самаго лѣса появился келейникъ «Вячеславъ» съ приглашеніемъ къ обѣду. Обладающая всегда хорошимъ аппетитомъ молодежь незаставила себя ждать. Преосвященный прочелъ молитву, благословилъ трапезу и предложилъ «закусить чѣмъ Богъ послалъ». Обѣдъ прошелъ довольно оживленно. Уважая радушіе хозяина, большинство отнеслось съ должнымъ вниманіемъ къ трапезѣ; лѣнивымъ же со стороны высокопреосвященнаго дѣлались неоднократныя замѣчанія и предупрежденія—«не слишкомъ разсчитывать» на пополненіе утеряннаго на Иматрѣ, въ виду необычайной дороговизны тамъ съѣстныхъ припасовъ и трудности, а иногда и невозможности достать ихъ за деньги. Предупрежденія эти, замѣтимъ кстати, потомъ вполнѣ оправдались.—Въ послѣобѣденное время, остававшееся еще въ нашемъ распоряженіи до отхода поѣзда, между студентами и высокопреосвященнымъ завязался оживленный разговоръ. Видя и чувствуя его искреннее радушіе и неподдѣльную простоту студенты, не стѣсняясь, разспрашивали его, — каждый о томъ, что его наиболѣе интересовало въ Финляндіи. Съ своей стороны и высокопреосвященный Николай живо

интересовался нашей Академiей, ея дисциплинарными порядками, ходомъ научныхъ занятiй и т. п.

Наконецъ наступило время отправляться на вокзалъ. Преподавъ всѣмъ намъ напутственное благословенiе, высокопреосвященный обратился къ намъ съ задушевнымъ и въ то же время весьма поучительнымъ прощальнымъ словомъ. Упомянувъ о томъ, что онъ всегда—и по долгу службы и по другимъ обстоятельствамъ имѣлъ близкое общенiе съ учащеюся молодежью, всегда любилъ и цѣнилъ въ ней добрыя порывы и поступки и насколько возможно старался развивать и поддерживать ихъ, владыка распространился относительно современнаго воспитанiя вообще и въ духовныхъ Академiяхъ въ частности, причемъ въ самомъ фактѣ нашего паломничества отмѣтилъ отрадное явленiе, свидѣтельствующее о добромъ направленiи, царящемъ въ нашей Академiи. Онъ сказалъ далѣе, что наше посѣщенiе для него было сколько неожиданнымъ, столько и прiятнымъ, такъ какъ оно дало возможность ему, живущему теперь почти въ полномъ одиночествѣ и притомъ среди населенiя, въ большинствѣ своемъ не сочувствующаго православiю, провести нѣсколько часовъ въ обществѣ сродныхъ ему молодыхъ людей и на время перенестись въ давно оставленную имъ и дорогую для него сферу. «Желаю и молю Бога, заключилъ онъ свою рѣчь, чтобы вашъ благой примѣръ (паломничества) не остался безъ желательнаго подражанiя со стороны учащихся въ другихъ заведенiяхъ и чтобы вы, видѣвшiе труды и благочестивые подвиги иноковъ, подражали имъ въ трудолюбiи, сдѣлались усердными и честными тружениками на предстоящемъ вамъ поприщѣ духовной науки и воспитанiя и проводили въ жизнь святыя начала вѣры и благочестiя. Да ниспошлетъ вамъ Господь для этого необходимыя силы, крѣпость, разумѣнiе и да сохранитъ васъ здравыми и невредимыми на многая лѣта!» — Отецъ инспекторъ, архимандритъ Евдокимъ въ короткихъ, но прочувственныхъ словахъ выразилъ благодарность высокопреосвященному хозяину за радушный прiемъ и пожелалъ

ему долгой и счастливой жизни. Отецъ Анастасій въ свою очередь высказалъ чувства почтительнаго удивленія предъ его высокими душевными качествами, которыя приближаютъ его къ идеалу архипастыря и дѣлаютъ его истиннымъ украшеніемъ Русской церкви. Въ заключеніе одинъ изъ студентовъ отъ лица товарищей сердечно поблагодарилъ высокопреосвященнаго за оказанныя намъ доброту и ласку, и за тѣ совѣты и пожеланія, какія онъ высказалъ намъ въ бесѣдѣ и рѣчи. Каждая изъ рѣчей оканчивалась громогласнымъ многолѣтіемъ.

Довольно продолжительное и торжественно-трогательное прощанье кончилось. Болѣе почтенные члены нашей корпораціи были отправлены къ вокзалу на единственной лошади. Студенты же, сопровождаемые самимъ высокопреосвященнымъ Николаемъ, пошли пѣшкомъ. Онъ проводилъ насъ почти до станціи, и только неудобство являться предъ посторонней публикой въ простой домашней одеждѣ заставило его вернуться обратно. Поѣзда намъ пришлось ждать не долго. Студентъ, посланный раньше, къ нашему приходу уже взялъ билеты. Оставалось лишь сѣсть въ вагонъ, что мы и сдѣлали, предварительно взглянувъ, какъ устроена Сердобольская станція. Въ поѣздѣ, къ счастію, пассажировъ было не много, такъ что мы всѣ помѣстились въ одномъ вагонѣ. Нельзя, однако, сказать, чтобы вагонъ былъ удобенъ, такъ какъ даже немногія, захваченныя нами, вещи, за отсутствіемъ лавочекъ вверху, положить было некуда. Кромѣ того, онъ былъ малопомѣститеденъ и низокъ, а со внѣ выглядѣлъ довольно некрасиво; темнокоричневая окраска его давно уже успѣла полинять, и по мѣстамъ обнажилось дерево. Но главное неудобство путешествія по Финляндіи состояло въ томъ, что кондукторы, не говоря уже о низшей поѣздной прислугѣ, очень и очень плохо изъясняются по-русски. Большинство изъ нихъ знаетъ только одно русское слово—«билетъ». Съ этимъ послѣднимъ неудобствомъ намъ пришлось познакомиться очень скоро. На слѣдующей отъ Sortavala станціи въ

нашъ вагонъ сѣла молоденькая чухонка и тотчасъ за чѣмъ-то вышла. Вернувшись, она быстро начала говорить что то одному только что сѣвшему на мѣсто студенту. Зная по-фински только нѣсколько отдѣльныхъ словъ и очень немного короткихъ фразъ, мы не могли понять,—въ чемъ дѣло. Предполагая, что незнакомка хлопочетъ объ уступкѣ ей мѣста П. В. А—въ, лучше другихъ изучившій финскій лексиконъ, съ большимъ трудомъ извлекъ изъ своего скуднаго запаса и съ возможною любезностью произнесъ, какъ ему казалось, подходящую къ случаю фразу: «soria neidi, olkohüva istuka», что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ—«прекрасная барышня, пожалуйста садитесь», и при этомъ указалъ на свободную противоположную лавочку. Однако эта фраза не подѣйствовала на чухонку; не возымѣла ожидаемаго дѣйствія и другая, съ не меньшимъ трудомъ составленная, фраза: «пюдянъ нейюри мясти» («покорнѣйше прошу васъ»). Дѣвушка, раздраженная нашимъ непониманіемъ или, можетъ быть, по ея мнѣнію, нежеланіемъ понять, уходитъ изъ вагона и тотчасъ возвращается въ сопровожденіи улыбающагося кондуктора. Изумленные такимъ оборотомъ дѣла, мы говоримъ послѣднему уже по-русски, что мѣсто пассажиркѣ мы предлагали и не знаемъ, чего именно она хочетъ. На это почтенный кондукторъ, вдругъ утратившій свое благодушіе, выпалилъ: «мина ипнюмаре»—«я не понимаю» (т.-е. русскаго языка). Истица же, указывая на того же студента, съ жаромъ продолжала что-то говорить и, какъ видно, чего-то требовать. «Можетъ быть, она желаетъ занять твое мѣсто», сказали мы товарищу,—«перейди-ка на противоположную скамейку». Товарищъ послушался. Финка съ протянутой рукой порывисто бросилась къ освобожденному имъ мѣсту и схватила, только теперь замѣченный нами, кошелекъ. Весело улыбнувшись и бросивши намъ: «кійоксія» (благодарю), за минуту свирѣпая, незнакомка скрылась.

На слѣдующей станціи оберъ-кондукторъ кое-какъ объ-

яснилъ намъ, что дѣвушка хотѣла кошелькомъ занять мѣсто и что нашъ товарищъ, по незнанію занявшій послѣднее, возбудилъ у ней подозрѣніе относительно судьбы кошелька.

Однако этотъ курьезный инцидентъ не на долго занялъ наше вниманіе. Превосходные ландшафты финляндской природы скоро заставили насъ забыть о немъ. Къ сожалѣнію, быстрое движеніе поѣзда не позволяло долго разсматривать ихъ. Замѣчательно, что здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются контрасты и неожиданные переходы отъ одной картины къ другой—противоположной. При быстромъ движеніи поѣзда бурый гранитъ постоянно смѣняется красноватымъ, высокая гора вдругъ оканчивается полноводнымъ, зарощеннымъ озеромъ, болотцемъ или просто лужайкой; на ряду съ высокой травой и густымъ лѣсомъ то тамъ, то здѣсь встрѣчаются полукруглые бугры, лишенные растительности; по сосѣдству съ превосходно обработанной, въ большинствѣ случаевъ одинокой, пашенкой нерѣдко можно видѣть безконечное множество большихъ и малыхъ камней, въ безпорядкѣ, точно нарочно, разбросанныхъ по различнымъ направленіямъ. Нуженъ, думается, нечеловѣческій трудъ, чтобы очистить поле отъ этихъ камней и заставить его производить хлѣбные злаки. При видѣ этой безподобно красивой и въ то же время дикой и суровой природы, человѣкъ кажется здѣсь случайнымъ гостемъ, а не постояннымъ обитателемъ и хозяиномъ. Однако неоднократно встрѣчающіяся по дорогѣ группы домиковъ, обнесенныхъ каменными оградками, свидѣтельствуютъ о противномъ. Особенно причудливыми и красивыми видами отличается мѣстность до станціи Антреа, гдѣ производится пересадка съ Николаевской ж. дороги на вѣтку, ведущую къ Иматрѣ. Отсюда начинаются уже болѣе ровные и однообразные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе красивые пейзажи. Здѣсь на протяженіи 35-ти верстъ не встрѣчается ни высокихъ горъ, ни обширныхъ озеръ, ни полукруглыхъ, съ навѣсившимися соснами, будто выточенныхъ изъ гранита

нишъ... Зато на этомъ пути можно видѣть большее количество пашенъ и лужаекъ, покрытыхъ клеверомъ. Здѣсь намъ пришлось наблюдать, какъ финляндцами производится уборка сѣна. Она отличается отъ уборки въ центральной Россіи тѣмъ, что сѣно здѣсь не переворачивается («ворошится»), а навѣшивается для просушки на вбитые въ землю колья съ массою деревянныхъ гвоздей по бокамъ.

Надвигалась уже обычная въ сѣверо-западной полосѣ Россіи изсѣра-бѣлая ночь, когда поѣздъ медленно и плавно подвозилъ компанію путешественниковъ-студентовъ къ станціи Иматра. Часовыя стрѣлки показывали 10½. Довольные любезнымъ пріемомъ и ласковою привѣтливостью Финляндскаго владыки и Сердобольскихъ дамъ, очарованные живописными видами проѣханнаго уголка Финляндіи, путники бодро и весело выходили изъ душнаго вагона на открытую площадку красиваго вокзала. Слышались оживленные толки, раздавались бурные взрывы раскатистаго студенческаго хохота. Счастливо настроенной толпѣ пилигриммовъ улыбалась свѣтлая перспектива увидать и полюбоваться прославленнымъ чудомъ Прибалтійскаго края. Издали доносился ослабленный разстояніемъ бѣшеный ревъ клокочущаго водопада. Предстояло однако озаботиться прежде всего пріисканіемъ мѣста для надежнаго сбереженія багажа. Въ Финляндіи это не такъ-то легко для русскаго туриста, знающаго только свой родной языкъ. Служащіе на желѣзныхъ дорогахъ—всѣ туземцы и говорятъ почти исключительно на мѣстномъ нарѣчіи. О. Анастасій съ двумя-тремя изъ студентовъ отправился куда-то вести переговоры. Остальная компанія съ корзинами и саквояжами осталась на вокзалѣ. Прошло минутъ 20, прежде нежели дѣло съ вещами успѣшно устроилось. Можно бы было двинуться въ путь, да препятствовало начавшее настойчиво заявлять себя чувство голода. Новые поиски, новая мѣшкотня, новые курьезы. Въ гостинницѣ, куда прежде всего заглянули два студента, повидимому, почти никогда не видывали русскихъ. По крайней мѣрѣ, появленіе

студентовъ вызвало здѣсь необычайный переполохъ и комичную суматоху. Оказалось, что въ гостиницѣ для такой большой компаніи, какъ наша, можно найти только легкую закуску и то до 12-ти часовъ ночи. Плата назначалась довольно высокая. Студенты поторопились раскланяться и подѣлиться добытыми свѣдѣніями съ поджидавшими ихъ спутниками. Въ виду высокой цѣны, спрошенной въ гостиницѣ, рѣшено было пожертвовать интересами желудка. Немного разочарованные, путешественники направились къ водопаду, руководясь, какъ компасомъ, шумомъ гдѣ-то вдали падающей воды. Приблизительно на полуверстномъ разстояніи отъ вокзала путники увидали пѣнящуюся Вуоксу. До водопада было еще около $^1/_2$ километра, между тѣмъ рѣка, какъ бы предчувствуя предстоящее сраженіе съ гранитомъ, бурлила и кипѣла. Широкія волны, съ образовавшимися бѣлыми гребешками на поверхности, сердито наскакивая одна на другую, неслись въ неизвѣстную даль. Шумный плескъ ихъ, соединяясь съ доносившимся буйнымъ завываніемъ Иматры, производилъ внушительное впечатлѣніе. Пошли далѣе. Наконецъ — вотъ и водопадъ, вотъ мостъ, перекинутый черезъ рѣку при самомъ началѣ водяного ската. Ночь уже окончательно вступила въ свои права, сообщая свой унылый колоритъ всей окружающей обстановкѣ. Сумрачно выглядывали волны, сумрачно пестрѣли плакучія березы и граціозныя сосны, сумрачно выдавался фасадъ вычурно красивой гостинницы, прилѣпившейся на правомъ берегу бѣснующагося водоската. Оглушительный ревъ падающихъ и несущихся подъ уклонъ громадныхъ водныхъ массъ достигъ поразительныхъ размѣровъ. Гудѣлъ какой-то хаотическій концертъ разнохарактерныхъ грубыхъ и негармоническихъ звуковъ. Среди преобладающихъ октавныхъ тоновъ слышались то сиплый свистъ взлетѣвшей вверхъ водяной струйки, то предсмертный стонъ разбившейся о гранитъ стремительной волны, то переливчатое жужжанье перебѣгающихъ прибрежныя каменныя глыбки ручейковъ, то пронзительное взвизгива-

ніе сшибающихся во взаимной схваткѣ освирѣпѣвшихъ водныхъ быстринъ... Казалось, тысячи увлекшихся до озарства безчинствующихъ миѳическихъ артистовъ, вооружившись гигантскими смычками, пытались разыграть на колоссальныхъ инструментахъ крайне дикую фантазію, или безчисленное множество забавляющихся чудовищъ занималось одновременной пробой своихъ дикихъ голосовъ. Все вмѣстѣ порождало грандіозный шумъ, сливалось въ бѣшеный грохотъ, въ неистовый гулъ. Привыкшее ухо переставало различать отдѣльные характерные нюансы. Требовалось прислушаться, чтобы уловить тональную разницу въ этой сплошной звуковой оргіи.

Самый водопадъ вѣрнѣе было бы называть водоскатомъ. Здѣсь почти нѣтъ прямого отвѣснаго паденія. Громадныя массы водъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженъ [1]) низвергаются по отлого-спускающемуся склону, усѣянному рытвинами и гранитными глыбами. Въ самой серединѣ водоската возвышается трехсаженная скала, черезъ которую прыгаетъ стремглавъ разъярившаяся стихія. Въ концѣ его новая глыба и новый отчаянный скачокъ бунтующей воды.

Мы осмотрѣли Иматру съ четырехъ различныхъ пунктовъ, какъ то дѣлаютъ обыкновенно всѣ посѣщающіе водопадъ туристы. Сперва постояли на мосту, полюбовались открывающимся отсюда видомъ. Водоскатъ здѣсь только что начинаетъ обрисовываться. Довольно широкая полоса воды, вся превратившаяся въ пѣну, неудержимо мечется, куда-то рвется, чего-то тревожно ждетъ, на что-то гнѣвно и зловѣще жалуется, къ чему-то напряженно подготовляется... Идемъ дальше по лѣвому берегу. Внезапно вода обрывается въ глубокій ухабъ, въ пространную выбоину. Такъ вотъ на что злится шумная Вуокса! Огромная гра-

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду та часть водоската, которая обычно называется водопадомъ. Въ дѣйствительности же водоскатъ растянулся на 3 слишкомъ версты.

нитная глыба преграждаетъ путь бурлившей водѣ. Рѣка дѣлаетъ неимовѣрное усиліе и перескакиваетъ дерзкій утесъ, падая съ высоты трехъ саженъ, образуя клокочущую бездну, дробясь на милліоны кружащихся въ дикомъ вихрѣ водяныхъ брызгъ. Отчаянный натискъ водяныхъ массъ увѣнчался успѣхомъ,—и ликующая Иматра бѣшенымъ галопомъ мчится по извилистымъ гранитнымъ грядамъ. Быстрина теченія прорвавшагося воднаго потока прямо ужасающая. Тяжелые камни, цѣлыя бревна мгновенно подхватываются водой и исчезаютъ изъ глазъ, прежде нежели успѣешь приготовиться къ наблюденію. Взоры зрителя утомляются, голова начинаетъ слегка кружиться. Наконецъ разбушевавшаяся Иматра достигаетъ новой и теперь уже послѣдней преграды. Съ безумнымъ рычаньемъ, съ болѣзненнымъ стономъ гигантскій столбъ шипящей пѣны обрушивается на вѣковой гранитный наростъ и кувыркомъ летитъ внизъ аршина на четыре. Рѣка хохочетъ, захлебывается отъ восторга. Водяные каскады взлетаютъ вверхъ, прыгаютъ на берегъ, угрожаютъ вырваться изъ гранитныхъ тѣснинъ, захлеснуть неосторожнаго смѣльчака, затопить всю окрестность, постоянную равнодушно-холодную зрительницу вѣковой борьбы. Опасный путь пройденъ. Рѣка преодолѣла всѣ препятствія—и въ дальнѣйшемъ теченіи сравнительно спокойно катитъ свои затихнувшія воды. По временамъ только судорожныя движенія какого-либо бунтовщика валика напоминаютъ о совершенномъ грандіозномъ переходѣ. Стальной гранитъ не смогъ задержать бѣгущей рѣчки. Онъ побѣжденъ, но еще сохранилъ силу къ сопротивленію, еще грозитъ ея водамъ, еще не смятъ, не сломленъ, не уничтоженъ окончательно... Стоитъ онъ, грозный и суровый, и грудью встрѣчаетъ порывистые напоры, бѣшеную аттаку свирѣпой Иматры. Всѣ перепетіи этой упорной, исполненной драматизма, тысячелѣтней борьбы грозныхъ стихій проходятъ передъ глазами зрителя отдѣльными моментами. Водопадъ дѣлаетъ замѣтный изгибъ въ лѣвую сторону, такъ что стоящій въ хвостѣ

его на лѣвомъ берегу наблюдатель не видитъ его чудовищной головы.

Переходимъ на правый берегъ, занятый садомъ, принадлежащимъ содержателю гостиницы. По чистенькимъ, усыпаннымъ пескомъ, дорожкамъ, по бокамъ которыхъ пестрѣютъ цвѣточныя клумбы, высятся кіоски и красуются витрины, спускаемся внизъ на конецъ сада. Заботливый финнъ, мѣстный владѣлецъ, построилъ здѣсь подмостки, кончающіяся чѣмъ-то вродѣ баллюстрады, врѣзывающейся въ самый водопадъ на $^1/_4$ его ширины. Отдѣльныя волны клубящейся воды вскакиваютъ иной разъ на помостъ и образуютъ тамъ журчащіе ручьи. По этимъ ручейкамъ мы спѣшимъ на самый край смѣлаго сооруженія. Вотъ откуда стоитъ посмотрѣть на знаменитую Иматру! Мы стоимъ надъ самымъ зѣвомъ ярящейся пучины. Весь водопадъ развертывается передъ пораженнымъ взоромъ во всей своей зловѣщей мощи, во всей невыразимо-дикой красотѣ. Чудовищной змѣей вытянулась Иматра на пространствѣ 2,950 футовъ. Бѣшено мчится она прямо на васъ, судорожно извиваясь, гнѣвно бурля и яростно мечась въ узкомъ ущельи, образованномъ могучими гранитными стѣнами. Отдѣльные водяные валы клубятся, пляшутъ, неистово кружатся, грозно сшибаются между собою, то расходятся, то вновь встрѣчаются, то проваливаются въ пропасть, то прыгаютъ черезъ каменныя преграды, то сливаются въ бурный потокъ, то дробятся на мелкіе фонтаны. Облака водяной пыли носятся надъ водопадомъ.

Страшно и жутко смотрѣть на буйную Иматру въ часы ночныхъ сумерекъ. Сердце мучительно сжимается, воображеніе заполняется страшными образами. Вы чувствуете, какъ въ груди поднимается и постепенно растетъ какое-то не совсѣмъ опредѣленное чувство злости. Вы сердитесь, неизвѣстно почему и за что, на бѣснующійся около вашихъ ногъ сѣдой отъ отсутствія освѣщенія столбъ пѣнящейся воды и между тѣмъ не можете оторвать прикованныхъ къ Иматрѣ взоровъ.

Далеко за полночь осматривали мы прославленный водопадъ, не столько восхищенные, сколько пораженные имъ. Одинъ изъ спутниковъ, болѣе другихъ утомившійся, уже давно и сладко спалъ совсѣмъ не подъ колыбельные напѣвы завывающей Иматры. Между тѣмъ до отхода поѣзда оставалось еще шесть часовъ слишкомъ. Нужно было подумать объ удобнѣйшемъ распредѣленіи остающагося времени. Гостинницы были уже закрыты, у дверей вокзала оказались замки, окрестные жители мирно почивали на ложахъ. Мечтать объ отдыхѣ при такихъ условіяхъ не приходилось. И вотъ послѣдовало рѣшеніе, идти разыскивать другой водопадъ, извѣстный на языкѣ туристовъ подъ именемъ Малой Иматры. Къ счастью случился извозчикъ финнъ. Забралъ онъ въ свой экипажъ о. инспектора, о. Анастасія и о. Михаила Суворовскаго, объяснивъ остальной компаніи, что къ малому водопаду нужно идти прямо, все прямо, потомъ налѣво, все налѣво. Колеса загремѣли, отъѣзжающіе обѣщали намъ тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто выслать извозчика обратно за другими членами компаніи. Въ надеждѣ на это обѣщаніе тихонько поплелись мы въ маловѣдомый путь. Идемъ впередъ, разбившись на небольшіе кучки. Широкое, прекрасно утрамбованное, шоссе длинной лентой тянется передъ нами и скрывается за горизонтомъ. По бокамъ дороги высятся стройные сосны, мелькаютъ кудрявые лиственницы, привѣтливо шелестятъ березки, иной разъ выдвигается труба опрятнаго финскаго домика, одиноко пріютившагося въ пустынной мѣстности. Тишина нарушается только гуломъ оставленной нами Иматры. Идемъ сперва мало обезпокоенные, разговаривая, смѣясь, перекидываясь остротами. Но вотъ направо шоссе пересѣкается тропой, возлѣ которой стоитъ столбъ съ надписью «Иматра». Остановились, поразмыслили: не эта ли тропа ведетъ къ цѣли нашихъ поисковъ? Но вспомнивъ завѣтъ финнскаго возницы—«идти все прямо и потомъ налѣво», рѣшились продолжать путь по шоссе. Протекло около часа, пройдено болѣе четырехъ километровъ,—

передъ нами по правую сторону шоссе — деревушка, по лѣвую сторону—довольно широкая наѣзженная колея дороги. «Ну, думаемъ, здѣсь-то и нужно, вѣроятно, свернуть налѣво, тѣмъ болѣе, что стоящій возлѣ дорожной колеи столбъ украшается какой то таинственной надписью. Надпись выполнена столь дурнымъ финскимъ шрифтомъ, что скорѣе напоминаетъ собою клинообразное письмо древнихъ восточныхъ народовъ. Нашлись однако протестанты. Отсутствіе обѣщаннаго извозчика внушило сомнѣніе,—да точно ли это тотъ самый поворотъ, о которомъ говорилъ намъ пропавшій возница? Нѣкоторые рѣшились отказаться отъ мысли полюбоваться на малый водопадъ и уныло побрели назадъ. Другіе зашагали на «авось» по дорогѣ влѣво отъ Выборгскаго шоссе и совершенно вѣрно избрали направленіе. Въ скоромъ времени послышался стукъ колесъ, и появилась пролетка. Отецъ Михаилъ сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ и понукалъ вожжами лошадь; бѣдный возница дрожалъ и корчился отъ озноба. О. инспекторъ и о. Анастасій выглядѣли утомленными отъ безсонной ночи. Выяснилось, что финнъ по прибытіи на Валенъ-Коски (малый водопадъ) внезапно почувствовалъ приступы лихорадки. Бѣдный малый съежился, закряхтѣлъ и совершенно потерялъ способность управлять лошадью. Пришлось выручать и извозчика, и сѣдоковъ о. Михаилу, и онъ мастерски выполнилъ выпавшее на его долю назначеніе. Позабавившись немного разсказомъ о приключеніяхъ съ извозчикомъ и весьма обрадовавшись встрѣчѣ, мы съ облегченнымъ сердцемъ увѣренно зашагали далѣе. Пришлось намъ побродить и по задворкамъ, и по загонамъ, пришлось напугать и телятъ, и овецъ, прежде нежели мы попали наконецъ къ малому водопаду. Представившаяся нашимъ взорамъ картина въ общемъ мало напоминала предшедствующую. Малый водопадъ гораздо менѣе величественъ и грандіозенъ, нежели Большой. Но онъ, пожалуй, живописнѣе. Площадь, занимаемая имъ, особенно въ началѣ весьма широка. На всемъ пространствѣ этой

площади разсѣяны гранитные наросты. Вода тамъ и сямъ какъ бы сползаетъ съ этихъ наростовъ съ глухимъ ворчаньемъ. Пѣнясь и рѣзвясь, волны, валы и валики то быстро несутся по чуть замѣтному склону, то обѣгаютъ мѣшающія ихъ теченію глыбы, то карабкаются на нихъ, то гнѣвно ударяются объ ихъ гранитную броню и, разбившись, тяжело падаютъ сверху внизъ. Въ самомъ концѣ водопада возвышаются двѣ параллельныя скалы, удаленныя одна отъ другой не болѣе какъ на саженъ. Не успѣетъ вода скатиться съ одной, какъ уже принуждена перепрыгивать черезъ другую. Образовывается, такимъ образомъ, полукруглое углубленіе, напоминающее немного воронку или лучше жерло котла. Глазъ съ удовольствіемъ останавливается на этомъ игрушкѣ-водопадѣ. Тяжелаго впечатлѣнія, какое оставляетъ въ ночное время Большая Иматра, здѣсь совершенно нѣтъ. На *Валенъ-Коски* любуешься живописнымъ видомъ и только, и даже самый шумъ падающихъ водъ здѣсь теряетъ рѣзкій оттѣнокъ. Кажется, что рычитъ какое-то чудовище, правда дикое и кровожадное, но вполнѣ насытившееся обильной трапезой и громко выражающее по этому случаю свое удовольствіе. Къ сожалѣнію, немногіе изъ насъ могли вполнѣ оцѣнить своеобразную красоту Малой Иматры. Большинство настолько измучились, что черезъ пять минутъ послѣ прибытія на водопадъ уже храпѣли—кто на скамейкѣ, кто подъ деревомъ, кто на гранитномъ отлогомъ берегу Вуоксы. Только заблестѣвшее въ скоромъ времени солнце заставило усталыхъ путниковъ встрепенуться и отправиться въ обратный путь къ вокзалу. По дорогѣ мы снова сочли за нужное завернуть на Большую Иматру, пробраться на подмостки и окинуть водопадъ прощальнымъ взоромъ. Солнце уже высоко стояло на небѣ, когда мы подошли къ сооруженію догадливаго содержателя гостиницы, одинъ изъ нашихъ уже былъ тамъ, но отнюдь не любовался чуднымъ видомъ. Онъ безмятежно спалъ, прислонясь спиной къ рѣшеткѣ и вытянувъ ноги по скамейкѣ. Тихонько, чтобы

не разбудить почивающаго товарища, мы пробрались на самый край баллюстрады и—ахнули отъ изумленія: свирѣпой Иматры нельзя было узнать. Подъ яркимъ освѣщеніемъ солнечныхъ лучей, водопадъ ожилъ, заблестѣлъ, заулыбался. Всѣ цвѣта радуги переливались въ образовываемыхъ Иматрой каскадахъ и фонтанахъ. Серебряная пыль кружилась въ воздухѣ, крупныя капли воды, словно кристальныя слезы, разлетались во всѣ стороны, падали на берега, на деревья, въ игравшую всѣми красками водную быстрину. Невольно выплывалъ изъ глубины памяти удивительно смѣлый стихъ пѣвца Фелицы: «алмазна сыплется гора». Не скоро оторвешься отъ великолѣпной, утренней, свѣжей и ликующей Иматры. Свѣтовые эффекты сотворили чудо. Вмѣсто ужаснаго, отвратительнаго чудовища—предъ вами волшебная панорама. Нехотя покинули мы водопадъ, нехотя прибрели на площадку желѣзнодорожнаго вокзала, чтобы хоть часовымъ сномъ освѣтить обезсиленный организмъ. Проснувшіеся финны, съ коротенькими трубками въ зубахъ, сновали мимо вокзала и съ любопытствомъ посматривали на развалившихся—кто гдѣ—путешественниковъ. Въ 7-мь часовъ утра загудѣлъ свистокъ локомотива. Прощай Иматра, до свиданья Финляндія! Надорванныя ночнымъ бодрствованіемъ силы не дозволили намъ остановиться въ Выборгѣ и посѣтить Монрепо. Черезъ нѣсколько часовъ мы были уже въ сѣверной столицѣ. Это былъ конечный пунктъ нашего путешествія. Пробывши здѣсь нѣсколько дней, мы познакомились со всѣми петербургскими достопримѣчательностями, посѣтили Кронштадтъ, Петергофъ, Ораніенбаумъ, и разъѣхались въ разные концы Россіи (впереди было еще два мѣсяца каникулъ), полные самыхъ глубокихъ и разнообразныхъ впечатлѣній.

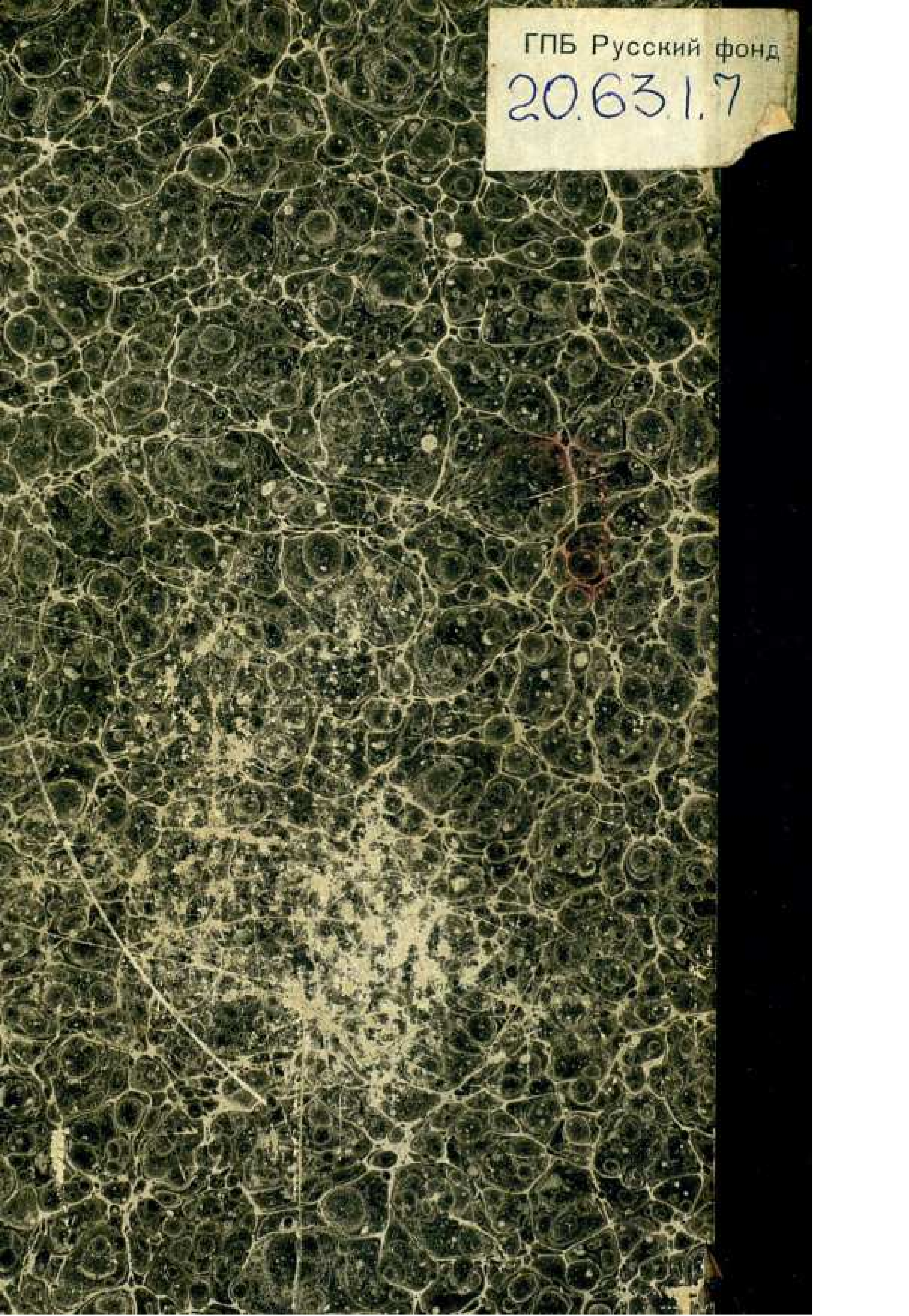
Что же дало намъ это паломничество, кромѣ удовлетворенія нашему религіозному чувству? Оно обогатило насъ

запасомъ новыхъ свѣдѣній, оно научило насъ цѣнить величіе и богатство нашей родины, оно раскрыло предъ нами огромное нравственное и культурное вліяніе монастырей на народную жизнь. Всматриваясь въ жизнь соловецкихъ и валаамскихъ иноковъ, мы нашли, что въ нихъ слишкомъ достаточно духовнаго огня и свѣта, чтобы зажигать его въ другихъ. Могучее воспитательное дѣйствіе Соловецкой и Валаамской обителей неоспоримо. Въ то время, какъ первая служитъ центромъ духовной жизни для всего сѣвернаго края, вторая вливаетъ свои чистыя струи въ мутный водоворотъ петербургской жизни и хоть отчасти оздоровляетъ его. Самое внѣшнее благоустройство этихъ монастырей весьма поучительно: оно показываетъ, что трудъ, соединившись съ молитвой и послушаніемъ, становится особенно производительнымъ и способенъ творить чудеса: въ этомъ заключается лучшій урокъ для тѣхъ, кто занятъ вопросомъ о матеріальномъ преуспѣяніи нашего отечества...

Великій завѣтъ Христа: «ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ» до сихъ поръ остается въ полной силѣ, и въ немъ одномъ лежитъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ соціально-экономическихъ проблеммъ.

1673 корени

ГПБ Русский фонд
20.631.7